

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

LOMONOSOV
PHILOLOGY
JOURNAL

Lomonosov Philology Journal

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER FIVE

SEPTEMBER– OCTOBER

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2025

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 5

СЕНТЯБРЬ–ОКТЯБРЬ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — **РЕМНЁВА Марина Леонтьевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой русского языка, президент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по лингвистике — **КОБОЗЕВА Ирина Михайловна**, д.ф.н., проф. кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по литературоведению — **ТОЛМАЧЁВ Василий Михайлович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по лингвистике — **РАЗЛЮГОВА Елена Эмильевна**, д.ф.н., профессор кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по литературоведению — **ЗЫКОВА Галина Владимировна**, д.ф.н., проф. кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Оргсекретарь — **БЕЛАВИНА Екатерина Михайловна**, к.ф.н., доц. кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Викторовна, д.ф.н., проф., зав. кафедрой английского языкознания, зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по научной работе; **БЕЛИКОВ Алексей Евгеньевич**, к.ф.н., доц. кафедры классической филологии, председатель Совета молодых ученых филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ВЕНЕДИКТОВА Татьяна Дмитриевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИВИНСКИЙ Дмитрий Павлович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИЗОТОВ Андрей Иванович**, д.ф.н., проф. кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **КОРОВИН Владимир Леонидович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПАХСАРЬЯН Наталья Тиграновна**, д.ф.н., проф. кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПЕТРУХИНА Елена Васильевна**, д.ф.н., проф. кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **СОЛОПОВ Алексей Иванович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ТАТЕВОСОВ Сергей Георгиевич**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella AmatuZZi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т); **БАКЕС Жан-Луи** (Jean-Louis Backès), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Ун-т Париж IV); **ВРАНЕШ Бранко** (Branko Vraneš), д.ф.н., профессор (Сербия, Белградский ун-т); **ДАЙ Гуйцзюй** (Dai Guiju), PhD, профессор (КНР, Пекинский ун-т иностранных языков); **ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич**, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН); **ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна** (Olga Inkova-Manzotti), д.ф.н., профессор (Швейцария, Женевский ун-т); **КОЛЛАРОВА Эва** (Eva Kollárová), PhD, профессор (Словакия, «Русский язык в центре Европы»); **ЛЕВЕРС Даниэль** (Daniel Leuwers), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, ун-т г. Тур); **МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна** (Biljana Mirchevska Bosheva), д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия); **МИРКУРБАНОВ Насирулла Мирсултанович** (Nasirulla Mirkurbanov), к.ф.н., профессор (Узбекистан, Национальный университет Узбекистана им. М. Улугбек); **ПЕНЧЕВА Антония Иванова**, д.ф.н., доцент (Болгария, УНСС); **ПЕТРУХИНА Наталья Михайловна**, д.ф.н., профессор (Узбекистан, Узбекский государственный ун-т мировых языков); **ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович**, д.ф.н., профессор, чл.-корр. РАН (Россия, ИМЛИ РАН); **РОВДО Иван Семенович** (Ivan Rovdo), д.ф.н., профессор (Белоруссия, БГУ); **РЫЧКОВА Людмила Васильевна**, к.ф.н., профессор (Гродненский ГУ, Белоруссия); **СОКОЛОГОРСКАЯ Ирен** (Irène Sokologorsky), д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Париж VIII); **СУВАЙДЖИЧ Бошко** (Boško Suvajdzic), д.ф.н., профессор (Сербия, Белградский ун-т); **СУЛЕЙМЕНОВА Элеонора Дюсеновна**, д.ф.н., профессор (Казахстан, президент Казахстанской ассоциации рус. яз. и лит.); **ТЕРКУЛОВ Вячеслав Исаевич**, д.ф.н., профессор (Донецкий национальный университет); **УХЛИК Младен** (Mladen Uhlik), PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны); **ЦРВЕНКОВСКА Эмилия** (Emilija Crvenkovska), д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия)

Редактор *Т.А. Пирусская*

© Издательство Московского университета, 2025
© «Вестник Московского университета», 2025

СТАТЬИ

<i>Пентковская Т.В.</i> Лингвистические особенности путевого дневника А.А. Матвеева (в связи с проблемой авторства перевода «Летодеяний Церковных»)	9
<i>Алиева Э.А.</i> Синтаксические конструкции «именительный темы» в языковой структуре очерков М. Цветаевой «Мой Пушкин» и «Пушкин и Пугачев»	20
<i>Чуреева О.А.</i> Кириллические алфавитные фразеологизмы в диахроническом аспекте	36
<i>Каменева В.А., Рабкина Н.В., Румянцева А.А.</i> Концепт «жизнь» в языковом сознании кардиологов	48
<i>Садыкова Д.М., Зарипова А.Н., Акимова О.В.</i> Семантический способ образования шахматных терминов в русском, немецком и английском языках	60
<i>Кедрова Г.Е., Миронова Н.И., Чучупал В.Я.</i> Типичные артикуляционные стратегии китайских студентов при освоении русского произношения и возможности нейросетевого анализа	73
<i>Изотов А.И., Морозов Д.А.</i> Степени сравнения прилагательных в современном чешском письменном дискурсе	85
<i>Дикарева К.А.</i> Стереотипы-коллокации во французском языке (на материале сборника П. Даниноса «Le Jacassin»)	96
<i>Алексеева М.Г., Фролова В.А.</i> Пародийно-ироническое переосмысление понятия «величина» в литературной сказке Б. Келлермана „Die Geschichte von der verlorenen Wimper der Prinzessin“	104
<i>Александрова О.В., Конурбаев С.М.</i> Опыт построения когнитивной модели анализа традиционных фольклорных структур и их современных адаптаций	117

<i>Петров А.М.</i> Дефектные строки в народном силлабо-тоническом стихе: случайность или закономерность?	131
<i>Андрейчук К.Р.</i> «Человек, увидевший голову Медузы»: творчество Ф.М. Достоевского в шведской критике начала XX в.	144
<i>Чиан Ч.</i> Ирония в «библейской трилогии» Леонида Андреева	154
<i>Ян Сяоди.</i> «Письма династии Минь»: о цикле стихотворений И.А. Бродского с китайским контекстом	164
<i>Кротова Д.В.</i> «Легкие миры» и «Невидимая дева» Т. Толстой: повторы или прорывы?	175
<i>Сапрыкин М.Е.</i> Экология прагматики: поэзия Всеволода Некрасова в диалоге с традицией авангарда	184
<i>Цзоу Вэньяо.</i> Художественное пространство в романах Гузели Яхи- ной «Эшелон на Самарканд» и Андрея Платонова «Чевенгур» . . .	194

РЕЦЕНЗИИ

<i>Макеев М.С.</i> Рецензия на книгу: <i>Зубков К.Ю.</i> Просвещать и карать. Функции цензуры в Российской империи середины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 520 с.	206
<i>Пахсарьян Н.Т.</i> Рецензия на книгу: <i>Casanova d'une plume indocile.</i> <i>Essais de philosophie, de morale et de littérature /Edition établie</i> <i>sous la direction de Jean-Christophe Igalens et Erik Leborgne.</i> Paris: <i>Bouquins éditions, 2024. 1221 p.</i>	215

ПАМЯТИ...

<i>Ващенко Д.Ю.</i> Константин Васильевич Лифанов	221
<i>Байич Л.</i> Александра Вранеш (1960–2025)	225
<i>Солопов А.И.</i> Памяти А.А. Тахо-Годи (26.10.1922–08.09.2025)	229

CONTENTS

ARTICLES

<i>Pentkovskaya T.V.</i> Linguistic Features of A.A. Matveev's Travel Diary (in Connection with the Issue of the Authorship of the Translation of the <i>Annales Ecclesiastici</i>)	9
<i>Alieva E.A.</i> Syntactic Constructions of "Nominative Theme" in the Language Structure of M. Tsvetaeva's Essays <i>My Pushkin</i> and <i>Pushkin and Pugachev</i>	20
<i>Chureyeva O.A.</i> Cyrillic Alphabet Idioms: A Diachronic Perspective	36
<i>Kameneva V.A., Rabkina N.V., Rumiantseva A.A.</i> Cognitive Attributes of the Concept of Life in the Language Consciousness of Cardiologists	48
<i>Sadykova D.M., Zaripova A.N., Akimova O.V.</i> The Semantic Method of Chess Terms Formation in the Russian, German and English Languages	60
<i>Kedrova G.E., Mironova N.I., Chuchupal V.Ya.</i> Typical Articulatory Strategies of Chinese Students in Learning Russian Pronunciation and Possibilities of Neural Network Analysis	73
<i>Izotov A.I., Morozov D.A.</i> Degrees of Comparison of Adjectives in Contemporary Czech Written Discourse	85
<i>Dikareva K.A.</i> Stereotyped Collocations in French Language (Based on P. Daninos' Collection "Le Jacassin")	96
<i>Alexeeva M.G., Frolova V.A.</i> Parodic and Ironic Reinterpretation of the Concept of "Magnitude" in the Literary Tale by B. Kellermann's „Die Geschichte von der verlorenen Wimper der Prinzessin“	104
<i>Aleksandrova O.V., Konurbaev S.M.</i> An Experience in Constructing a Cognitive Model for Analyzing Traditional Folklore Structures and Their Modern Adaptations	117
<i>Petrov A.M.</i> Defective Lines in Folk Syllabic-Accentual Verse: Accident or Regularity?	131

<i>Andreichuk K.R.</i> “The Man Who Saw the Head of Medusa”: Dostoevsky’s Work in Swedish Literary Criticism of the Beginning of the 20 th Century	144
<i>Chiang C.</i> Irony in Leonid Andreev’s “Biblical Trilogy”	154
<i>Yang Xiaodi.</i> <i>Letters from the Ming Dynasty.</i> On the Chinese Context in Joseph Brodsky’s Poem Cycle	164
<i>Krotova D.V.</i> <i>Light Worlds</i> and <i>The Invisible Maiden</i> by T. Tolstaya: Repetitions or Breakthroughs?	175
<i>Saprykin M.Ye.</i> The Ecology of the Pragmatics: Vsevolod Nekrasov’s Poetry in Dialogue with Russian Avant-garde	184
<i>Zou Wenyao.</i> Comparative Characteristics of the Role of Space in Guzel Yakhina’s Novel <i>Echelon to Samarkand</i> and in Andrey Platonov’s Novel <i>Chevangur</i>	194

REVIEWS

<i>Makeev M.S.</i> Book review: Zubkov K.Yu. To Enlighten and Punish. Functions of Censorship in the Russian Empire in the Mid-19 th Century. Moscow: New Literary Review, 2023. 520 p.	206
<i>Pakhsarian N.T.</i> Book review: Casanova d’une plume indocile. Essais de philosophie, de morale et de littérature /Edition établie sous la direction de Jean-Christophe Igalens et Erik Leborgne. Paris: Bouquins éditions, 2024. 1221 p.	215

IN MEMORIAM

<i>Vashchenko D.Yu.</i> Konstantin Lifanov	221
<i>Bajić L.</i> Aleksandra Vraneš (1960–2025)	225
<i>Solopov A.I.</i> In Memoriam A.A. Takho-Godi (26.10.1922–08.09.2025) . . .	229

СТАТЬИ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПУТЕВОГО ДНЕВНИКА А.А. МАТВЕЕВА (В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ АВТОРСТВА ПЕРЕВОДА «ЛЕТОДЕЯНИЙ ЦЕРКОВНЫХ»). ЧАСТЬ I

Т.В. Пентковская

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия;
slav_fil@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматриваются лингвистические особенности путевого дневника А.А. Матвеева, содержащего описание его дипломатической поездки из Гааги в Париж в 1705–1706 годах. Язык сочинения Матвеева сопоставляется по ряду лексико-грамматических черт с языком «Летодеяний церковных», которые представляют собой перевод польской сокращенной версии «Церковных анналов» Цезаря Барония в обработке Петра Скарги. Основанием для такого сопоставления служит устоявшееся представление о том, что Матвеев является переводчиком этого текста. Для решения вопроса о тождестве переводчика «Летодеяний церковных» и автора путевого дневника выявляются и рассматриваются лексемы и грамматические формы, частотные в одном из этих текстов, но не встречающиеся в другом. В результате проведенного сопоставительного анализа устанавливается несходство лексического и грамматического узуса путевого дневника А.А. Матвеева и «Летодеяний церковных».

Ключевые слова: А.А. Матвеев; путевой дневник; «Церковные анналы»; Чудовский книжный круг; сравнительный анализ; глагольные формы; лексические заимствования

Финансирование: Исследование выполнено в рамках проекта РНФ, грант № 24-28-00240 «Культурно-языковое взаимодействие в предпетровскую эпоху: переводы с польского языка книжников московского Чудова монастыря» (ИРЯ РАН имени В.В. Виноградова): <https://rscf.ru/project/24-28-00240/>.

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-05-1

Для цитирования: Пентковская Т.В. Лингвистические особенности путевого дневника А.А. Матвеева (в связи с проблемой авторства перевода «Летодеяний Церковных») // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 5. С. 9–19.

LINGUISTIC FEATURES OF A.A. MATVEEV'S TRAVEL DIARY (IN CONNECTION WITH THE ISSUE OF THE AUTHORSHIP OF THE TRANSLATION OF THE ANNALES ECCLESIASTICI)

Tatiana V. Pentkovskaya

*Lomonosov Moscow State University; Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; slav_fil@mail.ru*

Abstract: The article examines the linguistic features of A.A. Matveev's travel diary, which contains a description of his diplomatic trip from the Hague to Paris in 1705–1706. The language of Matveev's work is compared in a number of lexicogrammatical features with the language of the Church Slavonic translation of Caesar Baronius *Annales Ecclesiastici* from the Polish abridged version made by Piotr Skarga. The basis for this comparison is the well-established notion that Matveev is the translator of this text. To resolve the issue of the identity of the translator of the *Annales Ecclesiastici* and the author of the travel diary, lexemes and grammatical forms that are common in one of these texts but not found in the other are identified and considered. As a result of the comparative analysis, the dissimilarity of the lexical and grammatical usage of A.A. Matveev's travel diary and the *Annales Ecclesiastici* is established.

Keywords: A.A. Matveev; *Diarius privatae legationis*; *Annales Ecclesiastici*; Chudov monastery book circle; comparative analysis; verb forms; lexical borrowings

Funding: The research was carried out as a part of the Russian Science Foundation Project no. 24-28-00240 "Cultural and Linguistic Interaction in the Pre-Petrine Era: Translations from Polish by the Scribes of the Moscow Chudov Monastery": <https://rscf.ru/project/24-28-00240/>.

For citation: Pentkovskaya T.V. (2025) Linguistic Features of A.A. Matveev's Travel Diary (in Connection with the Issue of the Authorship of the Translation of the *Annales Ecclesiastici*). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 9–19.

В числе первых постоянных представителей России за границей был окольничий А.А. Матвеев, назначенный в 1699 г. чрезвычайным и полномочным послом в Голландию. В 1705–1706 гг. он предпринял дипломатическую поездку из Гааги в Париж. Ее описание сохранилось в нескольких рукописях. Черновая рукопись РНБ, F.IV.552, 1705–1706 гг.¹ озаглавлена «Архив, или статейный список»². Этому русскому названию соответствует латинское заглавие, сделанное рукою автора на верхней крышке переплета — *Diarius privatae legationis ad*

¹ <https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=CDF19368-EEE3-416E-AF71-2C02CABB1FAE> (дата обращения: 27.02.2025).

² Архив — 'сборник документов, материалов' [СлРЯз XVIII в., вып. 1: 99].

Aulam Galliae («Дневник неофициальной миссии к французскому двору»). Вторая рукопись сер. XVIII в. хранится в архиве СПбИИ РАН, ф. 36 (Воронцовы), оп. 1, д. 180. Она значительно больше по объему, но обрывается на полуслове, написана несколькими писцами и восходит к не дошедшей до нас рукописи. Сохранилась также рукопись этого сочинения 1740-х гг. РГБ, ф. 29 (собр. И.Д. Беляева), № 86, почти полностью совпадающая по содержанию с предыдущей³. Начальная часть сочинения А.А. Матвеева имеет формальные и содержательные черты статейного списка, на что указывает название этого труда. Однако официальным отчетом это не было — текст сочетает в себе признаки путевых заметок, путеводителя, центральное место в нем занимает детальное описание французского двора. Работа эта осталась незаконченной. При создании своего труда А.А. Матвеев обращался к нескольким французским источникам, но их использование, по оценке исследователей, не делает его ни переводом, ни компиляцией [Шаркова 1963: 629–639; Матвеев 1972: 6, 25–28; Соловьев 2022: 487–488]. Именно по этим путевым заметкам, критическое издание которых появилось в 1972 г., можно судить о языке и писательских навыках А.А. Матвеева.

Имеются, кроме того, сведения о переводческой деятельности А.А. Матвеева. И.П. Сахаров, основываясь на владельческой записи, полагал, что А.А. Матвееву принадлежит перевод «Летодеяний церковных», то есть «Церковных анналов» Цезаря Барония в сокращенном переложении на польский язык Петра Скарги. Этот перевод представлен в рукописи РГБ, ф. 256 (собр. Н.П. Румянцева), № 15, 1689 г.⁴ [Сахаров 1841: IV]. Утверждение о принадлежности перевода Рум. 15 дипломату Петровской эпохи с тех пор повторяется в исследованиях [Шаркова 1963: 628; Соловьев 2022: 490]. Однако в серии недавних работ М.О. Новак на основании результатов сопоставительного анализа ряда переводческих приемов, словообразовательных и лексических параметров была выдвинута гипотеза о том, что перевод, отраженный в Рум. 15, принадлежит книжному кругу московского Чудова монастыря [Новак 2024: 40]. При этом сопоставление языка Рум. 15 с языком самого А.А. Матвеева не проводилось.

Целью настоящей работы является сопоставительный анализ языка «Записок» А.А. Матвеева с языком перевода «Летодеяний церковных» Рум. 15, направленный на верификацию выдвинутой

³ Описание рукописи: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/29/f-29-86/> (дата обращения: 27.02.2025).

⁴ Описание рукописи: <https://lib-fond.ru/lib-rgb/256/f-256-15/> (дата обращения: 27.02.2025).

М.О. Новак гипотезы. Задача эта осложняется тем фактом, что «Летодеяния церковные» написаны на церковнославянском языке, а сочинение Матвеева — на русском. Поэтому предметом рассмотрения стала область интерференции русского и церковнославянского языков, где были выделены такие элементы, употребление которых допустимо в обоих идиомах, что делает возможным их сопоставление. Иными словами, в фокусе внимания будут элементы, которые для соответствующего периода могут считаться нейтральными, то есть могут присутствовать в текстах как на церковнославянском, так и на русском языке. Настоящая работа состоит из двух частей. В первой из них рассматриваются отдельные глагольные формы, во второй — лексика.

Как известно, А.А. Матвеев владел латынью и польским языком. В его библиотеке, согласно описи 1733 г., насчитывалось 432 книги на латыни, 191 книга на французском, 155 «русских» книг, 39 книг на польском; имелись и книги на немецком, голландском и греческом языках, а также рукописи [Шаркова 1963: 637–638; Матвеев 1972: 3–5]. Под № 17 среди латинских книг в описи значится «Цесаря Борония погодное описание церковное, книга шестая» [Викторов 1863, отд. III: 57]. Но наличие соответствующей книги в личной библиотеке (притом на латыни, а не на польском языке), как и владельческая запись, не может с уверенностью дать ответ на вопрос о личности переводчика «Летодеяний».

Свои «Записки» А.А. Матвеев, как уже было сказано, пишет по-русски. Наиболее ярким и очевидным свидетельством этого является глагольная система. Так, единственные формы аориста в его дневнике-путеводителе — это формы 3 л. ед. ч. *умре* и *преставися*. В ряде случаев они соответствуют форме *passé simple mourut*; это форма, обычная для хроникальных сообщений в его источниках: Его королева мать **преставися** в 1666 году генваря в 20 день во дворе королевском в Лувре (с. 85)⁵ — *La Reine Mére... mourut au Louvre le 20. Janvier 1666 (L'état de la France, vol. 2, p. 2)*; Королева его Мария Ферезия **преставися** в Версалии 1683 году июля в 30 день, возраста своего 45 лет (с. 85) — *La Reine Marie-Thérèse d'Autriche... mourut à Versailles le 30. Juillet 1683. âgée de 45. ans (L'état de la France, vol. 2, p. 2)*; Сожительница его, вышеименованная принцесса, называлася мадама дауфина... **умре** 1690 году апреля в 20 день в Версалии (с. 86) — *Madame de Dauphine... mourut à Versailles, le 20. Avril 1690 (L'état de la France, vol. 2, p. 2)*. Однако точная передача французских

⁵ Все цитаты из «Записок» А.А. Матвеева приводятся по изданию [Матвеев 1972].

форм, судя по всему, не была приоритетом для Матвеева: перевод как таковой не является для него самоцелью, в его сочинении компиляция иноязычных источников перемежается с собственно по-сольским отчетом [Соловьев 2022: 491]. Следовательно, полной зависимости от оригиналов у него нет. Так, форме аориста может соответствовать прич. *mort*: Сын Людовика Армонда принц Руше Сурион, которой родился в Версалии 1694 декабря в 1 день и **умре** в 1698-м году. Граф де Марше, которой родился в Версалии 1695 году ноября в 9 день и **умре**. Граф де Але, которой родился 1697 году ноября в 19 и **умре** (с. 94) — ср. M. le Prince de la Roche-fur-Yon, né à Verfailles le premier Décembre 1694. **mort** en 1698. M. le Comte de la Marche, né à Verfailles le 9. Novembre 1695. Mademoiselle d'Alais, née à Paris le 19. Novembre 1697. morte en 1699 (L'état de la France, vol. 2, p. 164).

В переводе эпитафии кардиналу Ришелье⁶ повторяющиеся формы *passé composé* переведены по-разному: Он **умер**, как он жил, велик, непобедим, хвален, и с последней чести оплакан от своего короля и к своему вечному благовременству он **умре** смиренно христиански и свято. Кто каков бы ты ни был еси, ты не имеши стражи отрицшия твоих молитв от такова великаго мужа⁷, но в прощении воспомяни сего, что тебе отдает сие благочестия должность и сему кто чрез сии вельможныи здания преславныя Сорбоны оставил един⁸ гроб⁹ великой его благочестия. Сей велики кардинал **умре** в Париже декабря в 4 день 1642-го году, жизни своей 57 лет 3-х месяцев и одного дни¹⁰ (с. 211–212) — Il est mort comme il a vécu, grand, invincible, glorieux; et pour dernier bonheur, pleuré de son Roy; et pour son éternel bonheur il est mort humblement, chrétiennement et saintement. Qui que tu fois, tu n'as garde de refuser tes prieres à un si grand homme; mais en priant, souviens-toy, que tu rends ce pieux devoir à celui qui par

⁶ Изображение и текст можно найти, в частности, здесь: Epitaphe de Monsieur le / Cardinal de Richelieu gravée. <https://www.parismuseescollections.paris.fr/fr/musee-carnavalet/oeuvres/epitaphe-de-monsieur-le-cardinal-de-richelieu-gravee> (дата обращения: 01.02.2025).

⁷ 'Кем бы ты ни был, ты не решишься отказать в своих молитвах такому великому человеку'. Дословный перевод конструкции N'avoir garde de + inf.: <http://stella.atilf.fr/Dendien/scripts/tlfiv5/visusel.exe?17;s=2423229045;r=1;nat=;sol=6;> (дата обращения: 03.02.2025). Ср. стража 'забота, охранение', 'соблюдение'; стражба 'охрана, защита', 'забота, попечение, оберегание' [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 28: 124].

⁸ Калькирование неопределенного артикля un.

⁹ В значении 'надгробный памятник' (monument). Значение 'гробница, надгробие' у лексемы *гробъ* зафиксировано в памятниках XVIII в. [СлРЯз XVIII в., вып. 5: 237], а также в более ранний период (Хождение игумена Даниила по сп. 1496 г.) [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 4: 137].

¹⁰ moins un jour 'без одного дня, за вычетом дня'.

ces superbes bâtimens de la célèbre Sorbonne, a laissé un si grand monument de sa piété. Ce grand cardinal **mourut** à Paris le quatrième jour de Decembre mil six cens quarante-deux, âgé de cinquante-sept ans trois mois moins un jour (Description de la Ville de Paris, p. 420–421). Не исключено, что две первые формы в этом риторически устроенном периоде первоначально могли быть переведены одинаково русской формой *умер*, а аорист в конце эпитафии служил только соответствием для заключительной формы *passé simple*.

Помимо ориентации на глагольную форму французских источников, существенное влияние на выбор аориста оказывает в данном случае деловой язык. Так, форма *умре* характерна для ревизских сказок, где она является единственной клишированной формой аориста, завершающей цепочку русских форм прош. времени [Шагапова 1982: 69–70]. Шаблон этих документов, в которых «поименно перечисляются лица, подлежащие переписи, называются имя, фамилия, указывается возраст, перечисляются дети, родственники и свойственники», сходен в общих чертах со сведениями, приводимыми А.А. Матвеевым о французском королевском доме. 12 примеров подобного употребления содержит, в частности, Переписная книга Лопотова монастыря (1701.09.06): А в ней крестьян: во дворе Васка, у него брат Митка дватцати дву лет, Леонтьевы, у Васки сын Федка осми лет; во дворе Оска Леонтьев; во дворе Фомка Емельянов, у него братья: Лучка дватцати лет, Никешка двенатцати лет; во дворе Тишка, Ивашко, у них же брат Федка 18 лет, Андреевы, у Тишки сын Левка трех лет, у Ивашка сын Якимко десяти лет; двор пуст Абросимка Кирилова, а он *умре* бездетен; двор пуст Ивашка Яковлева, а он *умре* бездетен [Шамина 2011: 30–63]. Объединяющим началом оказывается принадлежность рассматриваемых фрагментов к канцелярской традиции.

Естественно, что форму аориста *умре* мы находим и в «Летодеяниях церковных», где она, однако, выступает как заключительная форма в ряду простых претеритов: РГБ, ф. 256, № 15 *лѣтъ Гдѣне сѣѣ... Прѣхавъ в ѳѣмъ¹¹ Клавдіи, вѣяріся на триѳоніѣ женѣ декіа кесаря і на кири^ллѣ дщѣ^р его іако ко хр^тѣ, вѣи нхѣ оставивше, пристѣпиша: тѣмже триѳоніѣ ѳмре* (л. 257)¹² — Roczne dzieie kościelne 1607 Przyiechawŝy do Rzymu Klaudius / rozgniewał się ná Trifonią żonę Decyubá Cefárzá / y ná Cyrillę cōrkę iey / iż do CHRISTVSA,

¹¹ Судя по употреблению варианта *Рим*, *римский* здесь и в других случаях, переводчиком этого текста был не Евфимий Чудовский, который, как правило, употреблял кальку *Ромъ*, *ромский* [Пентковская, Бабаева 2022: 74].

¹² <https://lib-fond.ru/lib-rgb/256/f-256-15/#image-252> (дата обращения: 03.02.2025).

bogami wzgardziwszy / przystały. Triphonia w tym umarła (с. 145); РГБ, ф. 256, № 15 **лѣто гдѣ соа... в то лѣто плоти велікїи і ве́ховныи вѣ́ка тогѡ филѡсѡфъ платоническѣ: егѡже во стѣхъ языцы почитахъ ѿмре** (л. 258) — Tego roku Plotynus wielki y naprzedyŝy wieku onego Philozoph Plátonik / ktorego zá świętego Pogánie mieli / umarł (с. 146).

Преимственность узуса Матвеева по отношению к деловому языку показывает наличие в его языке форм деепричастий на *-дчи* от глаголов с основой на твердый корневой согласный типа *вышедчи* (с. 72, 81, 87), *вшедчи* (с. 73, 232), *нападчи* (с. 92): Из той каморы вышедчи, две еще находятся, одна насупротив, а другая налево збоку (с. 229); Посол, вшедчи, чинит три униженные королю поклона (с. 145); Офицеры обеих тех полков... прошедчи все, позволение от своих полковников одержали сесть на лошади и ехать в Париж (с. 133); Перед его, кардиналовым, выходом мадама душесса Бургонская указала в своей антишаморе, или в передней полате, встретить его, кардинала, первой своей надворной даме, госпоже душессе де Лиот, которая его, кардинала, введчи в сей покой, с поклоном низким объявила ей, мадаме душессе Бургонской (с. 153); При том против нее, душессы Бургонской, поставлен был ему, кардиналу, табурет, где ему она, душесса Бургонская, седчи сама, велела ему сесть (с. 153)¹³. Подобные формы отсутствуют в переводе Рум. 15, они не характерны в целом для переводов Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского.

Такие деепричастные формы, восходящие к форме им.п. ед.ч. ж.р., широко распространены в русских говорах [Борковский, Кузнецов 2006: 304; Кузьмина, Немченко 1971: 144]. В то же время они занимают заметное место в статейных списках русских послов XVI–XVII вв. Так, в Статейном списке посольства въ Крым 1680 г. стольника Василия Тяпкина и дьяка Никиты Зотова встречается две таких формы в одном контексте: И мы ссѣдчи съ лошадей шли до Ханского двора, и дворомъ, и въ хоромы къ Хану вошли въ шапкахъ, тѣмъ же посольскимъ порядкомъ, и **вшедчи** стали посреди полаты¹⁴. Особенно частотна в статейных списках форма *седчи/сетчи*: Да **сетчи** послы позвали к себе Юрья Артера с товарищи к руке (статейный список И.М. Воронцова (Швеция), 1567–1569 гг.);

¹³ На фоне регулярного употребления деепричастий на *-дчи* только один раз встретился иной суффиксальный вариант: Он, маркиз, **прочетши** тот перевод (с. 71).

¹⁴ Здесь и далее для сопоставления приводятся данные из панхронического корпуса Национального корпуса русского языка: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.02.2025).

А сам Касим встретил Ивана в полате близко дверей и, **сетчи** в полате, поговорил о дороге, как ехати в Царьгород (Статейный список И.П. Новосильцева (Турция), 1570 г.); И Григорей и Ивашко на королевнине жалованье челом били и, **седчи** и колымаги, поехали х королевне (Статейный список Г.И. Микулина (Англия), 1600–1601 гг.); 6 раз она зафиксирована в Статейном списке Ф.А. Писемского (Англия), 1582–1583 гг.: И **сетчи** в колымаги х королевнину двору поехали. Встречается такая форма и в Путешествии стольника П.А. Толстого по Европе 1697–1699 гг.: И у костела **седчи** в те же кореты, и пошли на загородной свой двор¹⁵.

Кроме этого, такие формы отмечаются и в других старорусских источниках: в расспросных речах 1623 г. (Брянск) и^здержа^л де он **украдчи** г^сдревы^х дене^г девяноста восемь рубле^в с полтиною [Галинская 2015: 408]; в челобитных: они Василеі да Прокопеі **вышетчи** переметали озорничеством тѣ дрова против моих ворот (А. Клеменьев М.П. Салтыкову, посл. треть XVII в. — нач. XVIII в.), а также в летописях: И **прошедчи** Клушино три версты к Цареву Займищу, стал табаром (Бельский летописец, 1630–1635 гг.) и др. Наиболее важной, однако, является связь языка сочинения Матвеева именно со статейными списками, традицию которых он продолжает.

В «Записках» А.А. Матвеева в свою очередь отсутствуют инфинитивные конструкции типа *еже* + инфинитив, характерные для языка Рум. 15. Конструкции, имитирующие греческий субстантивированный инфинитив, характерны в первую очередь для церковнославянского языка строгой нормы, однако вариант *еже бы* + инфинитив может встречаться также в старорусских текстах (где *еже бы* является эквивалентом союза *чтобы* [СлРЯз XI–XVII вв., вып. 5: 35–36]). В частности, подобные конструкции нередко отмечаются в переводе «Гистории управления настоящего империи Оттоманской» П.А. Толстого, выполненном на русский язык: БАН 31.3.22 сего ради я надѣюся угодити читателю **еже написати** оныи догово^р здесь о^т слова до слова (л. 131–131 об.) — *hò credito di far piacere al Lettore di rapportarlo qui parola, per parola* (с. 136).

В путевом дневнике А.А. Матвеева *еже* не засвидетельствовано в качестве местоимения и всего один раз встречается в функции союза в посольской речи к королю при аудиенции, причем сообщается, что текст ее был передан королю на латинском и на французском языках: *Еже довольно есть токмо прихожу, дабы я особливо покор-*

¹⁵ При этом в переводе «Гистории управления настоящего империи Оттоманской», выполненном П.А. Толстым в первое десятилетие XVIII в. с итальянского языка (по рукописи БАН, 31.3.22), таких форм нет.

но вручил себя вашего милостивейшаго величества великому благоволению и великой милости (с. 73). Следовательно, появление *еже* здесь обусловлено переводным характером документа.

Таким образом, в «Записках» А.А. Матвеева в области глагольных форм прослеживается ориентация на деловой язык и не отмечаются конструкции, свойственные переводу Рум. 15. Существенно отличается в двух этих источниках частотность определенных элементов (вплоть до нуля употреблений) и их сочетаемость; речь идет об элементах, употребительных в обоих идиомах — русском и церковнославянском, — в частности, союза *еже*, который у Матвеева ни разу не засвидетельствован в сочетании с инфинитивом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Борковский В.И., Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. М.: КомКнига, 2006. 512 с.
2. *Викторов А.* Опись библиотеки гр. А. А. Матвеева и графини Матвеевой. Летописи русской литературы и древностей. Т. 5, отд. III. С. 57–79. М., 1863.
3. *Галинская Е.А.* Историческая грамматика русского языка. М.: URSS, 2015. 416 с.
4. *Кузьмина И.Б., Немченко Е.В.* Синтаксис причастных форм в русских говорах. М.: Наука, 1971. 310 с.
5. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 06.03.2025).
6. *Новак М.О.* Церковнославянская версия «Церковных анналов» Цезаря Барония и переводы Чудовского круга XVII в.: сопоставительный анализ лексики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2024. Т.23, № 6. С. 39–48. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.3>
7. *Пентковская Т.В., Бабаева Е.Э.* Перевод Корана Петровской эпохи. М.: МАКС Пресс, 2022. 800 с. DOI: <https://doi.org/10.29003/m3010.978-5-317-06849-3>.
8. Русский дипломат во Франции: (Записки А. Матвеева) / Публикация подгот. И.С. Шарковой; Под ред. А.Д. Люблинской [Вступ. статья А. Люблинской и И. Шарковой]. Ленинград: Наука, 1972. 296 с.
9. *Сахаров И.* Записки русских людей. События времен Петра Великого. Санкт-Петербург: тип. И. Сахарова, 1841.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–31–. М., 1975–2019–.
11. Словарь русского языка XVIII вв. Вып. 1–23–. М.–Л., 1984–2024–.
12. *Соловьев А.Ю.* Встреча русского человека с Европой в путевых заметках Петровского времени (А. А. Матвеев) // Вестник СанктПетербургского университета. Язык и литература. Т. 19, вып. 3. 2022. С. 486–496. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.305>
13. *Шагапова О.М.* Фонетико-морфологические данные ревизских сказок первой половины XVIII в. // Лингвистическое источниковедение. История русского языка. Исследования и тексты. 1982. М.: Наука, 1982. С. 53–75.
14. *Шамина И.Н.* Документы по истории Григориева Пельшемского монастыря XVII — начала XVIII века // Вестник церковной истории. 2011. № 3/4 (23/24). С. 30–63.
15. *Шаркова И.С.* Статейный список посольства А.А. Матвеева во Францию (1705–1706 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.–Л., 1963. С. 627–639.

16. L'Etat de la France. T. I–II. A Paris, chez Charles Osmont, 1702.
17. Roczne dzieie kościelne od narodzenia Pana y Boga naszego Iesusa Christusa, wybrane z rocznych dzieiow kościelnych Cesarza Baronivsza... nazwanych Annales Ecclesiastici, przez X. Piotra Skargę ... Krakow, w Drukarniey Andrzeia Piotrkowczyka, Roku P. 1607.
18. *Rycaut P. Istoria dello stato presente dell'Imperio Ottomano*. Venetia: Presso Combi, & La Noù; 1672. 296 p.
19. Trésor de la Langue Française informatisé. [Электронный ресурс]. URL: <http://stella.atilf.fr> (дата обращения: 17.02.2025).

REFERENCES

1. Borkovskij V.I., Kuznecov P.S. *Istoričeskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Moscow: KomKniga Publishing House, 2006. 512 p. (In Russ.)
2. Viktorov A. Opis' biblioteki gr. A.A. Matveyeva i grafini Matveyevoy [Inventory of the library of Count A. A. Matveyev and Countess Matveyeva]. In: *Letopisi russkoy literatury i drevnostey* [Chronicles of Russian literature and antiquities], vol. 5, sec. III, pp. 57–79. Moscow, 1863. (In Russ.)
3. Galinskaya E.A. *Istoričeskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Moscow: URSS Publishing House, 2015. 416 p. (In Russ.)
4. Kuz'mina I.B., Nemchenko E.V. *Sintaksis prichastnykh form v russkikh govorakh* [Syntax of participial forms in Russian dialects]. Moscow: Nauka Publishing House, 1971. 310 p. (In Russ.)
5. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language]. URL: <http://ruscorpora.ru> (accessed: 06.03.2025). (In Russ.)
6. Novak M.O. Tserkovnoslavjanskaya versiya «Tserkovnykh annalov» Tsezarya Baroniya i perevody Chudovskogo kruga XVII v.: sopostavitel'nyy analiz leksiki [Church Slavonic Version of Caesar Baronius Annales Ecclesiastici and Chudov Translations from the 17th Century: Comparative Analysis of Vocabulary]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 6, pp. 39–48. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.6.3>
7. Pentkovskaya T.V., Babaeva Ye.E. *Perevod Korana Petrovskoy epokhi* [A Translation of the Quran of the Petrine Era]. Moscow: MAKSPress, 2022. 800 p. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.29003/m3010.978-5-317-06849-3>.
8. *Russkiy diplomat vo Frantsii: (Zapiski A. Matveyeva)* [A Russian diplomat in France (notes by A. Matveev)] / Publikatsiya podgot. I.S. Sharkovoy; Pod red. A.D. Lyublinskoy [Sharkova I.S. (publ., prepared by texts), Lyublinskaya A.D. (ed.). Introductory article by A. Lyublinskaya and I. Sharkova]. Leningrad: Nauka, 1972. 296 p. (In Russ.)
9. Sakharov I. *Zapiski russkikh lyudey. Sobytiya vremen Petra Velikogo. Ch. 1* [Russians' Memories. Events from the Petrine Era. Pt. 1]. Saint Petersburg: I. Sakharov Publishing House, 1841. (In Russ.).
10. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Vyp. 1–31–. Moscow, 1975–2019–. (In Russ.)
11. *Slovar' russkogo yazyka XVIII v.* [Dictionary of the Russian Language of the 18th Centuries]. Vyp. 1–23–. Moscow–Leningrad, 1984–2024–. (In Russ.)
12. Shagapova O.M. *Fonetiko-morfologicheskiye dannyye revizskikh skazok pervoy poloviny XVIII v.* [Phonetic and morphological data of census records of the first half of the 18th century]. In: *Lingvisticheskoye istochnikovedeniye. Istoriya russkogo yazyka. Issledovaniya i teksty. 1982* [Linguistic source studies. History of the Russian

- language. Research and texts]. Moscow: Nauka Publishing House, 1982, pp. 53–75. (In Russ.)
13. Solovyov A.Yu. Vstrecha russkogo cheloveka s Evropoy v putevykh zametkakh Petrovskogo vremeni (A.A. Matveev) [Meeting of a Russian with Europe in the Travel Writings of Peter the Great's Era (A. A. Matveev)]. In: *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Yazyk i literatura* [Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature], 2022, vol. 19, iss. 3, pp. 486–496. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2022.305>
 14. Shamina I.N. Dokumenty po istorii Grigoriyeva Pel'shenskogo monastyrya XVII — nachala XVIII veka [Documents on the history of the Grigoriev Pelshemsky Monastery of the 17th — early 18th centuries]. In: *Vestnik tserkovnoy istorii* [Bulletin of the Church History], 2011, no. 3/4 (23/24), pp. 30–63. (In Russ.)
 15. Sharkova I.S. Statejnyj spisok posol'stva A.A. Matveeva vo Franciju (1705–1706 gg.) [Record of reports of the embassy A.A. Matveev to France (1705–1706)]. In: *Voprosy istoriografii i istočnikovovedeniâ istorii SSSR* [Questions of historiography and source study of the history of the USSR. Sat. articles]. Moscow–Leningrad, 1963, pp. 627–639. (In Russ.)
 16. L'Etat de la France. T. I–III. A Paris, chez Charles Osmont, 1702.
 17. Roczne dzieie kościelne od narodzenia Pana y Boga naszego Iesusa Christusa, wybrane z rocznych dzieiow kościelnych Cesarza Baronivsza... nazwanych Annales Ecclesiastici, przez X. Piotra Skargę ... Krakow, w Drukarniey Andrzeia Piotrkowczyka, Roku P. 1607.
 18. Rycaut P. Istoria dello stato presente dell'Imperio Ottomano. Venetia: Presso Combi, & La Nouë; 1672. 296 p.
 19. Trésor de la Langue Française informatisé. URL: <http://stella.atilf.fr> (accessed: 17.02.2025).

Поступила в редакцию 07.03.2025

Принята к публикации 26.08.2025

Отредактирована 06.09.2025

Received 07.03.2025

Accepted 26.08.2025

Revised 06.09.2025

ОБ АВТОРЕ

Татьяна Викторовна Пентковская — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; slav_fil@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Tatiana V. Pentkovskaya — Prof. Dr., Department of Russian Language, Lomonosov Moscow State University; slav_fil@mail.ru

СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ «ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ТЕМЫ» В ЯЗЫКОВОЙ СТРУКТУРЕ ОЧЕРКОВ М. ЦВЕТАЕВОЙ «МОЙ ПУШКИН» И «ПУШКИН И ПУГАЧЕВ»

Э.А. Алиева

*Национальный университет Узбекистана, Ташкент, Узбекистан;
alieva.elvina@rambler.ru*

Аннотация: Впервые представлен структурный и семантико-функциональный анализ сегментированных конструкций, в частности конструкций «именительный темы», в языковой структуре художественных очерков М. Цветаевой «Мой Пушкин» и «Пушкин и Пугачев». В языковой структуре названных очерков, характеризующихся передачей внутренней речи, размышлений, выражением переживаний, самоанализа субъекта речи, нашли широкое применение экспрессивные синтаксические конструкции и фигуры. Среди них выделяются конструкции «именительный темы».

Комплексный анализ конструкций «именительный темы» позволил выявить: 1) разнообразие способов выражения их сегмента, в частности, необычный способ выражения — предложно-падежное сочетание; 2) четыре структурных типа: репризный, антиципированный и ранее не отмеченные лингвистами антиципированно-репризный и репризно-антиципированный; 3) активное взаимодействие конструкций «именительный темы» с другими экспрессивными средствами, в частности повторами, парцеллированными конструкциями и др.

В тексте названных очерков конструкции «именительный темы» выполняют, помимо эмоциональной, экспрессивной и экспозиционной функций, функцию эстетическую и сюжетно-композиционную. Характерные для книжной речи, данные сегментированные высказывания осуществляют расчленение цельной синтаксической единицы на минимальные составляющие, являются средствами, реализующими особую художественно-речевую систему очерков М. Цветаевой. Создавая эффект «присутствия» субъекта речи, актуализируя его момент речи, моделируя образ его непосредственного восприятия действительности и его размышления, конструкции ИТ совместно с другими экспрессивными синтаксическими структурами субъективизируют авторское повествование, строят особый поэтический язык.

Ключевые слова: экспрессивный синтаксис; экспрессивные синтаксические средства; сегментированные конструкции; конструкции «именительный темы»; М. Цветаева; проза; проза поэта

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-05-2

Для цитирования: Алиева Э.А. Синтаксические конструкции «именительный темы» в языковой структуре очерков М. Цветаевой «Мой Пушкин» и «Пушкин и Пугачев» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 5. С. 20–35.

SYNTACTIC CONSTRUCTIONS OF “NOMINATIVE THEME” IN THE LANGUAGE STRUCTURE OF M. TSVETAeva'S ESSAYS *MY PUSHKIN* AND *PUSHKIN AND PUGACHEV*

Elvina A. Aliyeva

National University of Uzbekistan, Tashkent, Uzbekistan; alieva.elvina@rambler.ru

Abstract. The relevance of the study is due to the need to identify and study the expressive means of syntax involved in the subjectivization of M. Tsvetaeva's artistic prose and the identification of the author's evaluative intention in the text. The subject of the study is segmented constructions, in particular the construction of “nominative theme”, in the artistic and prose speech of M. Tsvetaeva. The aim of the study is to examine the structural and functional features of the expressive syntactic construction — the construction of the “nominative theme” in M. Tsvetaeva's artistic essays *My Pushkin* and *Pushkin and Pugachev*. The choice of these essays is due to the fact of the extremely vivid reflection in them of the individual originality of the syntax of M. Tsvetaeva's prose. The scholarly novelty of this study is determined by the fact that for the first time a comprehensive study of the structure and functions of the “nominative theme” constructions in the artistic language of M. Tsvetaeva is being carried out, while she is an author whose works are at the junction of two forms of artistic speech and belong to the phenomenon of “poet's prose”, which was born in the literature of the Silver Age.

A comprehensive analysis of the “nominative theme” constructions revealed: 1) a variety of ways of expressing their segmented nature, in particular, an unusual way of expression — prepositional-case combination; 2) four structural types: reprise, anticipation, and previously unnoted by linguists anticipation-reprise and reprise-anticipation; 3) active interaction of the “nominative theme” constructions with other expressive means, in particular, repetitions, parcelled constructions, etc.

In the text of the named essays, the constructions of “nominative theme” perform, in addition to emotional, expressive and expository functions, an aesthetic and plot-compositional function. Characteristic of bookish speech, these segmented statements carry out the division of a whole syntactic unit into minimal components and are the means that implement the special artistic speech system of M. Tsvetaeva's essays. By creating the effect of the “presence” of the subject of speech, actualizing their moment of speech, modeling the image of their direct perception of reality and their reflections, nominative theme constructions, together with other expressive syntactic structures, subjectify the author's narrative and build a special poetic language.

Keywords: expressive syntax; expressive syntactic means; segmented constructions; “nominative theme” constructions; M. Tsvetaeva; prose; poet's prose

For citation: Alieva E.A. (2025) Syntactic Constructions of “Nominative Theme” in the Language Structure of M. Tsvetaeva’s Essays *My Pushkin and Pushkin and Pugachev*. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 20–35.

Проза М. Цветаевой по своей сущности, по романтическому видению и представлению мира очень тесно связана с ее поэзией. Е.В. Канищева, анализируя ритм прозы М. Цветаевой, отмечает: «Прозаические произведения поэта построены как процесс размышления, фиксирующий рождение мысли, представляют собой внимательный самоанализ, углубленную рефлексию, оказываются насыщенными лирическими элементами, различными способами ритмизации текста, обилием изобразительно-выразительных средств, яркими, метафорическими ассоциациями. Ритмическая организация прозы, ориентированной на особенности интонирования, на экспрессивную внутреннюю речь, позволяет относиться ко всем прозаическим произведениям М. Цветаевой как к художественному материалу, имеющему специфическую структуру» [Канищева 2013]. Ее проза характеризуется большой поэтической направленностью, приемы поэтического синтаксиса воплотились в ее прозаических текстах [Болдырев 2008]. Особенности и поэзии, и прозы М. Цветаевой и их взаимопроникновению посвящен ряд работ [Бродский 1979; Титова 2002; Кудрова 2003; Макашева 2005; Муратова 2005; Иващенко 2011 и др.]. Анализируя дневниковые записи, эссе, мемуарные очерки, многие лингвисты отмечают, что «главным нарративным событием прозы М. Цветаевой является ментальная деятельность автора, описание когнитивных стратегий личности, основанных на авторефлексии. Специфические особенности повествования, интонация и темпоритм внутренней речи, в которых автор представлен как субъект психологического самоанализа, выражают все уровни ритмической структуры прозаических произведений М. Цветаевой» [Канищева 2013]. Значительную роль в творчестве Цветаевой играет и наличие адресата и потребность в его сотворчестве [Бродский 1979; Алиева 2025]. В связи с этим в прозаических произведениях М. Цветаевой нашли широкое применение экспрессивные синтаксические конструкции (парцеллированные, инпарцеллированные, эллиптические, неполные, вопросительные, вставные, сегментированные и др.) и фигуры (повторы, параллелизм, хиазм) [Алиева 2025].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления и изучения экспрессивных средств синтаксиса [Алиева 2022; 2025], участвующих в субъективизации художественной прозы М. Цветаевой, выявлении в тексте авторской оценочной интенции.

Анализ текста художественных очерков убеждает в том, что в субъективно-авторском повествовании М. Цветаевой наиболее часто используется сегментация высказывания [Алиева, Абдуллаева 2024]. Именно она помогает обозначить и развить значимую для поэта тему, выраженную в сегменте, и развернуть ее в дальнейшем повествовании — базовой части, тем самым сосредоточив внимание читателя на важном для автора фрагменте. Одной из разновидностью сегментированной конструкции, которая активно употребляется в языковой структуре очерков М. Цветаевой, является конструкция «именительный темы» [Пешковский 2001; Попов 1964; Майорова 1984; Адриянова 1993; Голайко 1996; Розенталь 2001; Валгина 2003; Ишмекеева 2006].

Предмет исследования — сегментированные конструкции, в частности конструкции «именительный темы», в художественно-прозаической речи М. Цветаевой.

Цель исследования — изучить структурные и функциональные особенности экспрессивной синтаксической конструкции — конструкции «именительный темы» в художественных очерках М. Цветаевой «Мой Пушкин» и «Пушкин и Пугачев».

Научная новизна данного исследования определяется тем, что впервые осуществляется комплексное исследование структуры и функций конструкций «именительный темы» (далее ИТ) в художественном языке М. Цветаевой, являющейся автором, произведения которого находятся на стыке двух форм художественной речи и творчество которого относится к феномену «прозы поэта», пережившего рассвет в период литературы Серебряного века.

Материалом исследования явились очерки «Мой Пушкин» и «Пушкин и Пугачев», их выбор обусловлен фактом чрезвычайно яркого отражения в них индивидуального своеобразия синтаксиса прозы М. Цветаевой.

В очерках «Мой Пушкин» и «Пушкин и Пугачев» используются 24 конструкции ИТ (см. таблицу), которые характеризуются своеобразием структуры, способов выражения каждого компонента, семантики и функций.

**Количественные показатели использования
конструкций ИТ в очерках М. Цветаевой**

№	Очерки М. Цветаевой	Конструкции с ИТ
1	«Мой Пушкин»	10 ед.
2	«Пушкин и Пугачев»	14 ед.
	Всего:	24

Конструкция ИТ представляет собой сегментированную конструкцию, состоящую из двух компонентов «сегмента» и «базовой части». Прежде всего рассмотрим структурные особенности каждого компонента и их способы выражения.

Анализ выявленных в очерках М. Цветаевой конструкций ИТ показал, что сегмент может быть представлен:

1) моделью синтаксемы, выраженной именем существительным: собственным или нарицательным в им. п.:

«Благодарность. Благодарность злодея. (Что Пугачев — злодей, я не сомневалась ни секунды и знала уже, когда он был еще только незнакомый черный предмет.) Об этом, а не ином, сказано в Евангелии (...).»¹

(«Пушкин и Пугачев»)

«Стенька Разин! тот, о котором и которого поет с нашего голоса вся Европа, тот, которым мы, как водою и бедою, залили всю Европу, да и не одну Европу, а и Африку и Америку — ибо нет на земном шаре места, где бы его сейчас не пели или завтра бы не смогли запеть»².

(«Пушкин и Пугачев»)

2) моделью словосочетания в им. п.:

«Запретный плод. Этот плод — том, огромный сине-лиловый том с золотой надписью вкось — Собрание сочинений А.С. Пушкина»³.

(«Мой Пушкин»)

3) моделью сочинительного сочетания в им. п.:

«Пугачев «Капитанской дочки» и Пугачев «Истории пугачевского бунта». Казалось бы, одно — раз одной рукой писаны. Нет, не одной. Пугачева «Капитанской дочки» писал поэт, Пугачева «Истории пугачевского бунта» — прозаик. Потому и не получился один Пугачев»⁴.

(«Пушкин и Пугачев»)

«Два убийства и одно явление. И все три были страшные, непонятные, угрожающие (...).»⁵

(«Мой Пушкин»)

¹ Цветаева М. Пушкин и Пугачев [Электронный ресурс]. URL: <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/proza/pushkin-i-pugachev.htm>

² Там же.

³ Цветаева М. Мой Пушкин // Избранное / Сост., коммент. Л.А. Беловой. М.: Просвещение, 1989. С. 275.

⁴ Цветаева М. Пушкин и Пугачев [Электронный ресурс]. URL: <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/proza/pushkin-i-pugachev.htm>

⁵ Цветаева М. Мой Пушкин // Избранное / Сост., коммент. Л.А. Беловой. С. 268.

4) моделью номинативного ряда:

«Пушкин. Пруст. Два памятника сыновности»⁶.

(«Мой Пушкин»)

Т.Н. Ишмекеева отмечает, что в сегменте конструкции ИТ представлена **тема**, в которой дается информация, известная или ожидаемая (основная идея), а в базовой части — **рема**, то есть новая или главная информация. В данной сегментированной конструкции это деление придает структуре экспрессивность. Лингвист указывает, что в конструкциях ИТ рема подчеркивает тему, делая ее заметнее. Она выделяет два типа конструкций ИТ: 1) с препозицией сегмента и 2) с постпозицией сегмента: «Сегментация как экспрессивный прием реализуется в двух разновидностях: в виде **репризы** (сегмент находится в препозиции по отношению к базовой части) и **антиципации** (сегмент постпозитивен)» [Ишмекеева, 2006].

Репризный порядок компонентов помогает привлечь внимание к теме, делая ее доминирующим элементом. Антиципированная сегментированная конструкция также подчеркивает значимость темы, хотя и делает это через задержку ее подачи, создавая определенное напряжение в ожидании информации.

В анализируемых нами очерках М. Цветаевой были обнаружены оба типа, указанных Т.Н. Ишмекеевой, конструкций ИТ.

Например, репризная конструкция ИТ:

*«А **Вожатого** — поговорки! Круглая, как горох, самотканая окольная речь наливного яблочка по серебряному блюдечку — только покрупнее! Поговорки, которых я ничего не понимала и понять не пыталась, кроме того, что он говорит — о другом (...)*»⁷

(«Пушкин и Пугачев»)

Употребительны также в языковой структуре художественных очерков М. Цветаевой антиципированные конструкции. Например:

«Есть магические слова, магические вне смысла, одним уже звучанием своим — физически-магические — слова, которые, до того как сказали — уже значат, слова — самознаки и самосмыслы, не нуждающиеся в разуме, а только в слухе, слова звериного, детского, сновиденного языка.

Возможно, что они в жизни у каждого — свои.

*Таким словом в моей жизни было и осталось — **Вожатый**»*⁸.

(«Пушкин и Пугачев»)

⁶ Цветаева М. Мой Пушкин // Избранное / Сост., коммент. Л.А. Беловой. С. 289.

⁷ Цветаева М. Пушкин и Пугачев [Электронный ресурс]. URL: <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/proza/pushkin-i-pugachev.htm>

⁸ Там же.

Данное сложное синтаксическое целое представляет собой конструкцию ИТ, в которой сегмент представлен в конце третьего предложения. Первые три предложения содержат информацию о наличии и характеристике слова, которое называется в сегменте.

Наши наблюдения показали, что используются и такие конструкции ИТ, в которых сегмент оказывается между двумя базовыми частями. Такие конструкции нами были также обнаружены в языковой структуре романа К. Федина «Города и годы» [Алиева 2023]. В очерках М. Цветаевой такие конструкции также употребляются [Алиева, Абдуллаева 2024]. Например:

*«Есть у Блока магическое слово: **тайный жар**. Слово, при первом чтении ожегшее меня узнаванием: себя до семи лет, всего до семи лет (далее — не в счет, ибо жарче не стало). Слово-ключ к моей душе — и всей лирике:*

Ты проклянешь в мученьях невозможных

Всю жизнь за то, что некого любить.

Но есть ответ в моих стихах тревожных:

Их тайный жар тебе поможет жить.

Поможет жить. Нет! и есть — жить. Тайный жар и есть — жить»⁹.

(«Пушкин и Пугачев»)

В данном примере сегмент, выраженный именным субстантивным словосочетанием «**тайный жар**», вводится после первой базовой части «**есть у Блока магическое слово**», коррелятом в которой является словосочетание «**магическое слово**», и перед второй базовой частью, коррелятом которой является лексема «**слово**». Вторая базовая часть дает субъективную характеристику номинативу, обосновывая определение «**магическое**» из первой базовой части.

Аналогичный пример:

*«И еще: я ведь знала¹, что они — **тучи**!² Что они — серые, мягкие³, что их даже как-то нет⁴, что их тронуть нельзя, обнять нельзя⁵, что между ними, с ними, ими — можно только мчаться!⁶ Что это — воздух⁷, который воет!⁸ Что их — нет⁹»¹⁰.)*

(«Мой Пушкин»)

Данная статическая структура представляет собой сложноподчиненное предложение усложненной конструкции с комбинированным подчинением: с придаточными изъяснительными, связанными с главной частью параллельным соподчинением (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9) и повторяющимися подчинительными союзами, и последователь-

⁹ Цветаева М. Пушкин и Пугачев [Электронный ресурс]. URL: <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/proza/pushkin-i-pugachev.htm>

¹⁰ Цветаева М. Мой Пушкин // Избранное / Сост., коммент. Л.А. Беловой. С. 287.

ным подчинением (1, 7, 8). На динамическом уровне — это расчлененная в экспрессивных целях конструкция с тремя парцеллятами, то есть это многозвенная парцеллированная конструкция: базовая часть включает главную часть и одну придаточную (1, 2), первый парцеллят — четыре придаточных (3, 4, 5, 6), второй парцеллят — две придаточные (7, 8), третий — одну придаточную (9). Все три парцеллята призваны создать у читателя ощущение нарастающего восторга, передать тексту приподнятое настроение субъекта речи. Первый парцеллят выделяет отдельные свойства описываемого объекта, детализируя их и подчеркивая каждое. Интонационное отчленение второго и третьего парцеллятов способствует выделению заключительного вывода, усиливает пафос концовки всего высказывания.

Однако данная структура может рассматриваться и как сегментированная конструкция: первая часть содержит указание на объект описания «они — **тучи!**», и представляет собой антиципированный тип конструкции ИТ, где лексема «тучи» является постпозитивным сегментом. Последующие же высказывания, содержащие корреляты, выраженные личными местоимения в им.п. «они», р.п. «их», т.п. «ними», «ими», перечисляют свойства или характеристики данного объекта и составляют базовую часть по отношению к сегменту «тучи».

Для таких конструкций ИТ предлагаем термин «**антиципированно-репризные**».

Помимо этого, при анализе конструкций ИТ на материале других очерков М. Цветаевой нами также были найдены конструкции, в которых сегмент находится перед базовой частью и после нее, как бы обрамляя базовую часть, создавая такую экспрессивную синтаксическую фигуру, как кольцо. Например:

«Дождь — что прежде всего встает, в дружественной созвучий? Дождь»¹¹ («Световой ливень»). Такие типы конструкции ИТ мы определили как **репризно-антиципированные** [Алиева, Абдуллаева 2024]. В языковой структуре очерков «Мой Пушкин» и «Пушкин и Пугачев» такой тип не был выявлен.

Конструкции ИТ в структуре названных произведений выполняют определенные функции. Рассмотрим самые интересные случаи употребления данных конструкций.

Например, в приведенном ниже отрывке, в роли сегмента конструкции ИТ выступает имя собственное, базовая часть содержит репрезентант сегмента — указательное местоимение — коррелят:

¹¹ Цветаева М. Световой ливень [Электронный ресурс]. URL: <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/proza/svetovoj-liven.htm>

«Стенька Разин! тот, о котором и которого поет с нашего голосу вся Европа, тот, которым мы, как водою и бедою, залили всю Европу, да и не одну Европу, а и Африку, и Америку — ибо нет на земном шаре места, где бы его сейчас не пели или завтра бы не смогли запеть»¹².

(«Пушкин и Пугачев»)

В данном примере имя собственное в силу своей широкой известности уже обладает так называемым энциклопедическим значением, чем приближается к полнозначному слову. Комментирующая часть служит не заполнению бессодержательного по смыслу сегмента, а обрисовке экспозиции и передаче эмоционального состояния автора читателю. Сегментация в данном случае выполняет экспозиционную и эмоционально-экспрессивную функции.

Поскольку вычленяемая автором в отдельное высказывание тема является ключевой для последующего за ним отрезка текста, то чаще всего в художественных очерках М. Цветаевой сегмент выражен именем существительным в именительном падеже. Например:

«Есть одно слово, которое Пушкин за всю повесть ни разу не назвал и которое одно объясняет — все.

Чара.

Пушкин Пугачевым зачарован. Ибо, конечно, Пушкин, а не Гринев, за тем застольным пиром был охвачен “пиитическим ужасом”¹³.

(«Пушкин и Пугачев»)

Вынесенный в отдельный абзац сегмент «чара» формулирует не только ключевую тему последующей базовой части, но и является сюжетно-композиционной единицей текста, т. е. формулирует тему значительного по объему фрагмента текста, превышающего несколько страниц.

Сегмент в базовой части представлен модификатором «зачарован», хоть и являющимся однокоренным, но имеющим иную частеречную принадлежность. Такое видоизменение позволяет передать динамику, показать заразительность чары.

В структурном отношении данный фрагмент текста представляет собой точку конвергенции нескольких приемов расчлененной подачи сообщения: высказывание распадается на базовую часть, сегмент и базовую часть, а вторая базовая часть сегментированного текста представляет собой парцеллированную конструкцию. Такое множественное членение позволяет акцентировать внимание на

¹² Цветаева М. Мой Пушкин // Избранное / Сост., коммент. Л.А. Беловой. С. 39.

¹³ Цветаева М. Пушкин и Пугачев [Электронный ресурс]. URL: <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/proza/pushkin-i-pugachev.htm>

каждом сегменте, что дает возможность автору переводить свои мысли и догадки в ранг факта: у Пугачева есть чара — и это факт, Пушкин этой чарой зачарован — это тоже факт, таким образом, бесспорный факт и то, что не Гринев участник застолья, а сам Пушкин.

Еще пример:

«Делибаиш. "Перестрелка за холмами — Смотрит лагерь их и наш — На холме пред казаками — Вьется красный делибаиш". Делибаиш — бес. Потому и красный. Потому и вьется. ... Каково же было мое изумление и огорчение, когда в Праге в 1924 году... услышала, что делибаиш — черкесское знамя, а вовсе не сам черкес (бес). ...

Так и осталась в огорченном убеждении, что делибаиш — знамя, а я всю ту молниеносную сцену взаимоуничтожения выдумала, и вдруг — в 1936 г. — сейчас вот — глазами стихи перечла, и — радость!

Эй, казак, не рвися к бою!

Делибаиш на всем скаку

Срежет саблею кривою

С плеч удалую башку!

Это знамя-то срежет саблею кривою казаку с плеч башку?»¹⁴

(«Мой Пушкин»)

Перед нами сегментированный текст, состоящий из выделенного в начало и отделенного знаком точки сегмента — именительного темы, выраженного существительным в именительном падеже, и базовой комментирующей части, представленной цепочкой предложений, составляющих сложное синтаксическое целое. Заданная сегментом тема получает развитие в базовой части посредством коррелирующих (прямой повтор словоформы «делибаиш») и модифицирующих (модификаторы «бес» и «знамя») повторов. Благодаря коррелятам появляется возможность «повторов на разные лады» одной и той же мысли. Модификаторы наполняют конкретным содержанием бессодержательный по существу сегмент. Примечателен тот факт, что модификаторы не являются синонимами: они представляют собой слова, не имеющие ничего общего. В зависимости от употребления конкретного модификатора значение сегмента не видоизменяется, а принимает совершенно иной вид. Тем не менее, и корреляты, и модификаторы в равной степени обеспечивают формально-смысловую связность данного сегментированного текста.

Особый интерес представляет семантическая структура данного сегментированного высказывания.

¹⁴ Цветаева М. Мой Пушкин // Избранное / Сост., коммент. Л.А. Беловой. С. 64–65.

Классический сегментированный текст, как правило, представляет собой семантическую иерархию, состоящую из двух уровней: сегмента и базовой части. В данном же случае иерархия трехуровневая:

1) сегмент — «*делибаиш*», обозначающий ключевую тему;

2) так называемая «контекстная зарисовка», в которой именно субъекта речи и интересует знание именительного темы — стихотворные строчки «*Перестрелка за холмами — Смотрит лагерь их и наш — На холме пред казаками — Вьется красный делибаиш*». Данный стихотворный фрагмент выполняет не столько референтную функцию, сколько характеризующую, благодаря предикату «*вьется*» и определению «*красный*»;

3) собственно базовая часть, которая содержит размышления автора и наполняет бессодержательный сегмент «*делибаиш*» конкретным экстралингвистическим значением.

Подобная иерархия позволяет включить в прозаический текст элементы поэзии в виде фрагмента поэтического произведения, что сообщает читателю настрой на ассоциативное восприятие дальнейшего повествования.

Таким образом, данная сегментированная конструкция не только акцентирует внимание на определенном значимом для поэта объекте и расчленяет объемное высказывание на более короткие фразы, но и выполняет функцию языкового средства, формирующего дальнейшее восприятие текста и сообщающего читателю соответствующее настроение.

В роли именительного темы в сегментированной конструкции может выступать и сочинительный перечислительный ряд:

«Пугачев “Капитанской дочери” и Пугачев “Истории пугачевского бунта”.

Казалось бы, одно — раз одной рукой писаны. Нет, не одной. Пугачева “Капитанской дочери” писал поэт, Пугачева “Истории пугачевского бунта” — прозаик. Потому и не получился один Пугачев»¹⁵.

(«Пушкин и Пугачев»)

Выделение данного ряда, члены которого связаны повтором имени собственного героя очерка, в позицию сегмента позволяет автору в базовой части ярко передать семантику противопоставления контрастных по содержанию образов Пугачева, представленных в сегменте в неразрывном единстве.

Таким образом, прием сегментации позволяет М. Цветаевой одновременно и связать различные лики Пугачева в целостный образ, и подчеркнуть факт их реального контраста.

¹⁵ Цветаева М. Пушкин и Пугачев [Электронный ресурс]. URL: <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/proza/pushkin-i-pugachev.htm>

В художественной речи очерка «Мой Пушкин» был выявлен уникальный случай представления сегмента существительным в косвенном падеже, например:

«— .. мы все поедем к морю.

К морю.

Все предшествовавшее лето 1902 г. я переписывала его из хрестоматии в самосшивную книжку. Зачем в книжку, раз есть хрестоматия? Чтобы всегда носить с собой в кармане, чтобы с Морем гулять в Пачёво и на пеньки, чтобы мое было, чтобы я сама написала»¹⁶.

(«Мой Пушкин»)

Данный пример представляет собой весьма необычный случай. В ходе развертывания повествовательной ткани сегмент «к морю» подвергается двоякому осмыслению: при проспективном прочтении текста «к морю» он осмысливается как парцеллированный повтор концовки предыдущего выражения, что привносит в семантику высказывания значение основательности, масштабности, «мечтанности» ожиданий девочки Марины. Этому также способствует графическое выделение фразы «к морю» — шрифт с увеличенным интервалом между буквами — и оформление ее в отдельный абзац.

После прочтения последующего отрезка текста происходит ретроспективное переосмысление сегмента: читатель узнает в этой фразе наименование знаменитого стихотворения А.С. Пушкина и воспринимает ее как сегмент, именующий тему последующей базовой части.

Осмысление данного сочетания как парцеллированного сопровождается актуализацией его первичного значения; восприятие его как сегментированной конструкции, поддерживаемое в базовой части коррелирующими повторами и глаголами «переписывала», «носить с собой» и «написала», обнаруживает в нем другое значение — «наименование стихотворения». Вместе с тем субстантивный коррелят «с морем» актуализирует оба значения данной фразы.

Совмещение приемов парцелляции и сегментации служит в данном случае не столько разукрупнению громоздкой структуры, сколько углублению и расширению семантики одной формы, которая выступает в микротексте в двух значениях. Помимо собственно экспрессивной функции, привлечения внимания читателя и актуализации ключевой темы сообщения, данная конструкция создает эстетически ценный фрагмент текста, а также передает эмоциональное состояние героини.

¹⁶ Цветаева М. Мой Пушкин // Избранное / Сост., коммент. Л.А. Беловой. С. 292.

Таким образом, в языковой структуре анализируемых очерков М. Цветаевой вынесенный в инициальную позицию сегмент может быть выражен существительным в именительном падеже, словосочетанием, сочинительным сочетанием, номинативным рядом, в отдельных случаях — предложно-именным сочетанием. Конструкции ИТ представлены в четырех типах: репризные, антиципированные и не отмеченные ранее лингвистами антиципированно-репризные и репризно-антиципированные.

В тексте рассматриваемых очерков сегментированные построения выполняют, помимо эмоциональной, экспрессивной и экспозиционной функций, функцию эстетическую и сюжетно-композиционную. Характерные для книжной речи, сегментированные высказывания осуществляют расчленение цельной синтаксической единицы на минимальные составляющие, являются средствами, реализующими особую художественно-речевую систему очерков М. Цветаевой, придают тексту некоторую стилистическую приподнятость. Создавая эффект «присутствия» субъекта речи, актуализируя его момент речи, моделируя образ его непосредственного восприятия действительности и его размышления, конструкции ИТ совместно с другими экспрессивными синтаксическими структурами (парцелированными конструкциями, повторами и др.) субъективизируют авторское повествование, строят особый поэтический язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиева Э.А. Экспрессивные синтаксические средства русской орнаментальной прозы: монография. Ташкент, 2022. 244 с.
2. Алиева Э.А. Именительный представления / темы в русской орнаментальной прозе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. 2023. Т. 9 (75). № 3. С. 166–128.
3. Алиева Э.А., Абдуллаева Г. Коммуникативно-синтаксические особенности конструкции ИТ в очерках М. Цветаевой // Вестник Национального университета Узбекистана, 2024, [1/12]. Филология. С. 279–284.
4. Алиева Э.А. Парцелированные конструкции в поэзии и прозе Марины Цветаевой. Ташкент, 2025. 164 с.
5. Андриянова С.Н. Сегментированные конструкции в составе текста: автореф. дисс. ... канд. филол. н. СПб., 1993. 20 с. [Электронный ресурс] URL: <https://cheloveknauka.com/segmentirovannye-konstruktsii-v-sostave-teksta> (дата обращения: 27.09.2023).
6. Болдырев В.Е. Ритмико-тональная многомерность прозаического текста (на материале автобиографического эссе М. Цветаевой «Мой Пушкин») // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета, 2008 [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ritmiko-tonalnaya-mnogomernost-prozaicheskogo-teksta-na-materiale-avtobiograficheskogo-esse-m-tsvetaevoy-moy-pushkin/viewer> (дата обращения: 17.02.2024).
7. Бродский И. Поэт и проза. [Электронный ресурс]. URL: <https://iosif-brodskiy.ru/proza-i-esse/poet-i-proza-1979.html> (дата обращения: 10.06.2025).

8. *Валгина Н.С.* Современный русский язык: Синтаксис: учебник. 4-е изд., испр. М., 2003. 416 с.
9. *Голайденко Л.Н.* Синтаксические способы выражения представления в художественном тексте: Автореф. дисс. ... канд. филол. н. М., 1996. 24 с. [Электронный ресурс] URL: <https://cheloveknauka.com/sintaksicheskie-sposoby-vyrazheniya-predstavleniya-vhudozhestvennom-tekste> (дата обращения: 27.09.2023).
10. *Иващенко Е.Г.* Дневниковая проза Марины Цветаевой // Вестник Амурского государственного университета. 2011. Вып. 54: Сер. Гуманитар. науки. С. 151–154. [Электронный ресурс] URL: http://www.amursu.ru/attachments/article/9529/N54_28.pdf (дата обращения: 05.09.2024).
11. *Ишмекеева Т.Н.* Сегментированные конструкции в современном русском языке (на материале газетных заголовков): автореф. дисс. ... канд. филол. н. Волгоград, 2006. 24 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/segmentirovannye-konstruktsii-v-sovremennom-russkom-yazyke-na-materiale-gazetnykh-zagolovkov> (дата обращения: 01.11.2024).
12. *Канищева Е.В.* Ритм прозы М. Цветаевой: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Самара, 2013. 24 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/ritm-prozy-m-tsvetaevoi/read> (дата обращения: 28.09.2024).
13. *Кудрова И.В.* Просторы Марины Цветаевой: Поэзия, проза, личность. СПб., 2003. 526 с.
14. *Макашева С.Ж.* Поэзия и проза М.И. Цветаевой 1920–1930-х гг. (онтология; концепция личности): монография. М., 2005. 246 с.
15. *Майорова Л.Е.* Именительный представления и именительный темы как явления экспрессивного синтаксиса: автореф. дисс. ... канд. филол. н. Л., 1984. 22 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/imenitelnyi-predstavleniya-i-imenitelnyi-temy-kak-yavleniya-ekspressivnogo-sintaksisa> (дата обращения: 27.09.2023).
16. *Муратова Е.Ю.* Лингвопоэтика Марины Цветаевой: монография. Витебск, 2005. 96 с.
17. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001. 544 с.
18. *Попов А.С.* Именительный темы и другие сегментированные конструкции в современном русском языке // Развитие грамматики и лексики современного русского языка: сб. науч. тр. М., 1964. С. 256–273.
19. *Розенталь Д.Э.* Практическая стилистика русского языка. М., 2001. 381 с.
20. *Титова Е.В.* Эссеистическое и лирическое в творчестве М. Цветаевой: характер взаимодействия // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века: межвуз. сб. научн. тр. Иваново, 2002. Вып. 5. С. 149–156.

ИСТОЧНИКИ

1. *Цветаева М.* Пушкин и Пугачев [Электронный ресурс]. URL: <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/proza/pushkin-i-pugachev.htm> (дата обращения: 22.10.2024).
2. *Цветаева М.* Световой ливень [Электронный ресурс]. URL: <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/proza/svetovoj-liven.htm> (дата обращения: 13. 09.2024).
3. *Цветаева М.* Избранное / Сост., коммент. Л.А. Беловой. М., 1989. 369 с.

REFERENCES

1. Alieva E.A. Ekspressivnye Sintaksicheskie Sredstva Russkoi Ornamental'noi Prozy [Expressive Syntactic Means of Russian Ornamental Prose]. Tashkent, 2022. 244 p. (In Russ.)
2. Alieva E.A. Imenitel'nyj predstavleniya / temy v russkoj ornamental'noj proze [Nominative representations/themes in Russian ornamental prose]. *Uchenyye za-*

- piski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki. Nauchnyy zhurnal*, 2023, Tom 9 (75), no. 3, pp. 166–128. (In Russ.)
3. Alieva E.A., Abdullaeva G. Kommunikativno-sintaksicheskie osobennosti konstrukcii IT v ocherkah M. Cvetaevoy [Communicative and syntactic features of NT design in the essays of M. Tsvetaeva]. *Vestnik Nacional'nogo universiteta Uzbekistana*, 2024, [1/12], Filologiya, pp. 279–284. (In Russ.).
 4. Alieva E.A. Parcellirovannye konstrukcii v poezii i proze Mariny Cvetaevoy. [Parceled constructions in the poetry and prose of Marina Tsvetaeva]. Tashkent, 2025. 164 p. (In Russ.).
 5. Andriyanova S.N. Segmentirovannye konstruksii v sostave teksta: Avtoref. diss ... kand. filol. n. [Segmented Constructions in the Text: Abstract of the Thesis]. Saint Petersburg, 1993, 20 p. URL: <https://cheloveknauka.com/segmentirovannye-konstruksii-v-sostave-teksta>. (accessed: 27.09.2023). (In Russ.)
 6. Boldyrev V.E. Ritmiko-tonal'naja mnogomernost' prozaicheskogo teksta (na materiale avtobiograficheskogo jesse M. Cvetaevoy «Moj Pushkin») [Rhythmic-tonal multidimensionality of prose text (based on the autobiographical essay by M. Tsvetaeva "My Pushkin")]. *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ritmiko-tonalnaya-mnogomernost-prozaicheskogo-teksta-na-materiale-avtobiograficheskogo-esse-m-tsvetaevoy-moy-pushkin/viewer> (accessed: 17.02.2024). (In Russ.).
 7. Brodskiy I. Poet i proza [Poet and prose]. URL: <https://iosif-brodskiy.ru/proza-isse/poet-i-proza-1979.html> (accessed: 10.06.2025). (In Russ.).
 8. Valgina N.S. Sovremennyy russkii yazyk: sintaksis: uchebnik [Modern Russian Language: Syntax]. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 2003. 416 p. (In Russ.).
 9. Golaidenko L.N. Sintaksicheskie sposoby vyrazheniya predstavleniya v khudozhestvennom tekste. Diss ... kand. filol. n. [Syntactic Ways of Expressing Representation in a Literary Text: Thesis]. Moscow, 1996, 24 p. URL: <https://cheloveknauka.com/sintaksicheskie-sposoby-vyrazheniya-predstavleniya-v-hudozhestvennom-tekste>. (accessed: 27.09.2023). (In Russ.).
 10. Ishmekeeva T.N. Segmentirovannye konstruksii v sovremennom russkom yazyke (na materiale gazetnykh zagolovkov): Avtoref. Diss ... kand. filol. n. [Segmented Constructions in Modern Russian (on the Basis of Newspaper Headlines): Abstract of the Thesis]. Volgograd, 2006, 24 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/segmentirovannye-konstruksii-v-sovremennom-russkom-yazyke-na-materiale-gazetnykh-zagolovkov>. (accessed: 01.11.2024). (In Russ.).
 11. Ivashhenko E.G. Dnevnikovaya proza Mariny Cvetaevoy [Diary prose of Marina Tsvetaeva]. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2011, Vyp. 54: Ser. Gumanitar. nauki, pp. 151–154. URL: http://www.amursu.ru/attachments/article/9529/N54_28.pdf (accessed: 05.09.2024). (In Russ.).
 12. Kanishheva E.V. Ritm prozy M. Cvetaevoy: Avtoref. ... diss... kand. filol. nauk [The rhythm of M. Tsvetaeva's prose: Autoref. ... diss... cand. philol. sciences]. Samara, 2013. 24 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/ritm-prozy-m-tsvetaevoy/read>. (accessed: 28.09.2024). (In Russ.).
 13. Kudrova I.V. Prostory Mariny Cvetaevoy: Pojezija, proza, lichnost'. [The expanses of Marina Tsvetaeva: Poetry, prose, personality]. Saint Petersburg, Vita Nova, 2003. 26 p. (In Russ.).
 14. Makasheva S.Zh. Pojezija i proza M.I. Cvetaevoy 1920–1930-h gg. (ontologija; koncepcija lichnosti) [Poetry and prose by M.I. Tsvetaeva 1920–1930s. (ontology; concept of personality)]: monografija. Moscow: Mill U, 2005. 246 p. (In Russ.).
 15. Maiorova L.E. Imenitel'nyy predstavleniya i imenitel'nyy temy kak yavleniya ekspresivnogo sintaksisa: Avtoref. diss ... kand. filol. n. [Nominative Representations and

Nominative Themes as Phenomena of Expressive Syntax: Author's Abstract]. Lenin-grad, 1984, 22 p. URL: <https://www.disercat.com/content/imenitelnyi-predstavleniya-i-imenitelnyi-temy-kak-yavleniya-ekspressivnogo-sintaksisa> (accessed: 27.09.2024). (In Russ.)

16. Muratova E. Ju. Lingvopojetika Mariny Cvetaevoy [Linguistic poetics of Marina Tsvetaeva]: monografiya. Vitebsk: Izdatel'stvo UO "VGU im. P.M. Masherova", 2005. 96 p. (In Russ.)
17. Peshkovskii A. M. Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii [Russian syntax in academic coverage]. Moscow, 2001. 368 p. (In Russ.).
18. Popov A. S. Imenitel'nyi temy i drugie segmentirovannye konstruktssii v sovremen-nom russkom yazyke [Nominative Themes and Other Segmented Constructions in Modern Russian]. *Razvitie grammatiki i leksiki sovremennogo russkogo yazyka*: Sb. nauchn. tr. Moskva, 1964, pp. 256–273. (In Russ.).
19. Rozental' D. E. Prakticheskaya stilistika russkogo yazyka [Practical Stylistics of the Russian Language]. Moscow, «ONIKS 21 vek» Publ. Mir i obrazovanie, 2001. 381 p. (In Russ.).
20. Titova E. V. Esseisticheskoe i liricheskoe v tvorchestve M. Cvetaevoy: harakter vzaimodejstviya [Essayistic and lyrical in the works of M. Tsvetaeva: the nature of interaction]. Konstantin Bal'mont, Marina Cvetaeva i hudozhestvennyye iskanija XX veka: mezhvuz. sb. nauchn. tr. Ivanovo: Ivan. gos. un-t., 2002, Vyp. 5, pp. 149–156. (In Russ.).

SOURCES OF EXAMPLES

1. Tsvetaeva M. Pushkin i Pugachev [Pushkin and Pugachev]. URL: <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/proza/pushkin-i-pugachev.htm> (accessed: 22.10.2024). (In Russ.)
2. Tsvetaeva M. Svetovoj liven' [Light shower]. URL: <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/proza/svetovoj-liven.htm> (accessed: 13. 09.2024). (In Russ.)
3. Tsvetaeva M. Izbrannoe [Favorites]. Sost., komment. L. A. Belovoj. M, 1989. 369 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 24.12.2024

Принята к публикации 13.02.2025

Отредактирована 10.09.2025

Received 24.12.2024

Accepted 13.02.2025

Revised 10.09.2025

ОБ АВТОРЕ

Эльвина Аметовна Алиева — доктор филологических наук (DSc), доцент, за-ведующий кафедрой русского языкознания Национального университета Узбекистана; aliev.aelvina@rambler.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elvina A. Alieva — Doctor of Philology (DcS), Associate Professor, Head of the Department of Russian Linguistics, National University of Uzbekistan; aliev.aelvina@rambler.ru

КИРИЛЛИЧЕСКИЕ АЛФАВИТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В МИКРОДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

О.А. Чурева

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь,
Россия; au-root-ua@mail.ru*

Аннотация: В настоящей работе предпринята попытка анализа фразеологических единиц, содержащих названия букв кириллической азбуки, с точки зрения динамики их функционирования. Эмпирической основой исследования послужил лексикографический материал толковых и фразеологических словарей, данные Национального корпуса русского языка, а также коллекция примеров использования рассматриваемых фразеологизмов в текстах сочинений студентов и в устном медиадискурсе. Работа осуществлена с применением методов описания и сравнения, методов лингвистического, структурно-семантического и контекстуального анализа, а также корпусного метода исследования. Цель статьи состоит в том, чтобы проследить в исторической перспективе эволюцию образных выражений, включающих названия букв кириллического алфавита, выявить и описать основные принципы и приемы фразеологических преобразований. Проведенное исследование позволило стратифицировать фраземы с компонентом кириллических графем на основании критериев актуальности и особенностей структурно-семантической трансформации. Предлагается описание некоторых продуктивных типов и моделей преобразования кириллических алфавитных фразеологизмов. Установлено, что наиболее обширную и гетерогенную группу рассматриваемых фразем составляют устойчивые сочетания, модифицированные в результате субституции буквенных компонентов, эллипсиса конструкций, окказиональных индивидуально-авторских трансформаций. Отмечается, что некоторое количество азбучных идиом продолжает функционировать в речи без изменений; значительная доля фразем трансформируется вследствие интер- и интраязыковой интерференции. Алфавитные фразеологизмы, возникшие в ходе эволюции языковых единиц и представляющие собой результат компонентного варьирования исходных устойчивых сочетаний, включающих имена букв, могут также рассматриваться в качестве фразеологических синонимов, функционирующих в речи асинхронно. Проведенное исследование отражает взаимосвязь между механизмами функционирования кириллических фразеологизмов, заключающих в себе элементы кода славянской культуры, и когнитивно-прагматическими установками носителей русского языка.

Ключевые слова: кириллический алфавитный фразеологизм; кириллическая графема; трансформация фразеологизмов; интерлингвистическая интерференция; классификация фразеологизмов; вариант фразеологизма; фразеологический синоним

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-05-3

Для цитирования: Чуреева О.А. Кириллические алфавитные фразеологизмы в диахроническом аспекте // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 5. С. 36–47.

CYRILLIC ALPHABET IDIOMS: A DIACHRONIC PERSPECTIVE

Olga A. Chureyeva

Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia; au-room-ua@mail.ru

Abstract: The paper is devoted to the consideration of Russian idioms containing names of Cyrillic letters viewed in a perspective of their functioning dynamics. The empirical basis of the study was the lexicographic material of explanatory and phraseological dictionaries, data from the national corpus of the Russian language, as well as a collection of examples of the use of the phraseological units in the texts of students' essays and in the oral media discourse. The research was carried out using methods of description and comparison, methods of linguistic, structural-semantic and contextual analysis, as well as the corpus method. The purpose of the article is to trace the evolution of figurative expressions, including the names of letters of the Cyrillic alphabet, in historical perspective, to identify and describe the basic principles and techniques of phraseological transformations. The study made it possible to stratify phrasemes with a component of Cyrillic graphemes based on the criteria of relevance and features of structural and semantic transformation. Some productive types and models of Cyrillic alphabetic phraseological units transformation are described. It is established that the most extensive and heterogeneous group of phrases under consideration are stable combinations modified as a result of substitution of letter components, ellipsis of structures, and occasional individual author's transformations. The conducted research reflects the relationship between the mechanisms of functioning of Cyrillic phraseological units, which contain elements of the code of Slavic culture, and cognitive-pragmatic attitudes of native speakers of the Russian language.

Keywords: Cyrillic alphabetic phraseological units; cyrillic grapheme; transformation of phraseological units; interlinguistic interference; classification of phraseological units; variant of phraseological unit; phraseological synonym

For citation: Chureyeva O.A. (2025) Cyrillic Alphabet Idioms: A Diachronic Perspective. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 36–47.

Введение

Феномен восприятия высказываний, основанных на переносе смысла и отражающих культурно-исторический опыт народа, находится в поле внимания психологов, философов, специалистов в области когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и теории коммуникации. Алфавитные фразеологизмы исследовались преимущественно в историко-этимологическом и когнитивно-лингвокультурологическом аспектах ([Виноградов 1946; Шанский 2015; Мокиенко 1980; Будейко 2011; Дядечко, Ван 2022] и др.). В некоторых трудах на материале русской фразеологии рассматривались вопросы вариативности устойчивых сочетаний и их окказиональных преобразований ([Алефиренко, Семененко 2009; Жуков 2022; Дронов 2021; Третьякова 2018] и др.), однако идиомы с буквенным компонентом остались за скобками. Отметим, что фразеологические единицы (ФЕ), содержащие названия графем кириллицы, как правило, не выделяются в отдельную категорию фразем, а рассматриваются в рамках более широкой группы грамматологических фразеологизмов [Будейко 2011] или в числе разнообразных идиом с буквенным компонентом [Дядечко, Ван 2022].

Таким образом, несмотря на то, что вопрос о метафоризации, основанной на восприятии букв кириллического алфавита, является одним из широко обсуждаемых в среде лингвистов, изучение проблемы функционирования алфавитных фразеологизмов с компонентом имен кириллической азбуки и их трансформаций в аспекте диахронии (микродиахронии) требует особого внимания, так как фразеологические единицы отражают когнитивный опыт народа и те изменения, которые происходят в сознании носителей языка и в самом языке.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы проследить в исторической перспективе динамику актуальности тех или иных значений образных выражений, включающих названия букв кириллического алфавита. Достижению поставленной цели должно способствовать решение следующих ключевых задач: выявить и описать основные принципы и приемы фразеологических преобразований, предложить классификацию рассматриваемых алфавитных идиом по типу трансформации.

Материалы и методы

Эмпирической основой настоящего исследования послужил лексикографический материал толковых и фразеологических словарей, данные Национального корпуса русского языка (основного, панхронического, мультимедийного подкорпусов), результаты выдачи поисковой системы Yandex, а также коллекция примеров ис-

пользования рассматриваемых фразеологизмов в текстах сочинений студентов и в устном медиадискурсе. В работе использовались методы описания и сравнения, методы лингвистического, структурно-семантического и контекстуального анализа, а также корпусный метод исследования.

Постановка и обсуждение проблемы

В настоящей работе понятие фразеологизма, или идиомы, трактуется расширительно, то есть в объем понятия включаются устойчивые словосочетания и предложения с высокой степенью семантической спаянности компонентов (паремии, поговорки, глагольные идиомы, именные группы, компаративные конструкции и другие знаки косвенно-производной номинации), обладающие экспрессивно-оценочной нагрузкой, метафоричностью, воспроизводимостью и трансформационным потенциалом. Азбучные идиомы (идиомы с компонентами названий букв кириллической азбуки) рассматриваются, как правило, в числе алфавитных фразеологизмов, общее количество которых, по подсчетам В. Э. Будейко, составляет более 180 единиц [Будейко 2011: 229]. Словарь В. И. Даля (издание 1863 г.), как отмечает В.С. Савельев, «фиксирует использование названий 22 букв кириллицы во фразеологизмах различного типа» [Савельев 2023: 75]. Таких фразеологизмов насчитывается до 50 единиц (без учета окказиональных вариантов), поэтому представляется целесообразным выделить устойчивых кириллических алфавитных сочетаний в отдельную группу идиом. Это позволит сфокусировать внимание на исследовании структурно-семантических связей и сдвигов с учетом динамических процессов, происходящих в языке. В некоторых работах идиомы, включающие названия букв старославянского алфавита, рассматриваются как устаревшие, буквенные компоненты называются «архаичными буквенными компонентами» [Дядечко, Ван 2022: 154]. На наш взгляд, названия букв кириллической азбуки представляют собой славянский цивилизационный код, который не может считаться архаичным (устаревшим, не отвечающим требованиям современности), так как является стержневым. Очевидно, что кириллическая азбука — это не просто алфавит, ряд графем, необходимых для письма, но последовательность слов, текст, состоящий из значимых лексических единиц и отражающий картину мира славян, компендиум концептов общеславянской культуры, поэтому некоторое количество азбучных фразеологизмов продолжает использоваться в речи без каких-либо структурно-семантических изменений; значительную долю фразем составляют устойчивые сочетания, претерпевшие трансформации на материаль-

ном уровне компонентного состава и синтаксической организации (в том числе вследствие интер- и интраязыковой интерференции).

Отметим, что большое количество алфавитных фразеологических оборотов содержит название первой буквы кириллицы. В настоящее время устойчивые выражения, смысл которых выводится благодаря аналогии по внешнему сходству (например, *ноги <прописным> азом* 'положение ног, напоминающее прописную графему «аз»'), не востребованы говорящими, а фраземы, ассоциируемые с начальной позицией буквы в алфавите (например, *начинать с азов* 'с самого начала'), обладают большим прагматическим и лингвокреативным потенциалом. В ходе анализа актуального языкового материала была зафиксирована высокая частотность использования окказиональной формулы *от азов к мастерству* (в значении 'от получения первичных навыков к профессиональному владению') в качестве слогана для продвижения образовательных услуг (например, курс «От азов к мастерству фотографии», учебно-методический семинар «Эхокардиография: от азов к мастерству», научно-практический семинар «Публикации в международных журналах: от азов к мастерству» и т. д.). Актуальный пример ФЕ с компонентом «азы» в вышеуказанном значении находим в названии рубрики портала «Грамота.ру», обновленного в ноябре 2023 года: «Правила русского языка: от азов до тонкостей». Вышеперечисленные примеры представляют собой варианты контаминационного преобразования двух исходных фразеологических единиц: *начинать с азов* и *от аза до ижицы*. Наряду с инвариантным устойчивым сочетанием *начинать с азов* ('начинать с основ, с первых базовых шагов') широкоупотребительными являются его лексико-грамматические варианты: *обучать / учить азам*; *объяснять азы* 'способствовать постижению основ науки или ремесла'; *обучаться / учиться азам*; *постигать / осваивать азы* 'получать базовые знания, приобретать первичные навыки'. Показательно, на наш взгляд, что данные обороты используются не только носителями русского языка, но и иностранными гражданами, чьи родители, представители старшего поколения, получали образование в СССР. Так, греческий студент медицинского института, описывая в учебном сочинении жизнь своего деда, использовал оборот *получать азы*: «Он с одинаковой радостью сидел за школьной партой, *получая азы* образования, работал в поле, ездил верхом на лошади, удивляя своей ловкостью, и думал, как подавляющее большинство детей, что всё будет хорошо». Корректное употребление фразеологизма, хотя и в модифицированном виде (глагол «получать» был выбран благодаря ассоциативной связи с выражением «получать образование, первичные знания»), указывает на то, что смысл этого выражения ясен автору сочинения. Вероятно,

прозрачность значения данного оборота обусловлена той связью, которая прослеживается между греческим алфавитом и кириллическим, как между исходным и производным.

Исследовательский интерес представляют примеры использования окказиональных авторских фразеологизмов с буквенным компонентом, в основе которых лежит прием сравнения (*устареть* и *выпасть*, как *фита*; *вылететь*, как *ижица*): «Мы устареем, как *фита*, и выпадем из алфавита» (В. Самойлов, 1980); «Если я обращаю человечество в часы и покажу, как стрелка столетия движется, неужели из нашей времен полосы не *вылетит* война, как ненужная *ижица*?» (В. Хлебников, 1922). Примечательно, что некоторые идиомы, включающие названия кириллических графем, созданы по принципу парадокса. Например, составное устойчивое сочетание *Я — последнее слово в азбуке* (*ответ: да аз — первое*) [Даль 2001: 11]. Эффект парадокса возникает благодаря актуализации семантической связи букв кириллической азбуки и гражданского шрифта с личным местоимением в форме первого лица единственного числа. Со временем данная фразеологическая единица претерпела незначительную лексико-семантическую трансформацию, связанную с реформой письма, в результате которой буква перестала восприниматься как слово с особой семантикой: лексема «слово» вытеснила лексема «буква», а исконно старославянская лексическая единица «азбука», означающая не только перечень графемных структурных единиц языка, или букварь, но и науку, грамоту, заместила заимствованным из греческого языка термином «алфавит». В современном русском языке функционирует усеченный вариант данного фразеологического оборота (*Я — последняя буква алфавита*). В эллиптической конструкции опущен второй компонент, содержащий ответ. Полная фразеологическая единица *Я — последняя буква алфавита* (*ответ: зато Аз — первая*) используется значительно реже и преимущественно в устном дискурсе представителей интеллигенции (как правило, людей с филологическим образованием). Варьирование фразеологических единиц, по справедливому замечанию А.В. Жукова, является верным признаком развития фразеологической единицы и одновременно представляет собой «промежуточный вариант этого развития» [Жуков 2022: 88].

Анализ лингвистического материала в микродиахроническом аспекте, предполагающий наблюдение за развитием/угасанием языкового явления на протяжении сравнительно небольшого отрезка времени, с учетом критерия актуальности использования устойчивых сочетаний в русском устном и письменном дискурсе позволяет условно выделить три категории алфавитных фразеологических единиц (ФЕ): 1) ФЕ, сохранившие актуальность и функционирующие

в русской письменной и устной речи в исходном виде; 2) ФЕ, сохранившиеся в употреблении в трансформированном виде; 3) ФЕ, утратившие актуальность и вышедшие из употребления.

I. К первой группе алфавитных фразеологизмов можно отнести идиомы, не претерпевшие структурно-семантических изменений и сохранившие свою актуальность: *начинать с азов* (начинать с самого начала, с основ), *постигать азы* (постигать то, с чего начинается та или иная наука), *дать добро* (одобрить, дать согласие), *ходить / стоять / подпереться / смотреть фертом* (самодовольно, вызывающе), *руки / локти фертом* (подбоченившись), *на ять* (выше всяких похвал), *расставить все точки над i* (окончательно прояснить), *выстроить / поставить глаголем* (в форме буквы Г), *писать корову через ять* (делать грамматические ошибки, демонстрировать невежество). Относительно двух последних идиом необходимо сделать оговорку, что в XXI веке в живой устной речи данные фразеологизмы не фиксируются; их использование ограничивается рамками функциональных стилей письменной речи (художественного и публицистического) и характеризуется низкой частотностью. Примечателен пример модификации ФЕ *писать корову через ять* в публицистическом тексте: «И корову, как видим, можно будет раза три-четыре безнаказанно *написать* в нем *через ять* — тоже облегчение» (А. Привалов, «О неизбежных последствиях», журнал «Эксперт», 2014). Дистантное расположение компонентов фразеологической единицы, наблюдаемое в данном примере, не влияет на семантику; значение фразеологического оборота и всего высказывания весьма прозрачно: ‘можно без риска для себя делать грамматические ошибки и демонстрировать собственное невежество’ (в статье речь идет о последствиях реформы образования, о снижении требований к уровню владения русским литературным языком, о либеральном отношении к оценке грамотности, о грубых орфографических ошибках в письменном дискурсе СМИ и о профанации гуманитарного знания в целом). Актуализация кириллических алфавитных фразеологизмов в современном дискурсе характерна не только для медиасферы функционирования языка. Так, например, ФЕ с буквенным компонентом «глаголь» используется как средство стилизации художественного текста: «Двухъярусный, *выстроенный глаголем*, он [дом] под своей крышей вмещал и службы: конюшню и коровник, амбары, дровяник, хозяйственные клетки, баню» (А. Иванов «Сердце Пармы», 2003). Роман-легенда Алексея Иванова стилизован в духе произведений, повествующих о прошлых реальных или вымышленных событиях, отсылает к истории России XV в., что требует от автора обращения к соответствующим языковым инструментам.

II. Алфавитные фразеологизмы, относящиеся ко второй категории (самой обширной), претерпели различные структурно-семантические трансформации. В зависимости от характера этих изменений внутри данной группы могут быть выделены фразеологические единицы трех типов.

1. Идиомы, претерпевшие структурно-семантическую трансформацию, связанную с заменой компонентов, обозначающих графемы кириллической азбуки. В зависимости от характера субституции можно выделить четыре модели трансформации:

а) буквы кириллической азбуки замещаются буквами гражданского алфавита: *согнуться глаголом* (фиксируется со второй половины XIX в.) — *согнуться буквой Г* (фиксируется с 20-х гг. XX в.); *располагаться глаголом* (фиксируется со второй половины XIX в.) — *располагаться буквой Г* (в документах фиксируется с 40-х гг. XX в., в художественной литературе — с 50-х гг.); *ставить покоем* (фиксируется с конца XIX в., единичные случаи употребления встречаются вплоть до 60-х гг. XX в.) — *ставить буквой П* (фиксируется с 1914 г., пик частотности употребления ФЕ приходится на первое десятилетие XXI в.); *от аза до ижицы* (фиксируется с 1806 г.) — *от А до Я* (фиксируется с 1857 г.); *расставить все точки над і* (фиксируется в письменных текстах с 1871 г. и продолжает активно использоваться в художественных произведениях и медиадискурсе наряду с современным вариантом ФЕ) — *расставить все точки над Ё* (фиксируется с 2000-х гг.);

б) буквы кириллицы замещаются буквами латиницы: *ножки / ноги хером* — *ножки / ноги иксом*; *от аза до ижицы* — *от А до Z* (обе ФЕ с замещенными буквенными компонентами фиксируются с 1863 г.);

с) буквы кириллицы замещаются другими лексемами на основе аналогии по сходству формы: *ноги <прописным> азом* — *ноги циркулем*;

д) буквы кириллицы замещаются словами, обозначающими цифры и числа: *приписывать <лишние> оники* — *приписывать <лишние> нолики* ('завышать цену'), *на ять* — *на пять* ('высшего уровня, как нельзя лучше').

2. Идиомы, представляющие собой результат провербализации и сохранившиеся в эллиптической (усеченной) форме. Например: *все люди как люди* (Ср.: *все люди, как люди, а мы как мыслете* [Даль, 2001: 381]), *Я — последняя буква алфавита* (Ср.: *Я последняя буква алфавита (ответ: да аз — первая)*). Эллиптические конструкции образуются вследствие нейтрализации значения, содержащегося во второй части, разрыва связи знака с референтом.

3. Идиомы, возникшие в результате индивидуально-авторской трансформации фразеологических единиц. Можно выделить четыре наиболее продуктивные модели преобразований:

а) трансформация, основанная на фразеологической контаминации: «от А до ижицы». Например: «Благовидности и обстоятельности ради прибегну к рамкам, к системе: стану по ниточкам разбирать твое письмо, от “а” до “ижицы” включительно» (А.П. Чехов «Письма Александру Павловичу Чехову», 1883). А.П. Чехов использовал прием контаминации, объединив два синонимичных фразеологизма (*от аза до ижицы* и *от А до Я*) со значением ‘полностью, от и до: от первой буквы текста до последней’;

б) трансформация, основанная на изменении семантики компонентов (второй тип трансформации, по классификации Н.М. Шанского) [Шанский 2005: 215]. Например: «*Бывают люди, а бывают и мыслете*. Понимаешь? Мыслете, горазд мыслят, значит... Они мир-то разумом своим, как столбами, подпирают» (В.Я. Шишков, «Ватага»). ФЕ «*бывают люди, а бывают и мыслете*» используется для указания на разницу в мышлении и может быть интерпретирована следующим образом: ‘бывают узко мыслящие люди (обыватели), а бывают люди, мыслящие широко’;

с) лексическая трансформация, связанная с синонимической заменой.

Например: «История по поводу вашей сестрицы *истощилась до ижицы*» (Ф. М. Достоевский, «Преступление и наказание»). ФЕ имеет значение ‘истощиться до предела, подойти к концу, закончиться’. Выражение *истощиться до ижицы* является окказиональным вариантом алфавитного фразеологизма *дойти до ижицы*. Большое количество примеров лексической трансформации связано с контекстуальным употреблением фразеологизмов с буквенным компонентом «ферт»: *подпереться / избочениться / изогнуться / вывернуться фертом; выступать / пойти / пройти / выйти / подлететь / влететь / взлететь фертом* (такие ФЕ появляются в письменных текстах в начале XIX в. и наблюдаются вплоть до конца XX в.). В текстах, созданных в XXI столетии, по данным Национального корпуса русского языка, ФЕ с рассматриваемым буквенным компонентом фиксируются в исходных формах: «*ходить / смотреть фертом*».

Структурно-семантическая трансформация, связанная с синонимической заменой глагольного компонента, может характеризоваться также расширением структуры азбучных фразеологизмов, что подразумевает «количественное изменение компонентного состава за счет употребления уточняющих слов к тем или иным компонентам» [Алефиренко, Семененко 2009: 215]. Например: «<...> *взлетел* <...> этаким улыбающимся *фертом*» (М. Козаков, «Актерская

книга», 1975–1995). В данном примере вместо исходного глагольного компонента «ходить» употребляется глагол «взлететь» с более высоким экспрессивным потенциалом. Формула «глагол + имя существительное» (*взлететь фертom*) расширена за счет включения в структуру дополнительного адъективного компонента — определения (*этаким улыбающимся*).

III. Алфавитные фразеологизмы, относящиеся к третьей группе, утратили актуальность. К данной категории алфавитных фразеологических единиц можно отнести два типа устойчивых сочетаний:

1. Идиомы, утратившие актуальность вследствие распространения синонимических единиц без буквенного компонента и претерпевшие полную интралингвистическую или интерлингвистическую трансформацию. Например: *ни аза в глаза — ни в зуб ногой; не суйтесь буки наперед азов — не лизь поперед батька в пекло / прежде батьки в пекло не суйся*.

2. Идиомы, вышедшие из употребления и не имеющие актуальных аналогов: *смотреть глаголем* (ябедником, сутягой); *брюшко / ротик оником* (круглой формы); *дойти до ижицы* (до конца, до предела); *писать мыслете* (идти неровной, нетвердой походкой); *остановиться на мыслете* (на середине, на полпути); *старый юс* (опытный делопроизводитель); *строить юсы* (чинить бюрократические препоны). Так, например, фразеологический оборот *писать мыслете* для большинства наших современников будет абракадаброй, так как в сознании отсутствует образ объекта, с которым сравнивается походка пьяного человека. Сегодня сочетание *писать / выписывать / выводить мыслете* используется в прямом значении — ‘красиво выводить соответствующую графему старославянского языка’ — и отсылает к искусству каллиграфии.

Выводы

Анализ фразеологических единиц, включающих названия букв кириллического алфавита, в аспекте микродиахронии позволил классифицировать исследуемые устойчивые сочетания, сгруппировав их в рамочные категории на основании критерия актуальности с учетом особенностей структурно-семантической трансформации, а также описать некоторые продуктивные модели преобразования.

Установлено, что наиболее обширную и гетерогенную группу рассматриваемых фразем составляют устойчивые сочетания, модифицированные вследствие субституции буквенных компонентов, эллипсиса конструкций, а также в результате окказиональных индивидуально-авторских трансформаций. Варианты фразеологизмов, возникшие в ходе эволюции языковых единиц и реализации их преобразовательного потенциала, могут также рассматриваться в качестве

фразеологических синонимов, особенностью функционирования которых является асинхронность (за исключением некоторых ФЕ).

Проведенное исследование отражает взаимосвязь между механизмами функционирования кириллических фразеологизмов, заключающих в себе элементы кода славянской культуры, и когнитивно-прагматическими установками носителей русского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н.Ф., Семененко Н.Н. Фразеология и паремиология. М., 2009. 342 с.
2. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд. испр. и доп. М., 2005.
3. Будейко В.Э. Проблема исследования грамматологических фразеологизмов в терминологическом аспекте // Вестник Челябинского государственного университета, 2011. № 33 (248). С. 227–229.
4. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ (1819–1944). Л., 1946. С. 45–69.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 тт. Т. 4. М., 2001. 576 с.
6. Дронов П.С. Варьирование, трансформация, модификация идиом: уточнение понятий // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. № 4, 2021. С. 200–209.
7. Дядечко Л.П., Ван Б. Культурно-историческая обусловленность модификации фразеологизмов с буквенным компонентом в русском языке // Русистика, 2022. Т. 20. № 2. С. 153–166.
8. Жуков А.В. Вариантная парадигма и вариативное пространство фразеологизма // Art Logos. 2022. № 2. С. 83–91.
9. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М., 1980. 278 с.
10. Савельев В.С. Псевдонимы, включающие церковнославянские названия букв кириллицы: структура и способы образования (статья 1) // Вестник Московского университета имени М.В. Ломоносова. Серия 9. Филология. 2023. № 2. С. 71–83.
11. Третьякова И.Ю. Окказиональные преобразования фразеологизмов: интенсификация значения // Вестник КГУ. № 4, 2018. С. 166–169.
12. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М., 2015. 271 с.
13. АСРФ = Академический словарь русской фразеологии / под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2020. 893 с.
14. НКРЯ = Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/>

REFERENCES

1. Alefirenko N.F., Semenenko N.N. Frazzeologiiia i Paremiologiiia [Phraseology and Paremiology]. Moscow, Flinta Publ: Nauka Publ., 2009. 342 p. (In Russ.)
2. Birikh A.K., Mokienko V.M., Stepanova L.I. Russkaia frazeologiiia. Istoriko-etimologicheskii slovar' [Russian phraseology. Historical and etymology dictionary]. 3rd ed. Moscow, 2005. (In Russ.)
3. Budeiko V.E. Problema issledovaniia grammatologicheskikh frazeologizmov v terminologicheskom aspekte [The issue of the research of grammatological idioms: a terminological perspective]. Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 2011, no. 33 (248), pp. 227–229. (In Russ.)

4. Dal' V.I. Tolkovyĭ slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language]. In 4 vol. Vol. 4. Moscow, OLMA-PRESS Publ, 2001, 576 p. (In Russ.)
5. Diadechko L.P., Wang B. Kul'turno-istoricheskaia obuslovlennost' modifikatsii frazeologizmov s bukvennym komponentom v russkom iazyke [Cultural and historical conditions of modifications in Russian phraseological units with letter names]. Russian Language Studies, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 153–166. (In Russ.)
6. Dronov P.S. Var'irovanie, transformatsiia, modifikatsiia idiom: utocnenie ponatii [Variation, transformation, modification of idioms: specification of concepts]. Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta im. N. I. Lobachevskogo, №4, 2021, pp. 200–209. (In Russ.)
7. Mokienko V.M. Slavianskaia frazeologiya [Slavic phraseology]. Moscow, 1980. 278 p. (In Russ.)
8. Savelyev V.S. Pseudonimy, vkluchaiushchie tserkovnoslavianskie nazvaniia bukv kirillitsy: struktura i sposoby obrazovaniia (statia 1) [Pseudonyms Including Church Slavonic names of Cyrillic Letters: Structure and Methods of Formation (Article 1)]. Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2023, no. 2, pp. 71–83. (In Russ.)
9. Shanskii N.M. Frazeologiya sovremennogo russkogo iazyka: uchebnoe posobie dlia studentov filologicheskikh fakul'tetov [Phraseology of Modern Russian Language]. Moscow, Lenand Publ., 2015. 271 p. (In Russ.)
10. Tret'iakova I.Iu. Okkazional'nye preobrazovaniia frazeologizmov: intensifikatsiia znachenii [Occasional transformations of phraseological units: amplification of meaning]. Vestnik KGU, 2018, no. 4, pp. 166–169. (In Russ.)
11. Vinogradov V.V. Osnovnye ponatiia russkoi frazeologii kak lingvisticheskoi distsipliny [The basic concepts of Russian phraseology as a linguistic discipline]. Trudy iubileinoi nauchnoi sessii LGU (1819-1944) Leningrad: Leningrad State University, 1946, pp. 45–69. (In Russ.)
12. Zhukov A.V. Variantnaia paradigma i variativnoe prostranstvo frazeologizma [Variant paradigm and variable space of phraseology]. Art Logos, 2022, no. 2, pp. 83–91. (In Russ.)
13. ASRF = Akademicheskii slovar' russkoi frazeologii [Academy Dictionary of Russian Phraseology] / pod red. A. N. Baranova i D. O Dobrovol'skogo. 3rd ed., Moscow. Leksrus, 2015. 893 p. (In Russ.)
14. NCRL = National corpus of Russian language. URL: <http://ruscorpora.ru/>

Поступила в редакцию 15.01.2024

Принята к публикации 13.02.2024

Отредактирована 07.09.2025

Received 15.01.2024

Accepted 13.02.2024

Revised 07.09.2025

ОБ АВТОРЕ

Ольга Александровна Чуреева — старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»;
au-room-ua@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Olga A. Chureyeva — Senior Teaching Fellow, Department of Russian as a Foreign Language, Vernadsky Crimean Federal University; au-room-ua@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ КОНЦЕПТА «ЖИЗНЬ» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ КАРДИОЛОГОВ

В.А. Каменева, Н.В. Рабкина

*Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия;
russia_science@mail.ru; nrabkina@mail.ru*

А.В. Румянцева

*Научно-исследовательский институт комплексных проблем
сердечно-сосудистых заболеваний, Кемерово, Россия; aleksandra_1505@mail.ru*

Аннотация: Актуальность работы обусловлена ее включенностью в антропоцентрическую парадигму современных гуманитарных исследований. Ставится вопрос о релевантности изучения ключевых концептов в языковом сознании определенных профессиональных групп общества для выявления особенностей процессов концептуализации и мировосприятия. В статье представлен анализ когнитивных признаков концепта «жизнь» в языковом сознании кардиологов. Для формирования генеральной совокупности исследования были проведены два направленных ассоциативных эксперимента с частеречными ограничениями для ассоциативных реакций. На слово-стимул *жизнь* было получено 200 ассоциатов-существительных и 200 ассоциатов-прилагательных. В психолингвистических экспериментах приняли участие 53 респондента — медицинских работника хирургических отделений Научно-исследовательского института комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний г. Кемерово. Количественно-семантический анализ полученных реакций позволил получить две классификации, на основе которых были составлены номинативные поля, семантические классификации ассоциатов и ядерная структура концепта. По результатам анализа ассоциатов-существительных в ядерную зону вошел когнитивный признак «человек в социуме и его внутренний мир» (34,5 %), в ближнюю периферию — «абстрактные понятия» (21,5 %) и «время» (19 %), в дальнюю — «окружающий мир» (14,5 %) и «пространство» (10 %). По результатам анализа ассоциатов-прилагательных в ядре концепта оказался признак событийности (32,5 %), в ближней периферии — «жизнь как социальное явление» (20,5 %), в дальней — «жизнь как многомерное образование» (10 %), обладающее определенными финансовыми (9 %) и ценностными характеристиками (8,5 %), тогда как темпоральный (6,5 %), пространственный (6 %), философско-религиозный (3,5 %) и природный (2,5 %) аспекты оказались в зоне крайней периферии. Результаты проведенного исследования говорят о низкой ассоциативности концепта «жизнь» с концептом «смерть». Выявленное отсутствие оппозиции «жизнь — смерть» можно считать

профессионально-специфическим феноменом, если объяснить отсутствие обязательной антонимичной связки концепта «жизнь» с концептом «смерть» в языковом сознании врачей-кардиологов: 1) спецификой общей профессиональной подготовки врачей, проходящих курс этики и деонтологии; 2) пространственным явлением вуалирования табуированного понятия *смерть* в профессиональной коммуникации врача с пациентами и коллегами.

Ключевые слова: направленный ассоциативный эксперимент; концептосфера; концептуальные исследования; когнитивная лингвистика; профессиональная коммуникация; концепт «жизнь»

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-28-00002 «Проблема когнитивно-дискурсивной параметризации медицинского дискурса пациентов с ВПС (врожденным пороком сердца) в кардиохирургическом стационаре»), <https://rscf.ru/project/23-28-00002>.

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-05-4

Для цитирования: Каменева В.А., Рабкина Н.В., Румянцева А.А. Концепт «жизнь» в языковом сознании кардиологов // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 5. С. 48–59.

COGNITIVE ATTRIBUTES OF THE CONCEPT OF LIFE IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF CARDIOLOGISTS

Veronika A. Kameneva, Nadezhda V. Rabkina

*Kemerovo State University, Kemerovo, Russia; russia_science@mail.ru;
nrabkina@mail.ru*

Alexandra A. Rumyantseva

Research Institute of Complex Problems of Cardiovascular Diseases, Kemerovo, Russia; aleksandra_1505@mail.ru

Abstract: As part of the modern anthropocentric paradigm, the research featured the key concepts in the linguistic consciousness of professional communities in order to describe their specific conceptualization patterns and worldview. It involved two associative experiments with a part-of-speech restriction that aimed at describing the cognitive features of the concept of life in the linguistic consciousness of cardiologists. The 53 respondents worked at the surgical departments of the Research Institute for Complex Problems of Cardiovascular Diseases, Kemerovo. They were asked to give 200 nouns and 200 adjectives they associated with the word “life”. A quantitative-semantic analysis made it possible to classify semantically the obtained verbal reactions, construct nominative fields, and interpret the nuclear structure of the concept. In the noun group, the core was represented by the cognitive attribute “social and inner world of a person” (34.5%); the close periphery belonged to “abstract concepts” (21.5%) and “time” (19%), while the distant periphery belonged to “envi-

ronment” (14.5%) and “space” (10%). As for the adjectival associations, the core was represented by “eventfulness” (32.5%), the close periphery reflected life as a “social phenomenon” (20.5%), the distant periphery described it as a “multidimensional formation” (10%) with certain financial (9%) and value characteristics (8.5%), whereas temporal (6.5%), spatial (6%), philosophical-religious (3.5%), and environmental aspects (2.5%) appeared to be in the extreme periphery zone. In the linguistic consciousness of cardiologists, the concept of life was represented as a complex process occurring in a certain chronotope, filled with events of inner and social life. The research revealed neither high associativity with death nor culturally specific passive position, marked in the dictionaries of concepts and associations for native Russian speakers in general. The absence of mandatory antonymic bond between the concepts of “life” and “death” in the linguistic consciousness of cardiologists may be due to the specifics of professional training of doctors, which includes bedside ethics and deontology, as well as the widespread phenomenon of tabooing the concept of death in medical communication.

Keywords: directed associative experiment; conceptosphere; conceptual research; cognitive linguistics; professional communication; concept of life

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation, project no. 23-28-00002: “Cognitive-discursive parameterization of medical discourse of patients with congenital heart disease (CHD) in a cardiac surgery hospital”, <https://rscf.ru/project/23-28-00002>.

For citation: Kameneva V.A., Rabkina N.V., Rumiantseva A.A. (2025) Cognitive Attributes of the Concept of Life in the Language Consciousness of Cardiologists. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 48–59.

Введение. Концептуальные исследования не теряют своей актуальности. В научное поле данного направления включают новые концепты, позволяющие получить актуальные данные о процессах концептуализации и специфике национальных картин мира. Концепт выступает не только хранилищем оценок и смыслов прошедших эпох, но и маркером культурных, социальных, политических, экономических процессов современности. Как указывает Н.М. Фролова, «концептологические исследования в отечественной лингвистике в последние десятилетия пользуются большой популярностью, поскольку позволяют изучать семантическую основу языка как когнитивной системы, выявлять специфику отражения им особенностей мировосприятия и мироощущения его носителей, на мыслительном уровне определяющих национальные константы мышления, на языковом — складывающихся в языковую картину мира» [Фролова 2018: 842].

В тех случаях, когда содержание концепта описывается при помощи ассоциативного метода, его определяют как некое смысловое поле языковых средств, которые вербализуют этот концепт у той

категории носителей языка, которую представляют реципиенты [Попова, Стернин 2007]. Концепт «жизнь» как базовый для человеческого опыта можно отнести к абстрактным архетипическим, формирующим основу мировоззрения, при этом он находится в составе архетипической оппозиции «жизнь — смерть». Как следствие, концепт «жизнь» длительное время оставался актуальным объектом научного исследования лингвистов и литературоведов. Обзор научных работ позволяет говорить о нескольких сложившихся направлениях его изучения. Первое направление объединяет работы, направленные на изучение концепта «жизнь»: 1) в идиолектах писателей и философов различных эпох; 2) в концептосфере русского фольклора; 3) в поэтическом дискурсе. В рамках данного направления работали Н.Г. Смирнова, Т.М. Горшкова, О.В. Савко, Цзяо Фэньюэ, Ю.А. Тязина, Е.А. Бирюкова, Н.М. Фролова. Детально изучен концепт «жизнь» на материале произведений В.О. Ключевского, Л. Петрушевской, А.П. Чехова, Э.М. Ремарка, Л.Н. Андреева, лирики Б. Пастернака.

Во второе направление можно включить исследования, направленные на изучение концепта «жизнь» в оппозиции концепту «смерть» в различных типах дискурса. Среди работ данного направления обращают на себя внимания исследования Л.О. Чернейко, Хо Сон Тэ, Н.А. Новиковой в области фразеологии, паремиологии и афористики.

Третье направление вобрало в себя исследования концепта «жизнь» в разных лингвокультурах. Например, А.Р. Бутешова сопоставила представления концепта «жизнь» в русской и кыргызской лингвокультурах.

Четвертое направление репрезентирует концепт «жизнь» в русской языковой картине мира с позиций диахронического анализа. Подробно рассмотрена концептуализация слова *жизнь* начиная с древнерусского языка (работы Е.Н. Руднева, Н.В. Деевой, О.А. Ипановой, Е.В. Петрухиной).

Процессы концептуализации и категоризации в языковом сознании носителей русского языка — популярная тема научных исследований [Ручина 2022]. Отметим также работу Е.Е. Сапоговой по выявлению репрезентации концепта «жизнь» в персональных тезаурусах людей среднего и старшего возраста. Выявлена взаимообусловленность концептуализации с историческим хронотопом и возрастом респондентов на основании данных, полученных по «авторской полупроективной методике “Смысловой тезаурус личности”», включающей задания на выбор вербальных, образных, символических ассоциаций с концептом “Жизнь”, на его паремическое и метафорическое осмысление, на соотнесение собственной

модели / стратегии жизни с архетипическими, литературными и другими моделями, на осевое и центральное / периферическое размещение содержания концепта “Жизнь” в семантических полях экзистенциальных дихотомий, на конструирование экзистенциальных словарей» [Сапогова 2020: 103].

Описание эксперимента. Направленный ассоциативный эксперимент в нашем исследовании был выбран методом формирования генеральной совокупности, что объясняется тем, что «ассоциативный эксперимент является важным способом концептуального анализа» [Еремкина, Трофимова 2019: 61], «частотность встречающихся однотипных реакций позволяет сделать вывод о некотором общем понимании смысла концепта, заложенном в сознании носителей языка» [Василенко 2019: 78], а «схожие ассоциаты могут рассматриваться как единый когнитивный признак» [Сюй 2020: 187].

Для формирования генеральной совокупности исследования были проведены два направленных ассоциативных эксперимента с частеречными ограничениями для ассоциативных реакций путем анкетирования с перерывом в 1 месяц между ними. Во время первого эксперимента респондентам предлагалось дать 4 реакции существительными на слово-стимул *жизнь*; во время второго — 4 реакции прилагательными. Получено 200 ассоциатов-существительных и 200 ассоциатов-прилагательных (в некоторых случаях испытуемые давали менее 4 ассоциатов на слово-стимул). Проведение направленных ассоциативных экспериментов с реакциями-глаголами и реакциями-наречиями на слово-стимул *жизнь* не вошло в задачи данного исследования, так как требует изменения (уменьшения) количества запрашиваемых ассоциаций на слово-стимул.

Респондентами исследования стали врачи-кардиологи, так как исследование является частью масштабного изучения когнитивно-дискурсивной параметризации дискурса врачей и пациентов с врожденным пороком сердца в кардиохирургическом стационаре, поддержанного грантом Российского научного фонда. В психолингвистических экспериментах приняли участие 53 респондента — медицинских работника двух хирургических отделений Научно-исследовательского института комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний г. Кемерово Кемеровской области — Кузбасса (80 % женщин, 20 % мужчин). Эксперименты проведены в 2023 году. Характеристики респондентов: 1) носители русского языка, русский язык для всех участников эксперимента — родной; 2) городские жители (г. Кемерово); 3) средний возраст — 43 года; 4) имеют первую или высшую врачебную категорию.

Результаты и обсуждение. Объектом данного исследования являются ассоциативные поля концепта «жизнь». Цель — выявить

когнитивные признаки концепта «жизнь» в языковом сознании определенной профессиональной группы посредством анализа ассоциатов, полученных в ходе двух направленных ассоциативных экспериментов.

Номинативное поле по результатам направленного ассоциативного эксперимента с реакциями-существительными на слово-стимул *жизнь* (в скобках представлено количество упоминаний ассоциатов): человек (10), душа (7), путь (7), воздух (6), свобода (6), дети (5), годы (4), движение (4), дорога (4), здоровье (4), работа (4), рождение (4), бытие (3), взросление (3), животное (3), зародыш (3), мгновение (3), миг (3), разум (3), родители (3), старение (3), смерть (3), труд (3), будущее (2), век (2), возраст (2), выбор (2), дерево (2), долголетие (2), качество (2), любовь (2), опыт (2), праздник (2), путешествие (2), радость (2), развитие (2), растение (2), реальность (2), свет (2), семья (2), судьба (2), существование (2), течение (2), эволюция (2), бесконечность (1), бесценность (1), вдох (1), вода (1), возрождение (1), воля (1), воплощение (1), воспоминание (1), время (1), выживание (1), действительность (1), день (1), длительность (1), единство (1), желание (1), зарождение (1), знания (1), значение (1), изменение (1), история (1), кислород (1), космос (1), краски (1), красота (1), линия (1), мимолетность (1), настоящее (1), начало (1), общение (1), общество (1), осмысление (1), организм (1), открытие (1), предназначение (1), приключение (1), проживание (1), продолжение (1), продолжительность (1), процесс (1), прошлое (1), рай (1), реализация (1), ребенок (1), семя (1), смысл (1), солнце (1), сохранение (1), спорт (1), столетие (1), сущность (1), тайна (1), тепло (1), удивление (1), улучшение (1), учение (1), химия (1), цветение (1), цели (1), чувство (1), энергия (1).

После семантического анализа массив ассоциатов принял вид следующей классификации:

1. Человек, его общественная и внутренняя жизнь в онтогенезе (69) (34,5 %)

- архисемантическая реакция (10): человек (10);
- стадии человеческой жизни (16): рождение (4), взросление (3), зародыш (3), смерть (3), старение (3);
- человек в семье (11): дети (5), родители (3), семья (2), ребенок (1);
- трудовая деятельность (7): работа (4), труд (3);
- человек в социуме (2): общение (1), общество (1);
- жизнь социума (4): праздник (2), приключение (1), спорт (1);
- эмоционально-волевая и когнитивная сферы человеческого бытия (19): разум (3), выбор (2), любовь (2), радость (2), воля (1), воспоминание (1), желание (1), знания (1), открытие (1), реализация (1), удивление (1), учение (1), цели (1), чувство (1).

2. Абстрактные понятия (43) (21,5 %)

- философско-религиозные (13): *душа* (7), *судьба* (2), *воплощение* (1), *предназначение* (1), *рай* (1), *тайна* (1);
- философско-психологические (21): *свобода* (6), *бытие* (3), *опыт* (2), *реальность* (2), *существование* (2), *действительность* (1), *значение* (1), *осмысление* (1), *проживание* (1), *смысл* (1), *сущность* (1);
- аксиологические (2): *бесценность* (1), *красота* (1);
- прочие (7): *здоровье* (4), *качество* (2), *единство* (1).

3. Окружающий мир (29) (14,5 %)

- биологические, то есть живые, объекты и связанные с ними явления и процессы (14): *животное* (3), *дерево* (2), *растение* (2), *эволюция* (2), *вдох* (1), *выживание* (1), *организм* (1), *семья* (1), *цветение* (1);
- небιологические объекты, процессы и явления, необходимые для возникновения и поддержания жизни (15): *воздух* (6), *свет* (2), *вода* (1), *кислород* (1), *космос* (1), *солнце* (1), *тепло* (1), *химия* (1), *энергия* (1).

4. Время (38) (19 %)

- стадии процесса во времени (5): *возрождение* (1), *зарождение* (1), *начало* (1), *продолжение* (1), *процесс* (1);
- временной промежуток (16): *годы* (4), *мгновение* (3), *миг* (3), *век* (2), *возраст* (2), *день* (1), *столетие* (1);
- хронология (5): *будущее* (2), *история* (1), *настоящее* (1), *прошлое* (1);
- другие темпоральные понятия (7): *долголетие* (2), *бесконечность* (1), *время* (1), *длительность* (1), *милолетность* (1), *продолжительность* (1);
- свойства процесса во времени (5): *развитие* (2), *изменение* (1), *сохранение* (1), *улучшение* (1).

5. Пространство (20) (10 %)

- движение (20): *путь* (7), *движение* (4), *дорога* (4), *путешествие* (2), *течение* (2), *линия* (1).

6. Прочее (1): краски (1).

В результате в ядерную зону вошел когнитивный признак «человек в социуме и внутри себя» (34,5 %), в ближнюю периферию — абстрактные понятия, как правило, философского характера (21,5 %) и «время» (19 %), в дальнюю — «окружающий мир» (14,5 %) и «пространство» (10 %).

Можно сделать вывод, что жизнь в понимании врача-кардиолога — это протекающий во времени и пространстве процесс, связанный, скорее, с жизнью духа и социума, чем с жизнью материи.

Примечательно, что несмотря на традиционную для западноевропейской философии линейность этого движения, это процесс, скорее всего, положительный (*эволюция, рождение, развитие, улучшение, сохранение*), чем энтропийный (*старение, смерть*), и, несмо-

тря на свою скоротечность (*миг, мгновение, день, мимолетность*), потенциально бесконечный (*душа, бесконечность, возрождение, бесценность, долголетие*).

Представляется, что некоторые ассоциаты стали следствием прецедентных текстов из литературы, массовой культуры и т.д. Так, слово-реакция *миг* явно имеет в качестве источника песню к кинофильму «Земля Санникова» на стихи Л.П. Дербенева, крылатая фраза *движение есть жизнь* приписывается Аристотелю, цитата *Мы чужие на этом празднике жизни* принадлежит перу Ильфа и Петрова. Однако словосочетания *качество жизни* и *продолжительность жизни* коренятся в медицинском дискурсе.

Номинативное поле по результатам ассоциативного эксперимента с реакциями-прилагательными: *богатая* (10), *праведная* (6), *бедная* (5), *безмятежная* (5), *гармоничная* (5), *обыденная* (5), *скучная* (5), *внеземная* (4), *вольная* (4), *комфортная* (4), *личная* (4), *полноценная* (4), *праздная* (4), *растительная* (4), *студенческая* (4), *благополучная* (3), *бытовая* (3), *веселая* (3), *взрослая* (3), *здоровая* (3), *интимная* (3), *мирная* (3), *насыщенная* (3), *недолгая* (3), *осмысленная* (3), *прежняя* (3), *светская* (3), *семейная* (3), *сознательная* (3), *суетливая* (3), *супружеская* (3), *холостяцкая* (3), *беззаботная* (2), *бродячая* (2), *будничная* (2), *греховная* (2), *деятельная* (2), *ежедневная* (2), *земная* (2), *кочевая* (2), *культурная* (2), *неудавшаяся* (2), *нормальная* (2), *общественная* (2), *половая* (2), *полная* (2), *рабочая* (2), *разгульная* (2), *размеренная* (2), *разумная* (2), *райская* (2), *самостоятельная* (2), *сидячая* (2), *совместная* (2), *уединенная* (2), *безбедная* (1), *безрадостная* (1), *беспечная* (1), *беспокойная* (1), *бестолковая* (1), *благородная* (1), *благочестивая* (1), *бренная* (1), *бурлящая* (1), *волнительная* (1), *дачная* (1), *животная* (1), *зажиточная* (1), *лагерная* (1), *монашеская* (1), *одинаковая* (1), *однообразная* (1), *оседлая* (1), *повседневная* (1), *потусторонняя* (1), *правильная* (1), *прошлая* (1), *развратная* (1), *распутная* (1), *реальная* (1), *свободная* (1), *столичная* (1), *сытая* (1), *цивилизованная* (1), *частная* (1).

Семантический анализ позволил построить классификацию, основанную на бинарных противоположностях, некоторые из которых не были представлены. Жизнь, согласно полученной классификации, характеризуется следующим образом:

1. Событийный аспект (65) (32,5 %)

- по отсутствию проблем (16): *безмятежная* (5), *благополучная* (3), *веселая* (3), *мирная* (3), *беззаботная* (3), *беспечная* (1);
- по наличию проблем (0);
- по насыщенности событиями (7): *насыщенная* (3), *деятельная* (2), *бурлящая* (1), *волнительная* (1)
- по отсутствию событий (29):

- со знаком плюс (15): *обыденная* (5), *бытовая* (3), *будничная* (2), *ежедневная* (2), *размеренная* (2), *повседневная* (1);
- со знаком минус (14): *скучная* (5), *праздная* (4), *сидячая* (2), *безрадостная* (1), *одинаковая* (1), *однообразная* (1);
 - по наличию контроля над событиями своей жизни (9): *осмысленная* (3), *сознательная* (3), *разумная* (2), *беспокойная* (1);
 - по отсутствию контроля над событиями своей жизни (4): *суетливая* (3), *бестолковая* (1).

2. Социальный аспект (41) (20,5 %)

- по наличию публичности (10): *светская* (3), *культурная* (2), *общественная* (2), *рабочая* (2), *цивилизованная* (1);
- по отсутствию публичности (10): *личная* (4), *интимная* (3), *половая* (2), *частная* (1);
- по наличию зависимости от других людей (13): *семейная* (3), *супружеская* (3), *холостяцкая* (3), *самостоятельная* (2), *совместная* (2);
- по отсутствию зависимости от других людей (8): *вольная* (4), *уединенная* (2), *монашеская* (1), *свободная* (1).

3. Структурный аспект (20) (10 %)

- по наличию всех составляющих (20): *гармоничная* (5), *комфортная* (4), *полноценная* (4), *здоровая* (3), *нормальная* (2), *полная* (2);
- по отсутствию составляющих (0).

4. Финансовый аспект (18) (9 %)

- по наличию достатка (13): *богатая* (10), *безбедная* (1), *зажиточная* (1), *сытая* (1);
- по отсутствию достатка (5): *бедная* (5).

5. Аксиологический аспект (17) (8,5 %)

- одобряемая обществом (9): *праведная* (6), *благородная* (1), *благочестивая* (1), *правильная* (1);
- порицаемая обществом (8): *греховная* (2), *неудавшаяся* (2), *разгульная* (2), *развратная* (1), *распутная* (1).

6. Темпоральный аспект (этап, продолжительность) (13) (6,5 %): *студенческая* (4), *взрослая* (3), *недолгая* (3), *прежняя* (3).

7. Пространственный аспект (12) (6 %)

- зафиксированная (8): *внеземная* (4), *дачная* (1), *лагерная* (1), *оседлая* (1), *столичная* (1);
- незафиксированная (4): *бродячая* (2), *кочевая* (2).

8. Философско-религиозный аспект (7) (3,5 %)

- земное существование (3): *бренная*, *земная*, *реальная* (1);
- посмертное существование / до рождения (4): *райская* (2), *потусторонняя* (1), *прошлая* (1).

9. Не относящаяся к людям (5) (2,5 %): *растительная* (4), *животная* (1).

Следовательно, к ядру концепта будет принадлежать признак событийности (32,5 %), к ближней периферии — признак «жизнь как социальное явление» (20,5%), к дальней — «жизнь как многомерное образование» (10 %), обладающее определенными финансовыми (9 %) и ценностными характеристиками (8,5 %). В зоне крайней периферии оказались такие аспекты, как темпоральный (6,5 %), пространственный (6 %), философско-религиозный (3,5 %) и «жизнь вне сферы человеческого бытия» (2,5 %).

Выводы. Таким образом, на основе реакций-прилагательных можно сделать вывод, что для врачей-кардиологов жизнь — сложное, наполненное событиями социальное явление, которое можно охарактеризовать экономически, аксиологически или хронотопически.

Если обобщить полученные результаты, концепт «жизнь» в языковом сознании врачей-кардиологов — сложный процесс, протекающий в некоем хронотопе, заполненном событиями внутреннего и социального бытия.

Данные результаты частично согласуются с выводами Е.Е. Сапоговой, в работе которой для 30–40-летних представителей непрофессионального сознания центральными оказались такие единицы, как *развитие, движение, сложность*, а для респондентов 45–60 лет — *движение, активность, деятельность, развитие* [Сапогова 2020].

В «Русском сопоставительном ассоциативном словаре» под редакцией Г.А. Черкасовой, где ассоциации на слово *жизнь* показаны в динамике с 1967 г., на первом месте стабильно находится ассоциат *смерть*, после которого идет или качество (*трудная, прекрасная, хорошая*) или продолжительность (*долгая / длинная, короткая*) [Черкасова 2008]. «Антология концептов» в понятийной структуре концепта ставит *деятельность* (биологическое и социальное бытие) на второе место (после *существования*), а *движение* и *длительность* — на третье и четвертое, при этом самой частотной метафорой жизни выступает «жизнь — путь», а самыми важными парадигматическими отношениями — антиномичность со смертью. К культурной специфике отношений «человек — жизнь» в русской языковой картине мира относят пассивный характер взаимоотношений человека с жизнью, который ей подчинен [Антология концептов 2005].

Подводя итог, отметим, что результаты нашего исследования: 1) соответствуют данным профессионально неспецифическим обобщениям по аспектам движения, продолжительности и качества, 2) не выявили высокой ассоциативности со смертью или культурно-специфической пассивной позицией. Выявленное по результатам данного ассоциативного эксперимента отсутствие оппозиции «жизнь — смерть» можно считать профессионально-специфическим феноме-

ном, если объяснить отсутствие обязательной антонимичной связи концепта «жизнь» с концептом «смерть» в языковом сознании врачей-кардиологов: 1) спецификой общей профессиональной подготовки врачей, проходящих курс этики и деонтологии; 2) распространенным явлением вуалирования табуированного понятия *смерть* в профессиональной коммуникации врача с пациентами и коллегами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология концептов / Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград, 2005. Т. 2.
2. Василенко С.С. Ассоциативный эксперимент как способ исследования концепта в лингводидактических целях // Язык и культура. 2019. № 48. С. 76–86.
3. Еремкина Е.С., Трофимова Е.Б. Концепт ПРЕДАТЕЛЬ в национальном сознании носителей русского и китайского языков (по данным ассоциативного эксперимента) // Научный диалог. 2019. № 5. С. 60–74.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М., 2007.
5. Ручина Л.И. Опыт экспериментального исследования социально значимых концептов в современном русском языковом сознании (концепт ДЕМОКРАТИЯ) // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 3. С. 135–151.
6. Сапогова Е.Е. Концепт «жизнь» в персональных тезаурусах взрослых людей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2020. Т. 10. № 2. С. 98–127.
7. Сюй Л. Когнитивные признаки концепта «упорство» в русском языковом сознании (по данным ассоциативного эксперимента) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 6. С. 185–190.
8. Фролова Н.М. Особенности языковой репрезентации концепта «жизнь» в пьесе Л.Н. Андреева «Жизнь человека» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 4. С. 842–858.
9. Черкасова Г.А. Русский сопоставительный ассоциативный словарь. М., 2008.

REFERENCES

1. *Antologiya kontseptov* [Anthology of concepts. Edited by V.I. Karasik, I.A. Sternin. Vol. 2]. Volgograd: Paradigma, 2005. (In Russ.)
2. Vasilenko S.S. Assotsiativnyi ehksperiment kak sposob issledovaniya kontsepta v lingvodidakticheskikh tselyakh [Associative experiment as a way to research a concept for the foreign language teaching purposes]. *Yazyk i kul'tura*, 2019, № 48, pp. 76–86. (In Russ.) doi: 10.17223/19996195/48/5.
3. Eremkina E.S., Trofimova E.B. Kontsept PREDATEL' v natsional'nom soznanii nositelei russkogo i kitaiskogo yazykov (po dannym assotsiativnogo ehksperimenta) [Concept of TRAITOR in national consciousness of native speakers of Russian and Chinese languages (according to data of associative experiment)]. *Nauchnyi dialog*, 2019, № 5, pp. 60–74. (In Russ.) doi: 10.24224/2227-1295-2019-5-60-74.
4. Popova Z.D., Sternin I.A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow: AST: Zapad-Vostok Publ., 2007. (In Russ.)
5. Ruchina L.I. Opyt ehksperimental'nogo issledovaniya sotsial'no znachimyykh kontseptov v sovremennom russkom yazykovom soznanii (kontsept DEMOKRATIYA) [Experience experimental research socially significant concepts in modern Russian

Language consciousness (concept DEMOCRACY)]. *Nauchnyi dialog*, 2022, vol. 11, № 3, pp. 135–151. (In Russ.) doi: 10.24224/2227-1295-2022-11-3-135-151.

6. Sapogova E.E. Kontsept “zhizn” v personal’nykh tezaurusakh vzroslykh lyudei [The concept “life” in personal thesauri of adults]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya*, 2020, vol. 10, № 2, pp. 98–127. (In Russ.) doi: 10.21638/spbu16.2020.201.
7. Xu L. Kognitivnye priznaki kontsepta “uporstvo” v russkom yazykovom soznanii (po dannym assotsiativnogo ehksperimenta) [Cognitive features of the concept “persistence” in the Russian language consciousness (according to the data of the associative experiment)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2020, № 6, pp. 185–190. (In Russ.)
8. Frolova N.M. Osobennosti yazykovoi reprezentatsii kontsepta “zhizn” v p’ese L.N. Andreeva “Zhizn’ cheloveka” [Peculiarities of language representation of the concept “life” in the play by L.N. Andreev’s “The life of man”]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, 2018, vol. 9, № 4, pp. 842–858. (In Russ.) doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-842-858.
9. Cherkasova G.A. *Russkiy sopostavitelnyy assotsiativnyy slovar’* [Russian comparative associative dictionary]. Moscow: Institute of Languages of the RAS Publ., 2008.

Поступила в редакцию 23.11.2023

Принята к публикации 13.02.2024

Отредактирована 07.09.2025

Received 23.11.2023

Accepted 13.02.2024

Revised 07.09.2025

ОБ АВТОРАХ

Вероника Александровна Каменева — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики преподавания гуманитарных дисциплин Института образования Кемеровского государственного университета; Russia_science@mail.ru

Надежда Владимировна Рабкина — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры переводоведения и лингвистики Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета; nrabkina@mail.ru

Александра Александровна Румянцева — кандидат медицинских наук, детский врач-кардиолог Научно-исследовательского института комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний; aleksandra_1505@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Veronika A. Kameneva — Prof. Dr., Department of Theory and Methodology of Teaching Humanities, Institute of Education, Kemerovo State University; russia_science@mail.ru

Nadezhda V. Rabkina — PhD, Associate Professor, Department of Translation Studies and Linguistics, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communications, Kemerovo State University; nrabkina@mail.ru

Alexandra A. Rumyantseva — PhD, pediatric cardiologist, Research Institute of Complex Problems of Cardiovascular Diseases; aleksandra_1505@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЙ СПОСОБ ОБРАЗОВАНИЯ ШАХМАТНЫХ ТЕРМИНОВ В РУССКОМ, НЕМЕЦКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Д.М. Садыкова, А.Н. Зарипова, О.В. Акимова

Казанский федеральный университет, Казань, Россия;

dilyara.kpfu@gmail.com, alfija_kazan@hotmail.com, lelram@mail.ru

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию семантического способа образования шахматной терминологии в русском, немецком и английском языках. Выбор объекта исследования обусловлен тем, что в современном мире шахматы, оставаясь весьма интересным видом спорта, имеют развитую систему понятий и терминов, включающие в себя элементы не только спорта, но науки и искусства. Предметом данного исследования являются терминологические единицы шахмат сопоставляемых языков; основной целью данной работы является описание особенностей семантического способа образования шахматной терминологии в русском, немецком и английском языках с определением его продуктивности. Проведенный анализ имеет практическое значение, как в процессе преподавания языков, так и в практике перевода. Для проведения семантического анализа шахматной терминологии сопоставляемых языков применялись следующие методы: сравнительно-сопоставительный метод был использован для выявления типологических характеристик шахматных терминов; системно-структурный метод позволил выделить лексико-семантические группы в структуре шахматной терминосистемы; трансформационно-дистрибутивный метод определил модели образования шахматных терминов; статистический метод способствовал выявлению продуктивных способов образования терминов в сопоставляемых языках. Шахматы, являясь прекрасной частью человечества, имеют давнюю историю в мировой культуре и пользуются неизменной популярностью — об этом свидетельствует, с одной стороны, деспециализация терминологического значения шахматных лексических единиц в общелитературном языке, а с другой — наблюдается употребление слов общелитературного фонда для обозначения специальных шахматных понятий. Исследование семантических процессов данных единиц шахматной терминологии позволяет установить протекающие в ней закономерные процессы, а также определить общие и различные аспекты в терминосистеме сопоставляемых языков. Проведенный анализ показал, что термины, образованные семантическим способом в исследованных языках, не отличаются высокой продуктивностью, однако характеризуются высокой частотой употребления и деривационными способностями.

Ключевые слова: терминология; терминологические единицы; семантический способ; шахматы

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-05-5

Для цитирования: Садыкова Д.М., Зарипова А.Н., Акимова О.В. Семантический способ образования шахматных терминов в русском, немецком и английском языках // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 5. С. 60–72.

THE SEMANTIC METHOD OF CHESS TERMS FORMATION IN THE RUSSIAN, GERMAN AND ENGLISH LANGUAGES

Dilyara M. Sadykova, Alfia N. Zaripova, Olga V. Akimova

*Kazan Federal University, Kazan, Russia; dilyara.kpfu@gmail.com,
alfija_kazan@hotmail.com, lelpam@mail.ru*

Abstract: The research focuses on the study of semantic method of chess terminology formation in the Russian, German and English languages. The choice of the object of the study is conditioned by the fact that chess as a very interesting sport in the modern world has a developed system of concepts and terms, including not only the elements of sport, but also of science and art. The subject of this study is the terminological units of chess terminology of the compared languages, the main purpose of this work is to describe the characteristics of the semantic method of chess terminology formation in the Russian, German and English languages and to determine its productivity.

To carry out the semantic analysis of the chess terminology of the compared languages, the following methods were used: the comparative method was chosen to identify typological characteristics of the chess terms; the systemic-structural approach allowed us to identify lexico-semantic groups in the structure of the chess terminological system; the transformational-distributive method determined the models of the chess terms formation; the statistical method made it possible to determine the productivity of the methods of forming terms in the compared languages. The analysis is of practical importance both in the process of language teaching and in translation practice.

Chess as a beautiful part of humanity has a long history in the world culture and enjoys unchanging popularity — this is evidenced, on the one hand, by the terminological meaning despecialization of chess lexical units in the general literary language, and on the other hand, by the use of the words of the general literary fund to denote special chess concepts. The study of the semantic processes of these lexical units of chess terminology allows us to establish the regular processes occurring in it, as well as to determine the common and different aspects concerning the terminological system of the compared languages.

The analysis showed that the terms formed by semantic method in the studied languages are not characterized by high productivity, but by high frequency of use and derivational abilities.

Keywords: terminology; terminological units; semantic method; chess

For citation: Sadykova D.M., Zaripova A.N., Akimova O.V. (2025) The Semantic Method of Chess Terms Formation in the Russian, German and English Languages. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 60–72.

Точная дата возникновения игры, которая известна всему миру как шахматы, остается окутанной тайной. Исторические свидетельства не подтверждают существование некоторых бездоказательных теорий, датирующих возникновение шахмат более ранним временем, чем запечатлено в письменных источниках. Однако, исходя из одной легенды, примерно в 1000 г. до н. э., индийский математик, который также был известен как ученый, придумавший математическую операцию возведения в степень, изобрел шахматы; согласно другим версиям, родиной шахмат является Индия, где не позднее VI в. н. э. появилась игра, которая считается предком современных шахмат. Уже в XVI веке в Европе начали появляться объединения любителей шахмат и проводиться массовые турниры. Во многих европейских странах следующие два века характеризовались распространением шахмат, что привело к созданию и проведению уже национальных турниров. Лишь в 1999 году, по решению Международного Олимпийского комитета, шахматы были признаны спортивной игрой.

До сих пор интерес к шахматам не угасает, в эпоху цифровизации и компьютеризации люди продолжают играть в шахматы, формируя такие качества, как терпеливость, внимательность, стратегическое мышление, память, а главное, интеллект.

Характеризуя шахматную терминологию, прежде всего необходимо отметить, что она не всегда являлась составной частью спортивной терминологии. Хотя анализу шахматной терминологии посвящено большое количество статей и научных исследований на русском, немецком и английском языках, отметим исследования последних лет.

В 2018 году была опубликована монография Грегора Вольфсбергера «Die Schachsprache und ihr Gebrauch im Alltag» [Wolfsberger 2018]. В ней автор анализирует значение шахматных понятий и терминов в общеупотребительном и специальном языке, описывает историю становления игры, причем он отмечает, что тема исследования необычайно широка.

Анализу шахматной терминологии русского языка посвящена работа Л.А. Аваковой «Структурно-функциональный анализ терминосистемы “Шахматы”» [Авакова 2006]. Автор описывает историю формирования шахматной терминологии в русском языке, семантические явления в исследуемой терминосистеме, такие как полисемия, синонимия, антонимия и омонимия. Также она затрагивает

тему использования шахматной терминологии в специализированных контекстах.

Исследованию шахматной терминологии английского языка посвящена работа И.Н. Журавлевой и М.В. Влавацкой «Структурная модель шахматных терминов в английском языке» [Журавлева, Влавацкая, 2021]. В статье «Comparative Analysis of Chess Terms» авторов М.В. Влавацкой и И.Н. Шаровой [Vlavatskaya, Sharova 2019] дан сравнительный анализ шахматной терминологии. Также анализу шахматных терминов посвящено исследование Д. Дукарда «Language and the Game of Chess» [Ducard 2017]. Работы А. Штокля «Watching a Language Model Learning Chess» [Stöckl 2021] и М. Делео и Э. Гувена «Learning Chess with Language Models and Transformers» [DeLeo 2022] посвящены шахматной игре и изучению шахматных терминов английского языка.

Следует отметить несколько сайтов, посвященных не только этой спортивной игре, но и размещению лингвистических исследований ее терминологического состава, а также многоязычные глоссарии: это сайты <https://chessworldweb.com>, <https://chess.com> и другие.

В нашем исследовании под термином понимается следующая дефиниция Б.Н. Головина: «Термин — это слово или словосочетание (образованное на базе подчинительных связей), которое имеет профессиональное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие, которое применяется в процессе (и для) познания и освоения некоторого круга объектов и отношений между ними — под углом зрения определенной профессии» [Головин 1987: 5].

Характеризуя лексическую систему, в том числе терминологическую, как известно, важно не только определить способы, с помощью которых реализуется терминологическая номинация, но и выявить отношения между компонентами в реализации различных концептов с возможностью описания терминологии путем распределения ее единиц по тематическим группам. Слова и выражения, входящие в тематические группы, классифицируются строго в соответствии с системой логических понятий, а не исходя из их лексико-грамматического значения. Иерархическая взаимосвязь между элементами позволяет выделить внутри терминологии тематические группы, именуемые полями.

«Поле — это определенным образом ограниченная совокупность элементов или групп, подгрупп, рядов и элементов, обладающих определенными интегральными признаками и находящихся в отношениях взаимосвязи, взаимозависимости и взаимодействия» [Цаголова 1985: 67].

«Терминологическое поле — это совокупность терминов, обладающих общими семантическими признаками, обусловленными линг-

вистическими и экстралингвистическими факторами, относящими их к определенной понятийной сфере» [Цаголова 1985: 67]. Терминологическое поле обладает собственной структурой, которая пополняется новыми единицами на разных этапах исторического развития.

Тематическое поле шахматной терминологии условно можно подразделить на три группы:

1) термины, обозначающие шахматные фигуры. Например, *король, королева/ферзь, ладья, слон, конь, пешка*; *König m, Königin f, Turm m, Läufer m, Pferd n, Bauer m*; *king, queen, rook, bishop, knight, pawn*;

2) термины, обозначающие действие в шахматах. Например, *ходить, делать ход, взять фигуру, контратаковать, объявить мат, объявлять шах, жертвовать (фигуру, пешку), получить мат, защищать*; *am Zug sein, anziehen, Figur f nehmen, kontern, Matt ankündigen, Schach bieten, opfern, schachmatt sein, verteidigen*; *to move, to open, to take a man / to capture a man, to counterattack, to mate, to announce check, to sacrifice a piece, to get mated, to defend*;

3) термины, обозначающие шахматные приемы или ходы, а также этапы игры: *дебют, миттельшпиль, эндшпиль, гамбит, рокировка, взятие на проходе, превращение пешки*; *Eröffnung f, Mittelspiel n, Endspiel n, Gambit n, Rochade f, En-passant-Schlag m, Bauernumwandlung f*; *opening, middle game, endgame, gambit, castling, capture en passant, pawn's conversion*.

Как известно, терминологический состав любой сферы человеческой деятельности формируется за счет внутренних и внешних ресурсов. Так, С.В. Гринев выделяет пять способов терминообразования: семантический, морфологический, синтаксический, морфолого-синтаксический способы, а также заимствования иноязычных лексем и терминоэлементов [Гринев 2008: 90]. Шахматная терминология сопоставляемых языков образована с помощью данных способов. Материалом исследования послужила шахматная терминология в русском, немецком и английском языках. Для этого в каждом из исследуемых языков методом частичной выборки было отобрано по 339 терминологических единиц, представляющих собой нормативные однокомпонентные и многокомпонентные шахматные термины, которые были извлечены из следующих шахматных словарей: «Шахматный словарь»¹, «Англо-русский шахматный глоссарий»², «Schachbegriffe»³, «Wörterbuch spezieller Schachbegriffe»⁴.

¹ Гейлер Г.М. Шахматный словарь. М., 1963. 681 с.

² «Англо-русский шахматный глоссарий». URL: <https://study-english.info/vocabulary-chess.php> (дата обращения: 01.07.2025).

³ Schachbegriffe. URL: <https://www.chess.com/de/terms> (accessed: 01.07.2025).

⁴ Wörterbuch spezieller Schachbegriffe. URL: <https://onlinestreet.de/330798-woerterbuch-spezieller-schachbegriffe> (accessed: 01.07.2025).

Для характеристики роли семантического способа образования шахматных терминов русского, немецкого и английского языков необходимо определить продуктивность каждого способа в сопоставляемых языках.

Диаграммы, представленные ниже (рис. 1–3), демонстрируют соотношение способов образования в шахматной терминологии в сопоставляемых языках:

Шахматная терминология немецкого языка (рис. 1) образована преимущественно с помощью морфолого-синтаксического (52 %) и затем синтаксического (22 %) способов, далее заимствования (10 %) и морфологического (3 %) способа: 178, 74, 34 и 10 единиц соответственно.

Шахматная терминология русского языка образована преимущественно с помощью синтаксического способа (72 %), затем заимствования (12 %), далее морфологического (6 %) и морфолого-синтаксического способов (2 %) (рис. 2), что в абсолютных значениях представлено 243, 40, 20, 6 терминологическими единицами соответственно.

Шахматная терминология английского языка (рис. 3) образована преимущественно с помощью синтаксического способа (70%), затем заимствования (10%), далее морфологического (2%), и морфолого-синтаксического (6%) способов: 238, 34, 6, 20 единиц соответственно.

Таким образом, семантическим способом образовано довольно незначительное количество шахматных терминов в сопоставляемых языках. В немецком языке этим способом образовано 43 термина (13 %), в русском языке 30 терминов (8 %) и в английском языке 41 термин (12 %). Согласно С.В. Гриневу, «с помощью семантических способов терминообразования возникает сравнительно небольшое

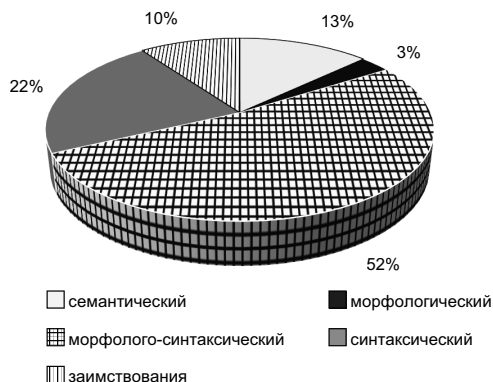

Рис. 1. Процентное соотношение способов образования шахматных терминов в немецком языке

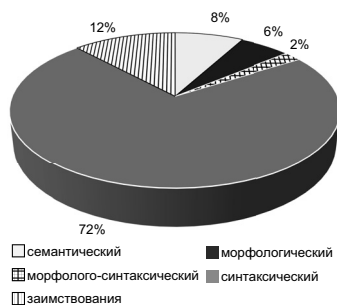

Рис. 2. Процентное соотношение способов образования шахматных терминов в русском языке

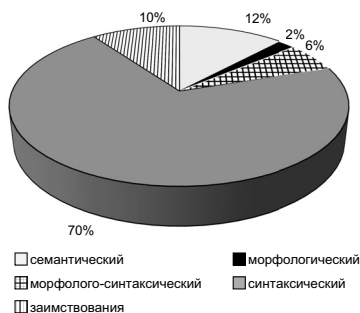

Рис. 3. Процентное соотношение способов образования шахматных терминов в английском языке

число терминов, около 3 %... Однако, несмотря на то что в целом число таких терминов невелико, они в большинстве случаев составляют ядро терминологии и широко используются для образования новых терминов путем деривации, сложения и образования словосочетаний с определяющими и уточняющими словами. Эти термины отличаются высокой частотой употребления, являются родовыми (гиперонимами) для других терминов данной терминологии, а многие из них являются наименованиями терминогрупп» [Гринев 2008: 129].

Под семантическим способом терминообразования понимается такой способ языковой номинации, где новый термин образуется в результате семантического развития слова путем его специализации в условиях конкретного контекста [Сложеникина 2016: 39]. Подобные термины заимствуются из общелитературного языка и характеризуются разными видами семантического изменения. С.В. Гринев выделяет следующую классификацию семантических способов терминообразования: терминологизация общеупотребительного значения слова, расширение значения, метафоризация, метонимический перенос, специализация (сужение) значения, межсистемное заимствование лексем и заимствование лексем и терминологических элементов [Гринев 2008: 123]. Данная классификация легла в основу нашего анализа (рис. 4).

Анализ простых исконных терминов показывает, что большинство из них перешло в шахматную терминологию путем преобразования на семантическом уровне, в частности посредством не только их специализации в рамках одной терминологической подсистемы, но также метафорического переноса и заимствования терминов из других терминологий.

Сужение или специализация значения предполагает уменьшение семантического объема значения общеупотребительного слова.

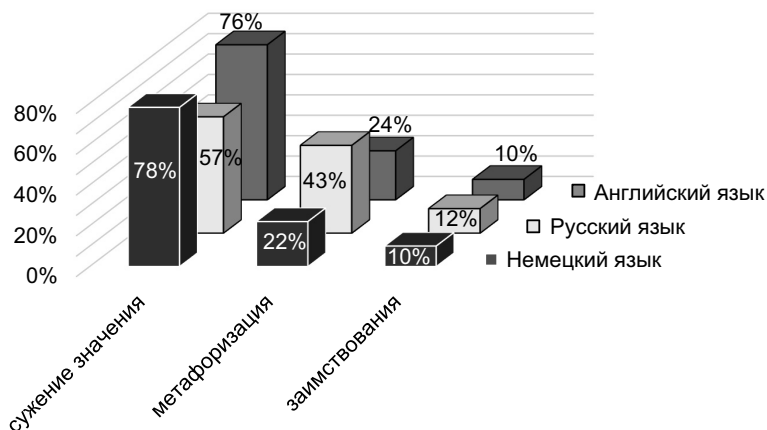

Рис. 4. Процентное соотношение семантических видов терминообразования в сопоставляемых языках

В.Н. Прохорова отмечает, что этот процесс представляет собой перенос названия одного понятия на другое при наличии общности всех признаков общеупотребительного понятия и дополнительных свойств у суженного понятия, релевантных относительно употребления данного термина [Прохорова 1996: 79]. По мнению С.В. Гринёва, здесь необходимо обозначить и группу простых терминов, чей объём значения в специальной лексике совпадает с их объёмом значения в общелитературном языке [Гринев 2008: 124]. В шахматной терминологии примером подобного могут служить следующие термины: *борьба, защита; Brett n, Kampf m, schlagen; board, game, opening*. Разберем данные термины, в которых можно наблюдать сужение лексического значения общеупотребительных слов: *доска, Kampf m, game*. В русском языке слово «доска» обладает следующими дифференциальными признаками: 1) пластина, пласт, плита; 2) тонкая, относительно ширины или длины; 3) выполненная путем вытеснения или вырезки из бревна/дерева⁵. Специальное понятие «доска» в шахматной терминологии, сохраняя данные признаки, получает также дополнительные: 1) инвентарь для игры; 2) игровое поле; 3) чередующиеся светлые и темные клетки; 4) количество клеток — 64 (8×8)⁶. В немецком языке слово «Kampf, m» имеет следующие дифференциальные признаки: 1) Auseinandersetzung (*поединок*); 2) zwei oder mehr Personen und Parteien (*два или более лиц/участников*)⁷. Шахматный же термин «Kampf, m» включает в себя

⁵ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 595.

⁶ Карпов А.Е. Шахматы. Энциклопедический словарь. М., 1990. 621 с. С. 116.

⁷ Duden. Wörterbuch. URL: <https://www.duden.de/woerterbuch> (accessed: 01.07.2025).

данные специфические признаки: 1) Anzahl der Schachpartien — 12, 16, 24 (*количество шахматных партий*); 2) Turnierart — Einzelkampf / Mannschaftswettkampf (*тип турнира — индивидуальное/командное соревнование*)⁸. В английском языке особенными признаками обладает слово «game» — 1) an entertaining activity or sport (*развлекательное занятие или вид спорта*); 2) one that has rules (*то, что имеет правила игры*); 3) requiring the equipment (*требующий наличия инвентаря*)⁹. Помимо текущих признаков выделим также дополнительные в отношении употребления термина в шахматах: 1) two players using a chessboard (*два игрока, использующие шахматную доску*); 2) 16 pieces for each of the players (*16 фигур для каждого из игроков*); 3) one plays Black, another plays White (*один играет за черных, другой за белых*)¹⁰.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сужение или специализация значения является самым продуктивным семантическим способом в шахматной терминологии сопоставляемых языков. С помощью этого подвида сематического способа образовано 78 % английских шахматных терминов, 76 % немецких и 57 % русских.

Помимо специализации значения термина, вторым по продуктивности подвидам семантического способа является метафоризация. С помощью метафоризации образовано 43 % шахматных терминов русского языка, 24 % — немецкого и 22 % терминов английского языков. Сущность метафоризации заключается в том, что слова общеупотребительного языка сначала преобразуются в термины на основе сходства внешнего признака, а в дальнейшем по принципу сходства функций называемых объектов. Среди подобных терминов можно выделить в русском языке — *вилка, лестница, конь*; в немецком — *Pferd s, Gabel f, König m*; в английском — *king, knight, rook*. Так, например фигура *Pferd s* 'конь' еще в древние времена изображалась в виде головы коня. Иногда внешнее сходство переплетается со сходством функций: в английском языке, например, эта же фигура обозначается термином *knight* (*рыцарь, в шахматах конь*), что связано с тем, что воины того времени были всадниками, а далее их стали называть рыцарями; *Gabel f* 'вилка' означает одновременное нападение на две вражеские фигуры¹¹; *König m, king* (*король*) — ключевая шахматная фигура, обладающая неизмеримой

⁸ Duden. Wörterbuch. URL: <https://www.duden.de/woerterbuch> (accessed: 01.07.2025).

⁹ Oxford Dictionary. URL: <https://www.oed.com> (accessed: 01.07.2025).

¹⁰ Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: 01.07.2025).

¹¹ Гейлер Г.М. Шахматный словарь. С. 443.

ценностью, именно от этой фигуры зависит главный исход партии¹²; *лестница* — движение фигуры в задаче (этюде), напоминающее по своему четкому геометрическому узору ряд ступенек¹³.

Наряду со специализацией значения и метафоризацией выделяются такие виды, как расширение значения слова и метонимический перенос, однако в нашем исследовании подобные примеры найдены не были.

Очевидно, что семантический способ, используемый для словообразования на ранней стадии формирования терминологических обозначений посредством переноса метафорических значений, определялся уровнем общественного, коллективного мышления тех, кто создавал термины. Сравнивая терминологические наименования ранних и более поздних периодов терминологической номинации, лингвисты отмечают конкретно-образное мышление, преобладающее на ранних этапах. Таким образом передавалось чисто внешнее сходство предметов или явлений. Номинация поздних периодов характеризуется абстрактно-отвлеченным мышлением.

Помимо обозначенных видов семантического способа образования терминов, в шахматной терминологии можно встретить заимствования из других терминологических систем, в частности из военной терминологии. Русская шахматная терминология обогатилась таким образом на 12 %, а английская и немецкая — на 10 % терминов. Заимствование шахматных лексем преимущественно из военной терминологии в русском, немецком и английском языках обусловлено тем, что шахматы как игра развивали и развивают стратегическое мышление, необходимое в решении того или иного военного конфликта, умение разрушать планы врага на поле боя и реализовывать свои. Примером могут послужить следующие термины: *арьергард* — в военной терминологии — часть войск или флота (в шахматах *фигур*), находящаяся позади главных сил¹⁴; *атака* — обозначает решающий момент наступления или стремительное нападение войск (*фигур*) на противника¹⁵; *блокада* — окружение войск противника, а также изоляция враждебного государства или города с целью прекращения его отношений с внешним миром¹⁶, в шахматах — торможение движения неприятельских пешек¹⁷. В немецком языке можно выделить следующие термины: *Flankenspiel* n — игра на флангах; *Offizier* m — офицер, в шахматах

¹² Коган М.С. Словарь шахматиста. Л., 1929. С. 234.

¹³ Гейлер Г.М. Шахматный словарь. С. 579.

¹⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. С. 57.

¹⁵ Там же. С. 61.

¹⁶ Там же. С. 137.

¹⁷ Карпов А.Е. Шахматы. Энциклопедический словарь. М., 1990. С. 39.

ладья, обозначает шахматную фигуру, обладающую большей подвижностью, чем пешка¹⁸; *Soldat* m — военнослужащий, который принадлежит к некомандному или к нена начальствующему составу¹⁹, в шахматах пешка — фигура, имеющая низшую ценность²⁰. В английском языке выделим следующие термины: *to defend* в юридической терминосистеме означает «выступать на суде в качестве адвоката, защитника»²¹, в шахматах — «защищать», «отражать наступательные действия фигур соперника»²²; *a trade* в экономической терминосистеме — «обмен крупного денежного знака на более мелкий»²³, в шахматах размен — «ход, которым собственная фигура отдается за такую же (или равноценную) фигуру партнера»²⁴; *a resignation* — в системе трудового права — отставка, уход с должности²⁵, в шахматах — сдача партии до ее окончания²⁶.

Таким образом, относительно небольшое число шахматных терминов образовано с помощью семантического способа — 13 % (в немецком языке), 8 % (в русском языке) и 12 % (в английском языке). Анализ семантического способа образования шахматных терминов в русском, немецком и английском языках позволил выявить общую для них закономерность: все терминологические единицы образованны путем сужения значения, метафоризации и заимствования из общепотребительной лексики. Данное обстоятельство можно объяснить спецификой формирования шахматной терминологии в сопоставляемых языках, стремлением обращаться к собственным средствам языка. Однако, несмотря на незначительное количество терминов, образованных данным способом, они чаще всего составляют ядро терминологии и широко применяются в качестве основы создания новых терминологических единиц посредством деривации. Так, от слова «*Bauer*» в шахматной терминологии немецкого языка образованы следующие лексемы: *Bauernangriff*, *Bauerngewinn*, *Bauernkette*, *Bauernopfer*, *Bauernsturm*; в английском языке — *king* → *kingside*, *king-pawn*, *queen* → *queenside*, *queen-hunt*, *queen-pawn*. В русском языке от слова «пешка» образовано прилагательное «пешеч-

¹⁸ Коган М.С. Словарь шахматиста. С. 247.

¹⁹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. С. 2682.

²⁰ Коган М.С. Словарь шахматиста. С. 340.

²¹ Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: 01.07.2025).

²² Коган М.С. Словарь шахматиста. С. 166.

²³ Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: 01.07.2025).

²⁴ Гейлер Г.М. Шахматный словарь. С. 497.

²⁵ Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: 01.07.2025).

²⁶ Коган М.С. Словарь шахматиста.

ный», которое стало основой для следующих словосочетаний: *пешечное наступление, пешечная цепь, пешечный перевес*.

Несмотря на то, что термины, образованные семантическим способом, не отличаются высокой продуктивностью, они характеризуются высокой частотой употребления и деривационными способностями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакова Л.А. Структурно-семантический и функциональный анализ терминосистемы «Шахматы»: дисс. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2006. 200 с.
2. Головин Б.Н. Лингвистические основы учения о терминах. М., 1987. 104 с.
3. Гринёв С.В. Терминоведение. М., 2008. 304 с.
4. Журавлева И.Н., Влавацкая М.В. Структурная модель шахматных терминов в английском языке. Мир науки, культуры, образования, 2021. С. 534–539.
5. Прохорова В.Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование). М., 1996. 125 с.
6. Сложеникина Ю.В. Основы терминологии. Лингвистические аспекты теории термина. Лингвистические аспекты теории терминов. М., 2016. 120 с.
7. Цаголова Р.С. Лексико-семантические особенности политико-экономических терминов. М., 1985. 146 с.
8. DeLeo M., Guven E. Learning Chess With Language Models and Transformers, 2022. URL: <https://airconline.com/csit/papers/vol12/csit121515.pdf> (accessed: 01.07.2025).
9. Ducard D. Language and the game of chess. Semiotica. Life and semiotics, 2017, pp. 199–217. URL: <https://hal.science/hal-01610993/document> (accessed: 01.07.2025).
10. Stöckl A. Watching a Language Model Learning Chess. In Proceedings of the International Conference on Recent Advances in Natural Language Processing. 2021, pp. 1369–1379. URL: <https://aclanthology.org/2021.ranlp-1.153.pdf> (accessed: 01.07.2025).
11. Vlavatskaya M.V., Sharova I.N. Comparative analysis of chess terms. Advances in Social Science, Education and Humanities Research, 2019. pp. 290–293. URL: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/hssnpp-19/125913405> (accessed: 01.07.2025).
12. Wolfsberger G. Die Schachsprache und ihr Gebrauch im Alltag. 2018. 20 S.

REFERENCES

1. Avakova L.A. Strukturno-semanticheskii i funktsional'nyi analiz terminosistemy «Shahmaty»: diss. ... kand. filol. nauk [Structural-semantic and functional analysis of the term system “Chess”. Cand. philol. sci. diss.]. Maikop, 2006. (In Russ.)
2. Golovin B.N. Lingvisticheskie osnovy ucheniya o terminah [Linguistic bases for studying terms]. Moscow, Vysshaya shkola, 1987. (In Russ.)
3. Grinev S.V. Vvedenie v terminovedenie [Introduction to terminology]. Moscow, Akademiya, 2008. (In Russ.)
4. Zhuravleva I.N., Vlavackaya M.V. Strukturnaya model shahmatnykh terminov v angliiskom yazyke. [Structural model of chess terms in English] *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 2021, №2 (87), pp. 534–539. (In Russ.)
5. Prohorova V.N. Russkaya terminologiya (leksiko-semanticheskoe obrazovanie) [Russian terminology (lexico-semantic formation)]. Moscow, Filologicheskie nauki, 1996. (In Russ.)

6. Slozhenikina Yu.V. Osnovy terminologii. Lingvisticheskie aspekty teorii termina [Fundamentals of terminology. Linguistic aspects of the theory of terms]. Moscow, Knizhnyj dom Librokom, 2016. (In Russ.)
7. Tsagolova R.S. Leksiko-semanticheskiye osobennosti politekonomicheskikh terminov [Lexico-semantic features of political economic terms]. Moscow, Moscow University Publishing House, 1985. (In Russ.)
8. DeLeo M., Guven E. Learning Chess With Language Models and Transformers, 2022. URL: <https://aircconline.com/csit/papers/vol12/csit121515.pdf> (accessed: 01.07.2025).
9. Ducard D. Language and the game of chess. Semiotica. Life and semiotics, 2017, pp. 199–217. URL: <https://hal.science/hal-01610993/document> (accessed: 01.07.2025).
10. Stöckl A. Watching a Language Model Learning Chess. In Proceedings of the International Conference on Recent Advances in Natural Language Processing, 2021, pp. 1369–1379. URL: <https://aclanthology.org/2021.ranlp-1.153.pdf> (accessed: 01.07.2025).
11. Vlavatskaya M.V., Sharova I.N. Comparative analysis of chess terms. Advances in Social Science, Education and Humanities Research, 2019. pp. 290–293. URL: <https://www.atlantis-press.com/proceedings/hssnpp-19/125913405> (accessed: 01.07.2025).
12. Wolfsberger G. Die Schachsprache und ihr Gebrauch im Alltag. 2018. 20 S.

Поступила в редакцию 30.07.2024

Принята к публикации 13.08.2024

Отредактирована 07.09.2025

Received 30.07.2024

Accepted 13.08.2024

Revised 07.09.2025

ОБ АВТОРАХ

Дилара Марсовна Садыкова — преподаватель кафедры теории и практики перевода ИМО КФУ; dilyara.kpfu@gmail.com

Альфия Наилевна Зарипова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода ИМО КФУ; alfija_kazan@hotmail.com

Ольга Валерьевна Акимова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода ИМО КФУ; lelpam@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Dilyara M. Sadykova — Teaching Fellow, Department of Translation Theory and Practice, Kazan Federal University; dilyara.kpfu@gmail.com

Alfia N. Zaripova — PhD, Associate Professor, Department of Translation Theory and Practice, Kazan Federal University; alfija_kazan@hotmail.com

Olga V. Akimova — PhD, Associate Professor, Department of Translation Theory and Practice, Kazan Federal University; lelpam@mail.ru

ТИПИЧНЫЕ АРТИКУЛЯЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ ПРИ ОСВОЕНИИ РУССКОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ НЕЙРОСЕТЕВОГО АНАЛИЗА

Г.Е. Кедрова, Н.И. Миронова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; gekedrova@yandex.ru, mironnat@rambler.ru*

В.Я. Чучупал

*Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН,
Москва, Россия; v.chuchupal@frccsc.ru*

Аннотация: Статья рассматривает проблему типичных устойчивых произносительных ошибок в русской речи носителей китайского языка. Основной акцент сделан на анализе причин возникновения ошибок, связанных с параметрами глухости и звонкости русских согласных. Исследуются различные артикуляционные стратегии, применяемые китайскими учащимися. Экспериментальная часть исследования использует нейросетевую модель wav2vec 2.0, дообученную на корпусе аудиозаписей русскоязычных дикторов, для автоматической идентификации произносительных ошибок, что помогает глубже понять процессы формирования иноязычного акцента. Установлено, что наиболее распространенной ошибкой среди китайских студентов является полное оглушение звонких согласных, особенно в начале слова. Эта ошибка проявляется независимо от уровня владения русским языком и является одной из самых заметных черт китайского акцента. Другой важной тенденцией стало неправомерное озвончение глухих согласных, чаще всего в начале слова. Такая ошибка характерна для студентов с более высоким уровнем владения языком и зависит от конкретного согласного и его позиции в слове. Реализация русских глухих согласных с придыханием также является типичным явлением для китайских студентов. Этот феномен связан с особенностями артикуляции придыхательных и непридыхательных согласных в китайском языке. Использование нейросетевых моделей позволило эффективно идентифицировать и классифицировать произносительные ошибки, предоставляя объективные данные о степени владения русским языком. Эти модели показали высокую чувствительность к ошибкам и могут использоваться для автоматизации оценки уровня владения языком. Полученные данные способствуют разработке эффективных методик обучения русскому языку как иностранному, учитывая специфику родной фонетической системы студентов.

Ключевые слова: устойчивые произносительные ошибки; русский язык; китайский язык; глухость/звонкость согласных; артикуляционные стратегии; нейросетевые модели; иноязычный акцент; методика обучения

Финансирование: Исследование выполнено в рамках проекта «Механизмы формирования китайско-русской фонетической интерференции (междисциплинарное нейролингвистическое, психофизиологическое исследование и моделирование)» (№ 24-Ш03-05).

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-05-6

Для цитирования: Кедрова Г.Е., Миронова Н.И., Чучупал В.Я. Типичные артикуляционные стратегии китайских студентов при освоении русского произношения и возможности нейросетевого анализа // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 5. С. 73–84.

TYPICAL ARTICULATORY STRATEGIES OF CHINESE STUDENTS IN LEARNING RUSSIAN PRONUNCIATION AND POSSIBILITIES OF NEURAL NETWORK ANALYSIS

Galina Ye. Kedrova, Natalia I. Mironova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; gekedrova@yandex.ru, mironnat@rambler.ru

Vladimir Ya. Chuchupal

Federal Research Center “Computer Science and Control” of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; v.chuchupal@frccsc.ru

Abstract: The article deals with the problem of typical stable pronunciation errors in Russian speech of Chinese speakers. The primary focus of this study is to analyse the causes of errors related to the phonetic characteristics of Russian voiced and voiceless consonants. The present study investigates the various articulatory strategies employed by Chinese learners. The experimental phase of the study employs the neural network model wav2vec 2.0, which is further trained on a corpus of audio recordings of Russian speakers, for the automatic identification of pronunciation errors. This assists in gaining a more profound understanding of the processes involved in the formation of foreign language accents. The investigation revealed that the most prevalent error among Chinese students was the complete devoicing of voiced consonants, particularly at the onset of a word. This error is discernible irrespective of the level of proficiency in Russian, and is considered one of the most salient characteristics of the Chinese accent. A further significant phenomenon is the misarticulation of voiceless consonants as the voiced ones, predominantly at the onset of a word. This error is indicative of students with a higher level of language proficiency and is dependent on the particular consonant and its position in the word. Realisation of the Russian voiceless consonants with aspiration is also a typical phenomenon for Chinese students. This phenomenon is related to the particular characteristics of unaspirated consonant articulation in Chinese. The implementa-

tion of neural network models facilitated the effective identification and classification of pronunciation errors, thereby providing objective data on the degree of proficiency in Russian. These models demonstrated a high degree of sensitivity to errors and have the potential to automate the assessment of language proficiency. The obtained data contribute to the development of effective methods of teaching Russian as a foreign language, taking into account the specificity of students' native phonetic systems.

Keywords: stable pronunciation errors; Russian language; Chinese language; voiced/voiceless consonant; articulation strategies; neural network models; foreign language accent; teaching methodology

Funding: This research is supported by the MSU Development Programme's Project 'Mechanisms of Chinese-Russian phonetic interference formation (interdisciplinary neurolinguistic, psychophysiological research and modelling)' (No. 24-III03-05).

For citation: Kedrova G.Ye., Mironova N.I., Chuchupal V.Ya. (2025) Typical Articulatory Strategies of Chinese Students in Learning Russian Pronunciation and Possibilities of Neural Network Analysis. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 73–84.

1. Введение

Актуальность изучения типичных устойчивых ошибок в русской речи инофонов никогда не вызывала сомнений у методистов и преподавателей-практиков. В последнее время она особенно обострилась в связи с требованиями ускорения процесса обучения русскому языку и повышения его эффективности. Так, опыт преподавателей, которые работают с иностранными студентами (бакалаврами и магистрантами), приезжающими на годовую стажировку в Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина с уровнем B1–B2, показывает, что «большинство студентов с трудом произносят русские слова, смешивая звуки, не умеют ритмически организовать произносимые словосочетания, не умеют читать тексты, абсолютно не понимают роли русской интонации в речи, искажают смысл высказывания, что нарушает процесс коммуникации и приводит к культурному шоку» [Шутова 2024: 94]. При ограниченном количестве времени, которое отводится по программе таких курсов для фонетических занятий, наибольшую трудность, как утверждают авторы, представляет «минимизация» акцента. Успех в этом направлении обеспечивается «тщательностью отбора учебного материала, организацией его в систему, которая обеспечивает эффективность усвоения, а также учетом родного языка учащихся» [Шутова 2024: 94]. Анализ иноязычного акцента с учетом взаимодействия двух контактирующих языковых систем с целью подбора

методов его корректировки признан одним из наиболее плодотворных, поскольку позволяет обнаружить артикуляционные стратегии говорящего — «динамику ошибочного действия» [Воронин 1967: 3], которые могут лежать в его основе. В этом плане наибольший интерес представляют «типичные устойчивые ошибки», которые «а) наблюдаются на протяжении всего периода обучения; б) свойственны всем представителям определенной национальной группы; в) очень заметны в речи и резко выдают иностранца» [Воронин 1967: 3].

Ошибки китайцев в произнесении русских глухих и звонких согласных полностью соответствуют критерию «типичных устойчивых ошибок», поскольку постоянно упоминаются в литературе как наиболее заметные и проблемные в обучении китайских учащихся правильному русскому произношению [Каверина 1998]; известно, что эти произносительные ошибки не удается скорректировать даже на продвинутом этапе обучения [Скобелкина 2020]. Однако набор артикуляционных стратегий китайскоговорящих, которые они выбирают для реализации параметра «глухость-звонкость» русских согласных, и особенно частотность тех или иных произносительных моделей, которые приводят к ошибкам произношения, изучены недостаточно [Чжан 2019], и вопрос об относительной частоте их использования остается открытым из-за недостаточного количества данных [Скобелкина 2021]. Существенным вкладом в изучение этого вопроса должно стать максимально подробное описание интерференционных явлений на всех уровнях фонетической организации высказывания в русской речи инофонов, представленное в форме речевой базы данных. Примером такого рода речевой БД является специализированная речевая база данных иноязычного акцента, разрабатываемая на филологическом факультете МГУ — Мультязыковая Многоаспектная Фонетическая База Данных Русского Языка (ММФБД РЯ) [Кедрова, Миронова, Потемкин 2024].

Для развития и пополнения базы новыми данными нами было проведено экспериментально-фонетическое исследование ошибок китайскоговорящих при произнесении русских глухих и звонких согласных на материале, полученном в ходе реализации проекта Программы развития МГУ «Механизмы формирования китайско-русской фонетической интерференции (междисциплинарное нейролингвистическое, психофизиологическое исследование и моделирование)» (№ 24-Ш03-05). Поскольку основную трудность при формировании речевых баз данных представляет необходимость обработки и специальной разметки (аннотирования) больших объемов звукового материала [Потапова, Потапов 2018], в рамках проекта была проведена разработка нейросетевых алгоритмов автома-

тической идентификации произносительных ошибок в русской речи инофонов, которые могут быть применены в том числе и для выявления наиболее устойчивых проявлений иноязычного акцента.

2. Материал и методы исследования

Для исследования произносительных ошибок носителей китайского языка при реализации русских глухих и звонких согласных использовались студийные аудиозаписи прочтения 13 дикторами, для которых китайский язык является родным, 1428 слов сбалансированного фонетического словаря ритмических структур (РС) русского языка, в котором представлены все типы позиционных изменений русских фонем, а также все виды наиболее частотных консонантных сочетаний [Златоустова, Вещикова, Омельянова 1993]. Дикторами выступили китайские студенты и аспиранты (6 женщин, 7 мужчин), обучающиеся на факультетах гуманитарного или естественнонаучного профиля в вузах Москвы. Возраст дикторов от 18 до 27 лет, сроки изучения русского языка от 1 года до 10 лет. Для исследования устойчивости акцента в настоящей работе из БД дикторов были отобраны 4 диктора с разным уровнем владения русским языком (срок изучения русского языка — от 2-х до 10-ти лет). Место рождения дикторов — северный и центральный районы Китая. Общая длительность проанализированных аудиозаписей — 10 часов 35 минут 22 сек. с паузами.

В ходе обработки аудиозаписей для автоматической первичной идентификации произносительных ошибок и ранжирования дикторов по уровню владения нормативным произношением использовалась русскоязычная версия многоязычной самообучающейся языковой модели wav2vec 2.0 [Baevski A. et al. 2020; Grosman 2021], дообученная на корпусе аудиозаписей идентичного лексического материала, полученного от 14 русских дикторов. Русскоязычными дикторами выступили студенты и аспиранты разных факультетов МГУ. Была проведена идентификация квазифонемного состава речевых фрагментов аудиозаписей китайских дикторов и их соотнесенность со словарем лексем, предъявленных дикторам для прочтения. Отмеченные нейросетью произносительные ошибки китайских дикторов верифицировались экспертами-фонетистами и преподавателями РКИ в ходе разметки соответствующей аудиозаписи в программе PRAAT (www.fon.hum.uva.nl/praat).

3. Результаты

Сравнение автоматических оценок и выявленных нейросетью произносительных ошибок продемонстрировало достаточно хорошую корреляцию с экспертными оценками, хотя нейросетевые ал-

горитмы оказались более чувствительны к ошибкам в произношении. Нейросетевое ранжирование дикторов, отобранных для исследования устойчивости акцента, нормированное по эталонному русскому диктору, показало, что доля правильно произнесенных экспериментальных стимулов составляет от 14 % (дикторы 1 и 2) до 60 % (дикторы 3 и 4).

Полное оглушение звонкого согласного традиционно относится к наиболее распространенным произносительным ошибкам, однако, по нашим данным, частотность этого типа акцента зависит от уровня владения русским языком. Так, достаточно высоко ранжированный диктор 4 показал меньшее число случаев ненормативного оглушения согласных по сравнению с остальными дикторами. На рис. 1 представлены спектры начальных взрывных согласных у диктора 4 в словах *дом*, *глаз* и *гость*. Сонограммы показывают полноценную звонкую смычку в слове *дом* и отсутствие работы голосовых связок у начальных согласных в словах *глаз* и *гость*, поэтому эти слова опознаются русскими аудиторами как *класс* и *кость*.

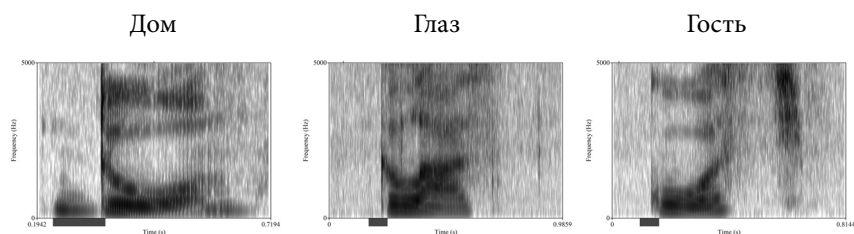

Рис. 1. Слова *дом*, *гость*, *глаз* в произнесении китайского диктора 4.

Пояснение к рисункам (здесь и далее). По оси ординат — частотные характеристики в Гц, по оси абсцисс — длительность в мс. Черной плашкой отмечен участок смычки и взрыва начального согласного звука.

Другая упоминаемая в работах по изучению китайского акцента артикуляционная стратегия — неправомерное озвончение глухого согласного — также отмечена в нашем материале в качестве частотной, однако эта произносительная ошибка встречается не у всех китайских дикторов (в отличие от оглушения звонких согласных), а только у высоко ранжированных нейросетью китайскоговорящих. Эта артикуляторная стратегия, по-видимому, является также контекстно и фонемно зависимой, так как используется дикторами преимущественно для реализации губного смычного согласного [п] в позиции начала слова. Слова *полка*, *пол*, *поздно*, *птица*, *пытаться* произносятся китайскими дикторами со звонким начальным

согласным, в качестве примера на рис. 2 показаны спектры начальных взрывных согласных в слове *пол* у дикторов 3 и 4.

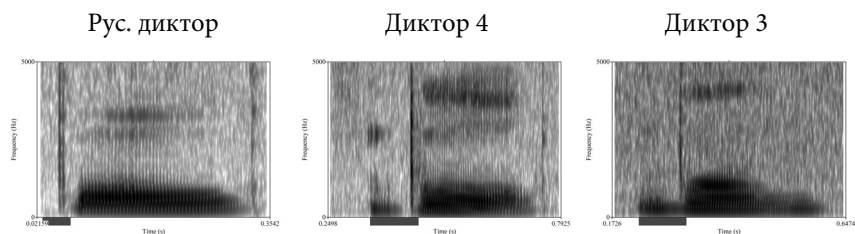

Рис. 2. Слово *пол* в произнесении русского и китайских дикторов

Реализация китайскими дикторами русского глухого согласного с придыханием отмечается в ряде работ как стандартная произносительная ошибка [Чжу 2019: 214], однако в нашем материале придыхание появлялось, в первую очередь, при оглушении заднеязычного [г], который произносится всеми китайскими дикторами как [кх] (рис. 3).

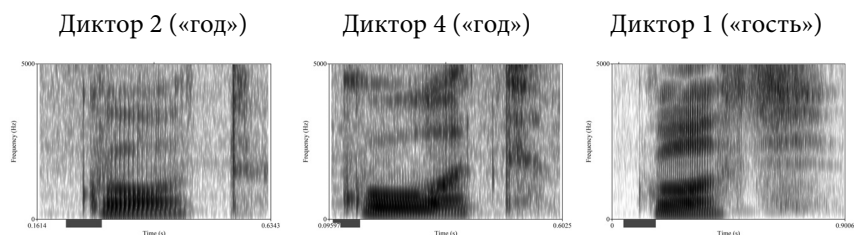

Рис. 3. Слова *год*, *гость* в произнесении китайских дикторов

Спектры начальных взрывных согласных, помеченных на сонограммах черной плашкой, демонстрируют наличие после размыкания смычки достаточно длительного шумного сегмента, который создает эффект придыхания, зафиксированный в качестве такового экспертами-фонетистами и при слуховом анализе.

4. Обсуждение результатов

Полученные нами результаты подтвердили использование носителями китайского языка разных артикуляционных стратегий при производстве русских глухих и звонких согласных звуков, а также выявили зависимость выбора той или иной стратегии от ряда лингвистических факторов. Если полное оглушение русских звонких согласных может считаться наиболее универсальной артикуляционной стратегией, поскольку в нашем материале встречается у всех

дикторов и не сильно зависит от качества согласного и от его позиции в слове, то озвончение глухого согласного оказалось зависимым как от рейтинга диктора, так и от качества согласного звука и его позиции в слове. Рассмотрим более подробно возможные причины звуковых замен, которые формируют акцентное произношение.

Производство русского звонкого согласного повсеместно отмечается китайскими учащимися как одно из наиболее трудных произносительных умений [Ду 2015], при этом особую сложность для китайскоговорящих представляет позиция абсолютного начала слова перед гласными [Чжу 2019]. Хотя в наших материалах зафиксированы случаи озвончения разных начальных согласных (*том* > *дом*, *тело* > *дело*, *капля* > **ганля*), наиболее частотной ошибкой является озвончение русского глухого согласного [п], что, как нам представляется, может быть связано со статусом непридыхательных губно-губных смычных согласных в фонетической системе китайского языка [Раднаева 2024]. Поскольку русский губно-губной звук [п] имеет самый короткий среди взрывных согласных участок взрыва, так как «его идентификация прежде всего основана на установлении факта глухой смычки и на отображении характерных для класса губных согласных коартикуляционных явлений в окружающих гласных» [Деркач 1983: 91], китайцы могут ассоциировать его с китайским непридыхательным губно-губным звуком [b], при произнесении которого голосовые связки начинают слабо вибрировать только в момент взрыва. Это предположение подкрепляется часто встречающимися в китайской методической литературе рекомендациями по произнесению русского согласного [п] как звука, «похожего на китайский звук [b]» [Чжу 2017: 58]. Можно также предположить, что в данном случае играет роль привычный для образованных китайцев прием фонетической гиперкоррекции [Чжу 2019], что наблюдается в перцептивных экспериментах по различению китайскими учащимися глухих и звонких русских согласных, в которых согласный [п] оценивается как звонкий [б] в более чем 20 % случаев [Скобелкина, Ван 2020].

Реализация китайскими дикторами русских звонких смычных согласных как придыхательных глухих, по нашим данным, также оказалась зависима от качества согласного звука, поскольку отсутствие придыхания может быть у всех смычных согласных, кроме глухого заднеязычного смычного [к], который произносится китайскими дикторами как придыхательный согласный. Показательно, что оглушение русского звонкого согласного [г] и его реализация как [к^x] также не зависит от рейтинга диктора. Нам представляется, что в данном случае китайские учащиеся имеют достаточно оснований для ассоциации русского звука [к] с китайским придыхательным [к^h],

поскольку в русском языке «глухой взрыв твердого [к], в отличие от [п] и [т], отчетливо аффрикатизирован, его узкополосность обусловлена в значительной мере аспиративным характером образуемого шума» [Деркач 1983: 88]. В данном случае можно предположить, что этот тип акцента обусловлен заменой чужого звука родным.

5. Заключение

Проведенное исследование показало, что основными источниками акцента при реализации глухости-звонкости русских согласных звуков в русской речи носителей китайского языка выступает несколько типов произносительных стратегий, при анализе которых полезно учитывать как разную артикуляционную природу ошибок произношения, так и разную степень «устойчивости» к обучению ошибочных артикуляционных моделей. Результаты исследования демонстрируют продуктивность исследования иноязычного акцента на базе сопоставления систем родного и изучаемого языков, поскольку в этом случае «возникает возможность прогноза характеристик иностранного акцента в русской речи» [Бархударова 2015: 140]. Разработанные и апробированные в ходе реализации проекта исследовательские методики, в том числе усовершенствованная нейросетевая модель, показали свою эффективность при обработке больших массивов звучащего материала с целью автоматического обнаружения произносительных ошибок, верификации ошибочных артикуляционных стратегий и установления их корреляции с уровнем владения русским языком. Использование аналогичных нейросетевых алгоритмов позволит в дальнейшем эффективно идентифицировать и классифицировать произносительные ошибки в русской речи инофонов и их корреляцию с уровнем владения языком на основе объективных данных. Результаты, полученные в ходе проведенного анализа вариантов произносительных стратегий, используемых китайскими дикторами при реализации русских согласных, предоставляют новую информацию для разработки наиболее эффективных методов исправления остаточного акцента в русской речи инофонов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бархударова Е.Л. Основы сопоставления фонетических систем изучаемого и родного языков в контексте обучения произношению // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2015. № 3. С. 139–154.
2. Воронин Б.Ф. Типичная устойчивая ошибка в речи иностранца и методика обучения русскому языку. М., 1967.
3. Деркач М.Ф., Гумецкий Р.Я., Гура Б.М., Чабан М.Е. Динамические спектры речевых сигналов. Львов, 1983.

4. Ду Ю. Проблема преподавания русского произношения в китайской аудитории (анализ результатов исследования формата «опрос») // Университетский научный журнал. 2015. № 16. С. 195–202.
5. Златоустова Л.В., Вещикова И.А., Омельянова Е.Б. Компьютерный словарь частотных слов и ритмических структур русской речи // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1993. № 9(5). С. 16–24.
6. Каверина В.В. Обучение русскому произношению лиц, говорящих на китайском языке (на основе сопоставительного анализа китайской и русской фонетических систем) // Язык, сознание, коммуникация: сборник научных статей, посвященный памяти заслуженного профессора МГУ имени М.В. Ломоносова Галины Ивановны Рожковой. Выпуск 6. М., 1998. С. 78–92.
7. Кедрова Г.Е., Миронова Н.И., Потемкин С.Б. Специализированная речевая база данных как исследовательский и методический ресурс для изучения просодической межъязыковой интерференции // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. СПб., 2024. С. 641–646.
8. Потапова Р.К., Потапов В.В. Речевые базы данных как часть мультимодальных корпусов в Интернете // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Т. 6, № 797. С. 99–116.
9. Раднаева Л.Д., Сунь Б. Модификация фонем в русской речи китайцев. Теоретические и прикладные аспекты. СПб., 2024.
10. Скобелкина Н.М., Ван Н. Трудности формирования слухопроизносительных навыков у китайских студентов при обучении русскому языку // Педагогический ИМИДЖ. 2020. Т. 15. № 1 (50). С. 16–25.
11. Скобелкина Н.М. Лингвометодический аспект преодоления фонетических трудностей китайских студентов при обучении русскому языку // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 4. С. 206–210.
12. Чжан С., Сергеева Н.Н. Типичные ошибки в подготовленной устной речи китайских студентов при изучении русского языка // Педагогическое образование в России. 2019. № 6. С. 120–124.
13. Чжу Ю. Фонетический акцент в русской речи носителей китайского диалектного языка и проблемы его устранения // Педагогический журнал. 2019. Т. 9. № 5А. Ч. I. С. 36–44.
14. Чжу Ю. Сопоставление состава согласных звуковых единиц в русском и китайском языках в контексте обучения китайцев русскому произношению // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 2-1(68). С. 210–215.
15. Шутова М.Н., Хромов С.С. Фонетический аспект в практическом курсе русского языка для иностранных студентов в период стажировки в Государственном институте русского языка им. А.С. Пушкина // Тезисы докладов IX Международной научной конференции «Фонетика сегодня». 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://ruslang.ru/sites/default/files/2024-12/phon_tezisy_final.pdf (дата обращения: 12.04.2025).
16. Baevski A. et al. wav2vec 2.0: A framework for self-supervised learning of speech representations // Advances in neural information processing systems. 2020. Vol. 33. P. 12449–12460.
17. Grosman, J. Fine-tuned {XLSR}-53 large model for speech recognition in Russian, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://huggingface.co/jonatasgrosman/wav2vec2-large-xlsr-53-russian> (дата обращения: 12.04.2025).

REFERENCES

1. Barkhudarova E.L. Osnovy sopostavleniya foneticheskikh system izuchajemogo i rod-nogo yazykov v kontekste obucheniya proiznosheniju [The basics of comparing phonetic systems of the studied and native languages in the context of pronunciation training] // Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 2015, no. 3, pp. 139–154. (In Russ.)
2. Voronin B.F. Tipichnaia ustojchivaia oshibka v rechi inostranca i metodika obuche-nia russkomu yazyku [A typical persistent error in the speech of a foreigner and the methodology of teaching the Russian language]. Moscow, 1967. 7 p. (In Russ.)
3. Derkach M.F., Gumetsky R.Ya., Gura B.M., Chaban M.E. Dinamicheskie spektry rechevykh signalov [Dynamic spectra of speech signals]. Lviv, 1983. 167 p. (In Russ.)
4. Du Ju. Problema prepodavaniya russkogo proiznosheniya v kitajskoi auditorii (analiz rezultatov issledovaniya formata “opros”) [Revisiting the Problem of Teaching Russian Pronunciation to the Chinese Students (analysis of the survey results)] // Humanities & Science University Journal, 2015, no. 16, pp. 195–202. (In Russ.)
5. Zlatoustova L.V. Veshchikova I.A., Omeljanova E.B. Kompjuternyi slovar chastotnykh slov i ritmicheskikh struktur russkoi rechi [Computer dictionary of frequency words and rhythmic structures of Russian speech] // Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology, 1993, no. 9(5), pp. 16–24. (In Russ.)
6. Kaverina V.V. Obuchenie russkomu proiznosheniju lic, govorashchikh na kitajskom jazyke (na osnove sopostavitelnogo analiza kitajskoi i russkoi foneticheskikh system) [Russian pronunciation training for Chinese speakers (based on a comparative analysis of Chinese and Russian phonetic systems)] // Language, consciousness, communication: a collection of scientific articles dedicated to the memory of Galina Ivanovna Rozhkova, Honored Professor of Lomonosov Moscow State University, vol. 6, 1998, pp. 78–92. (In Russ.)
7. Kedrova G.E., Mironova N.I., Potemkin S.B. Specializirovannaja rechevaia baza dannyx kak issledovatel'skij i metodicheskij resurs dlia izucheniya prosodicheskoi mezhjazykovoi interferencii [Specialized speech database as a research and method-ological resource for studying prosodic interlanguage interference] // Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia. St. Petersburg, ROPRYAL, 2024, pp. 641–646. (In Russ.)
8. Potapova R.K., Potapov V.V. Rechevyje bazy dannikh kak chast multimodalnykh korpusov v Internetе [Spoken Language Databases as a Part of Multimodal Corps on the Internet] // Vestnik of Moscow State Linguistic University, Humanitarian Sciences, 2018, vol. 6, no. 797, pp. 99–116. (In Russ.)
9. Radnaeva L.D., Sun B. Modifikacija fonem v russkoi rechi kitajtsev. Teoreticheskie i prikladnye aspekty [Modification of phonemes in the Russian speech of the Chinese. Theoretical and applied aspects]. St. Petersburg, 2024. 178 p. (In Russ.)
10. Skobelkina N.M., Wang N. Trudnosti formirovaniya sluhoproiznositelnykh navykov u kitajskikh studentov pri obuchenii russkomu jazyku [Difficulties in Building the Auditory and Pronunciation Skills in Chinese Students while Teaching Russian] // Pedagogical IMAGE, 2020, vol. 15, no. 1 (50), pp. 16–25. (In Russ.)
11. Skobelkina N.M. Linguometodicheskij aspekt preodoleniya foneticheskikh trudnostei kitajskikh studentov pri obuchenii russkomu jazyku [Linguo-Methodological Ap-proach to Problem of Overcoming Phonetic Difficulties that the Chinese Students Face when Studying the Russian Language] // Philology. Theory & Practice, 2020, vol. 13, no. 4, pp. 206–210. (In Russ.)
12. Zhang X., Sergeeva N.N. Tipichnye oshibki v podgotovlennoi ustnoi rechi kitajskikh studentov pri izuchenii russkogo yazyka [Typical mistakes in oral speech prepared Chinese students to study Russian language] // Pedagogical education in Russia, 2019, no. 6, pp. 120–124. (In Russ.)

13. Zhu Yu. Fonetichesky akcent v russkoi rechi nositelei kitajskogo dialektного jazyka i problemy jeho ustraneniya [Phonetic accent in Russian speech of Chinese dialect speakers and problems of its elimination] // Pedagogical Journal, 2019, vol. 9, no. 5A, part 1, pp. 36–44. (In Russ.)
14. Zhu Yu. Sopotavlenie sostava soglasnykh zvukovykh jedinits v russkom i kitajskom jazykah v kontekste obucheniya kitajcev russkomu proiznosheniju [Comparison of the composition of consonant sound units in the Russian and Chinese languages in the context of teaching the Chinese to Russian pronunciation] // Philology. Theory & Practice, 2017, no. 2-1 (68), pp. 210–215. (In Russ.)
15. Shutova M.N., Khromov S.S. Fonetichesky aspekt v prakticheskom kurse russkogo jazyka dla inostrannykh studentov v period stazhirovki v Gosudarstvennom institute russkogo jazyka imeni A. S. Pushkina [Phonetic aspect in a practical Russian language course for international students during their internship at the Pushkin State Russian Language Institute] // Book of abstracts of the IX International Scientific Conference “Phonetics Today”, December, 5–7, 2024. URL: https://ruslang.ru/sites/default/files/2024-12/phon_tezisy_final.pdf, (accessed: 12.04.2025). (In Russ.)
16. Baevski A. et al. wav2vec 2.0: A framework for self-supervised learning of speech representations // Advances in neural information processing systems, 2020, vol. 33, pp. 12449–12460.
17. Grosman J. Fine-tuned {XLSR}-53 large model for speech recognition in Russian, 2021. URL: <https://huggingface.co/jonatasgrosman/wav2vec2-large-xlsr-53-russian>, (accessed: 12.04.2025).

Поступила в редакцию 03.05.2025

Принята к публикации 11.07.2025

Отредактирована 12.09.2025

Received 03.05.2025

Accepted 11.07.2025

Revised 12.09.2025

ОБ АВТОРАХ

Галина Евгеньевна Кедрова — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; kedr@philol.msu.ru

Наталья Изяславовна Миронова — доктор филологических наук, и. о. зав. Лабораторией фонетики и речевой коммуникации филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; miroonnat@rambler.ru

Владимир Яковлевич Чучупал — кандидат физико-математических наук, ведущий научный сотрудник ФИЦ «Информатика и управление» РАН; v.chuchupal@frccsc.ru

ABOUT THE AUTHORS

Galina E. Kedrova — PhD, Associate Professor, Department of Russian Language, Director of the Educational and Scientific Laboratory of Personal Computers, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; kedr@philol.msu.ru

Nataliya I. Mironova — Prof. Dr., Acting Head of the Laboratory of Phonetics and Speech Communication, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; miroonnat@rambler.ru

Vladimir Ya. Chuchupal — PhD in Physics and Mathematics, Leading Researcher, Federal Research Center “Computer Science and Control” of Russian Academy of Sciences; v.chuchupal@frccsc.ru

СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ ЧЕШСКОМ ПИСЬМЕННОМ ДИСКУРСЕ

А.И. Изотов, Д.А. Морозов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; a.i.izotov@mail.ru; mda1998@yandex.by*

Аннотация: В статье представлен опыт корпусного анализа форм положительной, сравнительной и превосходной степени прилагательных в современном чешском письменном дискурсе. В качестве источника фактического материала был использован корпус Synek, представляющий собой десятикратно пропорционально редуцированный корпус SYN2000 (120 908 724 токена), составленный на основе социологических данных о чтении художественной и специальной литературы, а также периодики гражданами Чешской республики на рубеже тысячелетий и потому адекватно отражающий, по мысли его составителей, современный чешский письменный дискурс. Анализ материала показал, что в современном чешском дискурсе, в отличие от дискурса русского, в абсолютном большинстве случаев используется синтетические, а не аналитические формы сравнительной и превосходной степени прилагательных типа *populárnější* ‘более популярный’ и *nejpopulárnější* ‘самый популярный’, хотя чешские аналитические компаративы и суперлативы, вопреки утверждениям авторов авторитетных чешских грамматик, в ряде случаев также возможны. Описываются алгоритмы построения таблицы употребительности соотносительных форм позитива, компаратива и суперлатива в современном чешском письменном дискурсе и приводится начало данной таблицы.

Ключевые слова: корпусные исследования; чешский национальный корпус; чешский язык; чешский письменный дискурс; положительная степень прилагательного; сравнительная степень прилагательного; превосходная степень прилагательного

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-05-7

Для цитирования: Изотов А.И., Морозов Д.А. Степени сравнения прилагательных в современном чешском письменном дискурсе // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 5. С. 85–95.

DEGREES OF COMPARISON OF ADJECTIVES IN CONTEMPORARY CZECH WRITTEN DISCOURSE

Andrey I. Izotov; Daniel A. Morozov

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; a.i.izotov@mail.ru;
mda1998@yandex.by*

Absrtract: The article presents the experience of corpus analysis of positive, comparative and superlative adjective forms in modern Czech written discourse. As a source of factual material, the Synek corpus was used, which is a tenfold proportionally reduced SYN2000 corpus (120 908 724 tokens), intended by its compilers as adequately reflecting modern Czech written discourse. Based on the material of the Synek corpus, it is shown that in modern Czech discourse, in contrast to Russian discourse, in the vast majority of cases simple superlative and compatarive forms are used. Algorithms for constructing a table of the use of corresponding positive, comparative and superlative adjective forms in modern Czech written discourse are described according to the Synek corpus. The beginning of this table is presented (the first 100 lines, i.e. one tenth on the table).

Keywords: corpora studies; Czech National Corpus; contemporary Czech; Czech written discourse; positive adjective form; comparative adjective form; superlative adjective form

For citation: Izotov A.I., Morozov D.A. (2025) Degrees of Comparison of Adjectives in Contemporary Czech Written Discourse. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 85–95.

1. На последующих страницах представлен опыт корпусного анализа форм положительной, сравнительной и превосходной степени сравнения прилагательных¹ в современном чешском письменном дискурсе. В качестве источника фактического материала нами был взят корпус Synek², представляющий собой десятикратно пропорционально редуцированный корпус SYN2000 (120 908 724 токенов), отличающийся от других входящих в состав Чешского национального корпуса частных корпусов прежде всего принципами отбора входящих в его состав текстов. Составители Чешского национального корпуса исходили из того, что письменный текст не только отражает (с той или иной степенью адекватности) современную автору данного текста языковую ситуацию, но и формирует данную ситуацию, звуча в сознании читателя всякий раз, когда он

¹ В чешской терминологии применительно и к русскому, и к чешскому материалу «позитив» — «компаратив» — «суперлатив» соответственно, см.: Русская грамматика / V. Barnetová, H. Běličová-Křížková, O. Leška, Z. Zkoumalová, V. Straková. Díl 1. Praha: Academia, 1979.

² Составители Чешского национального корпуса в данном случае явно обыгрывают лексическое значение слова synek 'сын, сынишка'.

читается, и тем самым влияя на идиолект этого читателя (а через совокупность идиолектов читателей — и на этнический язык в целом). Поэтому для отбора текстов для ставшего доступным лингвистической общественности к рубежу тысячелетий корпуса SYN2000 они опирались на данные социологических исследований о читательских предпочтениях своих современников, что обусловило как наличие, так и степень представленности в SYN2000 тех или иных текстов. В результате основную часть языкового материала SYN2000 образуют публицистические тексты (60 %), на втором месте оказались специальные тексты — справочники, энциклопедии и т. д. (25 %), и лишь на третьем — беллетристика (15 %) ³. При составлении корпуса Synek на основе корпуса SYN2000 были использованы те же принципы пропорциональной представленности текстов, что и в «материнском» корпусе, так что Synek также может рассматриваться как адекватно отражающий чешский письменный дискурс рубежа тысячелетий. При этом корпус Synek достаточно велик (запрос на прилагательные [tag="AA.*"] дал 1 126 666 контекстов употребления 33 850 лексем), чтобы адекватно представить, хотя бы в первом приближении, функционирование данных единиц в современном чешском письменном дискурсе.

2. В отличие от русского языка, продуктивно образующего форму превосходной степени тремя способами, а именно посредством двух аналитических форм «*наиболее* + положительная степень» и «*самый* + положительная степень» ⁴ и простой (синтетической) формы превосходной степени, образованной с помощью суффикса <=ejš=> // <=ajš=>, после которого следуют флексии положительной степени ⁵, в современном чешском языке «степени сравнения прилагательных представлены системой простых форм», а «превосходная степень образуется посредством присоединения приставки *nej-* к форме сравнительной степени [которая, в свою очередь, образуется посредством суффиксов <=ejš=> // <=ajš=> и <=š=>]: *nejnovější*» ⁶. Отметим также, что чешские синтетические формы сравни-

³ В других охватываемых проектом «Чешский национальный корпус» электронных корпусах, в том числе в серии корпусов современных письменных чешских текстов SYN, соотношение стилей иное. Подробнее см. сайт Чешского национального корпуса на korpus.cz/

⁴ «В разговорной речи *самый* сочетается с простой формой превосходной степени *самый младший, самый старейший, самый наиважнейший*», см.: Русская грамматика / V. Barnetová, H. Běličová-Křížková, O. Leška, Z. Zkoumalová, V. Straková. Díl 1. Praha: Academia, 1979. С. 346–347.

⁵ «Формы с суффиксом <=ejš=> // <=ajš=> отчасти допускают присоединение приставки *най-*: *наипростейший, наипольнейший*. В качестве простой формы превосходной степени в единичных случаях выступают формы с суффиксом <=š=>: *старший*», см. Там же. С. 347.

⁶ Там же. С. 349–350.

тельной степени прилагательного, в отличие от русского языка, отнюдь не совпадают с формами наречий, ср. формы прилагательного *veselý* ‘весёлый’ — *veselejší* ‘более весёлый, веселее’ — *nejveselejší* ‘самый весёлый’, формы наречия *vesele* ‘весело’ — *veseleji* ‘более весело, веселее’ — *nejveseleji* ‘максимально весело’.

Для случаев, когда «по формально-техническим причинам [чешское] прилагательное не образует простых форм сравнительной/превосходной степени», авторы пражской «Русской грамматики» отмечают возможность образования «описательных сочетаний *více/nejvíce* (или же *silněji/nejsilněji*) + положительная степень: *více/nejvíce překvapující*»⁷.

О малой употребительности подобных аналитических компаративов говорит тот факт, что, в то время как запрос [tag=“АА.....2.*”] дает 27 207 контекстов употребления простых компаративов, запрос на сочетание «*více* + положительная степень» дает 306 контекстов, из которых лишь в 126 случаях можно говорить об аналитическом компаративе⁸, тогда как в 180 случаях квантификатор *více* относился отнюдь не к прилагательному⁹.

Похожая ситуация и с аналитическими суперлативами: в то время как запрос [tag=“АА.....3.*”] дает 23 189 контекстов употребления простых компаративов, с помощью запроса на сочетание «*nejvíce* + положительная степень» мы получаем 162 контекста, из которых лишь в 105 случаях можно говорить об аналитическом компаративе¹⁰, в 57 же контекстах квантификатор *nejvíce* относился не к прилагательному¹¹.

3. При этом в ряде случаев можно говорить о конкуренции аналитических и простых (синтетических) форм суперлатива. Речь идет о таких формах, как *nejvíce postižený* — *nejpostiženější*, *nejvíce ohrožený* — *nejohroženější*, *nejvíce používaný* — *nejpoužívanější*, *nejvíce diskutovaný* — *nejdiskutovanější*, *nejvíce žádaný* — *nejžádanější*, *nejvíce kritický* — *nejkritičtější*, *nejvíce obchodovaný* — *nejobchodovanější*, *nejvíce otevřený* — *nejotevřenější*, *nejvíce poškozený* — *nejpoškozenější*, *nejvíce problematický* — *nejproblematichtější*, *nejvíce viditelný* —

⁷ Там же. С. 350.

⁸ Например, *Vždy přišel někdo ještě <více studovaný> nežli my a sebral, co jsme měli*. ‘Всегда появлялся кто-то еще более ученый, чем мы, и забирал всё, что у нас было’.

⁹ Например, *Teoreticky máme sice <více volného> času, ale nevyužíváme jej, protože nám chybí schopnost se uvolnit*. ‘Хотя теоретически у нас свободного времени больше, мы не используем его, так как не умеем расслабиться’.

¹⁰ Например, *<Nejvíce diskutované> jsou dva body vládního návrhu*. ‘Самыми обсуждаемыми являются два пункта предложения правительства’.

¹¹ Например, *V těchto profesích je však také <nejvíce nabízených> volných míst*. ‘Однако по этим профессиям также и больше всего предлагаемых вакансий’.

nejviditelnější, nejvíce využívány — nejvyužívanější, nejvíce bídny — nejbídnější, nejvíce citlivý — nejcitlivější, nejvíce destruktivní — nejdestruktivnější, nejvíce dostupný — nejdostupnější, nejvíce důvěryhodný — nejdůvěryhodnější, nejvíce milovaný — nejmilovanější, nejvíce navštěvovaný — nejnavštěvovanější, nejvíce nebezpečný — nejnebezpečnější, nejvíce nenáviděný — nejnenáviděnější, nejvíce neutrální — nejneutrálnější, nejvíce obletovaný — nejobletovanější, nejvíce oblíbený — nejoblíbenější, nejvíce oceňovaný — nejoceňovanější, nejvíce očekávaný — nejočekávanější, nejvíce odpovědný — nejodpovědnější, nejvíce patrný — nejpatrnější, nejvíce populární — nejpopulárnější, nejvíce potřebný — nejpotřebnější, nejvíce preferovaný — nejpreferovanější, nejvíce prodáváný — nejprodávanější, nejvíce pyšný — nejpyšnější, nejvíce rozšířený — nejrozšířenější, nejvíce skloňovaný — nejskloňovanější, nejvíce trestaný — nejrestanější, nejvíce uctíváný — nejuctívanější, nejvíce vytrvalý — nejvytrvalejší, nejvíce zanedbaný — nejzanedbanější, nejvíce ziskový — nejziskovější, nejvíce zkompromitovaný — nejzkompromitovanější, статистику см. в [Изотов, Морозов 2025].

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и в случае с такими соотносительными аналитическими и синтетическими формами компаратива, как více živý — živější, více vyhledávaný — vyhledávanější, více duchovní — duchovnější, více přiměřený — přiměřenější, více jasný — jasnější, více nepostradatelný — nepostradatelnější, více luxusní — luxusnější, více racionální — racionálnější, více závislý — závislejší, více aktuální — aktuálnější, více důrazný — důraznější, více rafinovaný — rafinovanější, více rovný — rovnější, více vinný — vinnější, více citlivý — citlivější, více rozšířený — rozšířenější, více patrný — patrnější, více pohodlný — pohodlnější, více složitý — složitější, více otevřený — otevřenější, více komplexní — komplexnější, více efektivní — efektivnější, více aktivní — aktivnější, více jistý — jistější, více přitažlivý — přitažlivější, více přízpůsobivý — přízpůsobivější, více pravděpodobný — pravděpodobnější, více bohatý — bohatší, více povedený — povedenější, více sebevědomý — sebevědomější, více důvěryhodný — důvěryhodnější, více zřejmý — zřejmější, více katolický — katoličtější, více postižený — postiženější, více vzdálený — vzdálenější, více roztržštěný — roztržštěnější, více tragický — tragičtější, více propracovaný — propracovanější, více náchylný — náchylnější, více spokojený — spokojenější, více energický — energičtější, více zranitelný — zranitelnější, více vyrovnaný — vyrovnanější, více tlumený — tlumenější, více dominantní — dominantnější, více realistický — realističtější, více nervózní — nervóznější, více vyhledávaný — vyhledávanější, více vyvinutý — vyvinutější, více sympatický — sympatičtější, více opatrný — opatrnější, více harmonický — harmoničtější.

Как мы видим, вопреки приведенному выше мнению весьма нами уважаемых авторов пражской «Русской грамматики», аналитические компаративные и суперлативные конструкции в чешском языке могут образовываться и в тех случаях, когда вполне допустимо образование простых (синтетических) форм сравнительной и превосходной степени, хотя чешский язык этой возможностью не злоупотребляет.

4. В академической грамматике чешского языка конца прошлого века в томе «Морфология» суперлативу (чешский термин *superlativ*) посвящен один абзац, в котором отмечается, что данные формы прилагательного противопоставлены формам компаратива (чешский термин *komparativ*) и позитива (чешский термин *pozitiv*) как выражающие максимальную степень обозначаемого данным прилагательным качественного признака в контекстах с этими формами компаратива и позитива типа *Jan je vysoký, Jiří vyšší a Zdeněk nejvyšší* 'Ян высокий, Иржи выше, а Зденек самый высокий', а также в контекстах без данных форм типа *nejkrásnější léta mého života* 'лучшие годы моей жизни', *nejvyšší hora světa* 'высочайшая гора мира', *nejupřímnější slova díky* 'самые искренние слова благодарности', *nejvýznamnější objev* 'величайшее открытие'¹².

5. В современной «Большой академической грамматике литературного чешского языка» суперлативу и компаративу уделено существенно больше внимания. В частности, отмечается ограниченность образования форм компаратива и суперлатива качественными прилагательными, а встречающиеся в текстах примеры образования подобных форм от прилагательных относительных рассматриваются как случаи (окказионального?) перехода относительного прилагательного в прилагательное качественное, ср. *písek stříbrnější a květy mimóz zlatější* 'песок **более серебряный** и цветы мимоз **более золотые**'¹³. Авторы грамматики отмечают и то, что основа сравнения компаратива ('качество более интенсивное *по сравнению с кем/чем*') и суперлатива ('качество максимально интенсивное *среди кого/чего*') определяется ad hoc в зависимости от контекста, что делает не только возможными, но и вполне нормально звучащими (в том числе и по-русски, в отличие от примеров типа *písek stříbrnější* 'песок более серебряный') примеры типа *Pan Tomášek byl čtyřikrát starší, než jeho nejstarší dcera*. 'Господин Томашек был в четыре раза **старше** своей

¹² См.: Mluvnice češtiny / M. Komárek, J. Kořenský, J. Petr, J. Veselková et al. Díl 2. Tvarosloví. Praha: Academia, 1986. S. 80.

¹³ См.: Velká akademická gramatika spisovné češtiny. I., Morfologie. Druhy slov, tvoření slov / Fr. Štícha a kol. Praha: Academia, 2018. S. 54.

самой старшей дочери¹⁴. В приведенном примере максимальность выражаемого суперлативом *nejstarší* качества ограничена небольшой группой носителей этого качества (дочери господина Томашека), а потому некто за пределами данной группы (в том числе и сам господин Томашек), может обладать тем же качеством большей интенсивности, чем у любого члена упомянутой группы.

6. Основываясь на таблице употребительности простых (синтетических) суперлативов в современном чешском письменном дискурсе¹⁵, мы построили сводную таблицу употребительности форм положительной, сравнительной и превосходной степени чешских прилагательных, первые 100 строк которой (около десятой части всей таблицы) приводятся далее.

Таблица 1. Употребительность форм сравнения прилагательных в современном чешском письменном дискурсе по данным корпуса Synek (первые 100 лексем)

1.	větší	3333	největší	3764	velký	большой	10555
2.	lepší	2210	nejlepší	3069	dobrý	хороший	5813
3.	vyšší	2153	nejvyšší	1942	vysoký	высокий	3106
4.	starší	1572	nejstarší	488	starý	старый	3983
5.	menší	1432	nejmenší	529	malý	маленький	5983
6.	nižší	1065	nejnižší	347	nízký	низкий	902
7.	mladší	913	nejmladší	305	mladý	молодой	3644
8.	delší	872	nejdelší	111	dlouhý	длинный	2940
9.	špatný	684	nejhorší	566	špatný	плохой	1621
10.	širší	452	nejširší	81	široký	широкий	1023
11.	silnější	343	nejsilnější	348	silný	сильный	1856
12.	blížejší	302	nejblížejší	865	blízky	близкий	921
13.	důležitější	272	nejdůležitější	675	důležitý	важный	2453
14.	složitější	255	nejsložitější	30	složitý	сложный	669
15.	levnější	243	nejlevnější	97	levný	дешевый	278
16.	dražší	241	nejdražší	169	drahý	дорогой	769
17.	slabší	230	nejslabší	74	slabý	слабый	615
18.	kratší	222	nejkratší	74	krátký	короткий	1381
19.	těžší	215	nejtěžší	182	těžký	тяжелый	1834

¹⁴ См.: Velká akademická gramatika spisovné češtiny. II., Morfologické kategorie, flexe / Fr. Štícha a kol. Praha: Academia, 2021. S. 854.

¹⁵ Алгоритмы построения и первые 250 строк таблицы употребительности синтетических (простых) суперлативов в современном чешском письменном дискурсе см. [Изотов, Морозов 2025].

20.	rychlejší	212	nejrychlejší	159	rychlý	быстрый	1005
21.	hlubší	205	nejhlubší	93	hluboký	глубокий	816
22.	jednodušší	170	nejjednodušší	110	jednoduchý	простой	1148
23.	snazší / snadnější	155	nejsnadnější	25	snadný	легкий	548
24.	tvrdší	148	nejtvrdší	45	tvrdý	жесткий	1024
25.	výraznější	147	nejvýraznější	90	výrazný	выразитель- ный	849
26.	výhodnější	145	nejvýhodnější	36	výhodný	выгодный	489
27.	zajímavější	136	nejzajímavější	146	zajímavý	интересный	1687
28.	vážnější	123	nejvážnější	74	vážný	серьезный	958
29.	užší	121	nejužší	32	úzký	узкий	513
30.	náročnější	120	nejnáročnější	49	náročný	трудоемкий, сложный, требова- тельный	787
31.	lehčí	118	nejlehčí	19	lehký	легкий	773
32.	bezpečnější	22	nejbezpečnější	61	bezpečný	безопасный	277
33.	podrobnější	89	nejpodrobnější	9	podrobný	подробный	194
34.	významnější	82	nejvýznamnější	318	významný	значительный	1545
35.	krásnější	77	nejkrásnější	390	krásný	красивый	2316
36.	úspěšnější	77	nejúspěšnější	276	úspěšný	успешный	1383
37.	hezčí	77	nejhezčí	92	hezký	хорошенький	730
38.	přísnější	77	nejpřísnější	37	přísný	строгий	417
39.	vhodnější	76	nejvhodnější	142	vhodný	подходящий	1391
40.	závažnější	75	nejzávažnější	43	závažný	значительный	342
41.	obtížnější	73	nejobtížnější	32	obtížný	трудный	544
42.	chudší	70	nejchudší	43	chudý	бедный	397
43.	příznivější	69	nejpříznivější	25	příznivý	благоприят- ный	636
44.	obecnější	68	nejobecnější	14	obecný	общий	736
45.	častější	66	nejčastější	153	častý	частый	357
46.	přesnější	65	nejpřesnější	15	přesný	точный	689
47.	novější	63	nejnovější	381	nový	новый	14948
48.	účinnější	63	nejúčinnější	49	účinný	действенный	448
49.	vzdálenější	63	nejvzdálenější	24	vzdálený	дальний	449
50.	kvalitnější	61	nejkvalitnější	45	kvalitní	качественный	841
51.	příjemnější	61	nejpříjemnější	29	příjemný	приятный	1450

52.	jasnější	60	nejjasnější	16	jasný	ясный	2059
53.	podstatnější	54	nejpodstatnější	34	podstatný	существенный	749
54.	rozsáhlejší	53	nejrozsáhlejší	38	rozsáhlý	обширный	622
55.	známější	51	nejznámější	293	známý	известный	2934
56.	šťastnější	50	nejšťastnější	61	(ne)šťastný	счастливый	1973
57.	mírnější	48	nejmírnější	11	mírný	спокойный	419
58.	aktivnější	46	nejaktivnější	26	aktivní	привлекатель- ный	579
59.	jemnější	45	nejjemnější	28	jemný	нежный	601
60.	rozumnější	45	nejrozumnější	16	rozumný	разумный	401
61.	pohodlnější	44	nejpohodlnější	7	pohodlný	удобный	278
62.	modernější	41	nejmodernější	112	moderní	современный	1342
63.	efektivnější	41	nejefektivnější	18	efektivní	эффективный	243
64.	dokonalejší	40	nejdokonalejší	40	dokonalý	совершенный	698
65.	chytřejší	40	nejchytřejší	26	chytrý	умный	274
66.	ostřejší	39	nejostřejší	13	ostrý	острый	609
67.	pevnější	39	nejpevnější	9	pevný	прочный	787
68.	zásadnější	36	nejzásadnější	8	zásadní	принципиаль- ный	738
69.	měkčí	36	nejměkčí	6	měkký	мягкий	391
70.	pravdě- podobnější	35	nejpravděpodob- nější	33	pravděpo- dobný	правдоподоб- ный	390
71.	citlivější	34	nejcitlivější	29	citlivý	чувствитель- ный	362
72.	slavnější	33	nejslavnější	230	slavný	славный	1797
73.	výkonnější	32	nejvýkonnější	21	výkonný	производи- тельный	621
74.	moudřejší	32	nejmoudřejší	7	moudrý	мудрый	260
75.	intenzivnější	32	nejintenzivnější	6	intenzivní	интенсивный	267
76.	populárnější	31	nejpopulárnější	127	populární	популярный	617
77.	čistší	31	nejčistší	27	čistý	чистый	1215
78.	milejší	30	nejmilejší	70	milý	милый	568
79.	bohatší	101	nejbohatší	158	bohatý	богатый	909
80.	početnější	29	nejpočetnější	25	početný	многочислен- ный	192
81.	přijatelnější	29	nejpřijatelnější	12	přijatelný	приемлемый	388
82.	zdravější	28	nejzdravější	16	zdravý	здоровый	721
83.	jistější	27	nejjistější	14	jistý	определенный	2512

84.	cennější	27	nejcennější	93	cenný	ценный	615
85.	přitažlivější	27	nejpřitažlivější	23	přitažlivý	привлекатель- ный	158
86.	lacinější	27	nejlacinější	16	laciný	дешевый	174
87.	pestřejší	27	nejpestřejší	5	pestrý	пестрый	183
88.	těsnější	26	nejtěsnější	24	těsný	тесный	264
89.	mocnější	25	nejmocnější	65	mocný	могучий	721
90.	vyspělejší	25	nejvyspělejší	40	vyspělý	развитый	349
91.	světlejší	24	nejsvětlejší	13	světlý	светлый	246
92.	radikálnější	23	nejradikálnější	17	radikální	радикальный	417
93.	hrubší	22	nejhrubší	9	hrubý	грубый	728
94.	vzácnější	21	nejvzácnější	48	vzácný	редкий	462
95.	spokojenější	21	nejspokojenější	8	spokojený	довольный	444
96.	zábavnější	21	nejzábavnější	6	zábavný	заниматель- ный	234
97.	oblíbenější	20	nejoblíbenější	183	oblíbený	любимый	639
98.	atraktivnější	20	nejatraktivnější	34	atraktivní	привлекатель- ный	280
99.	veselejší	20	nejveselejší	10	veselý	веселый	530
100.	schopnější	19	nejschopnější	25	schopný	способный	698

7. Будучи перенесенной в Excel, полученная таблица может стать источником информации об относительной употребительности в современном чешском письменном дискурсе как отдельных форм превосходной степени, так и лексико-грамматических групп, что можно использовать как в дальнейших исследованиях по проблемам изучения средств квантификации признака, так и в практическом преподавании чешского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Изотов А.И., Морозов Д.А. Суперлатив в современном чешском письменном дискурсе: опыт корпусного анализа // Славянский альманах. 2025. № 3–4.
2. Русская грамматика / V. Barnetová, H. Běličová-Křížková, O. Leška, Z. Zkoumalová, V. Straková. Díl 1. Praha: Academia, 1979. 664 s.
3. Mluvnice češtiny / M. Komárek, J. Kořenský, J. Petr, J. Veselková et al. Díl 2. Tvarosloví. Praha: Academia, 1986. 536 s.
4. Mluvnice češtiny / M. Komárek, J. Kořenský, J. Petr, J. Veselková et al. Díl 2. Tvarosloví. Praha: Academia, 1979. 536 s.
5. Mluvnice současné češtiny 1. Jak se píše a jak se mluví / V. Cvrček et al. Praha: Nakladatelství Karolinum, 2010. 353 s.
6. Velká akademická gramatika spisovné češtiny. I., Morfologie. Druhy slov, tvoření slov / Fr. Štícha a kol. Praha: Academia, 2018. [in two volumes] 1148 s.

7. Velká akademická gramatika spisovné češtiny. II., Morfologické kategorie, flexe / Fr. Štícha a kol. Praha: Academia, 2021. [in two volumes] 977 s.

REFERENCES

1. Izotov A.I., Morozov D.A. Superlativ v sovremennom cheshskom piš'mennom dis-kurse: opyt korpusnogo analiza [Corpus analysis of superlativ adjectives in con-temporary Czech written discourse]. *Slavic Almanac*, 2025, no 3–4 (In Russ.)
2. Russkaia grammatika / V. Barnetová, H. Běličová-Křížková, O. Leška, Z. Zkouma-lová, V. Straková. Díl 1. Praha: Academia, 1979. 664 p. (In Russ.)
3. Mluvnice češtiny / M. Komárek, J. Kořenský, J. Petr, J. Veselková et al. Díl 2. Tvaro-sloví. Praha: Academia, 1979. 536 p. (In Czech)
4. Mluvnice současná češtiny 1. Jak se píše a jak se mluví / V. Cvrček et al. Praha: Na-kladatelství Karolinum, 2010. 353 p. (In Czech)
5. Mluvnice současná češtiny 1. Jak se píše a jak se mluví / V. Cvrček et al. Praha: Na-kladatelství Karolinum, 2010. 353 p. (In Czech)
6. Velká akademická gramatika spisovné češtiny. I., Morfologie. Druhy slov, tvoření slov / Fr. Štícha a kol. Praha: Academia, 2018. [in two volumes] 1148 p. (In Czech)
7. Velká akademická gramatika spisovné češtiny. II., Morfologické kategorie, flexe / Fr. Štícha a kol. Praha: Academia, 2021. [in two volumes] 977 p. (In Czech)

Поступила в редакцию 08.03.2025

Принята к публикации 23.04.2025

Отредактирована 10.09.2025

Received 08.03.2025

Accepted 23.04.2025

Revised 10.09.2025

ОБ АВТОРАХ

Андрей Иванович Изотов — доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; a.i.izotov@mail.ru

Даниил Александрович Морозов — аспирант кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; mda1998@yandex.by

ABOUT THE AUTHORS

Andrey I. Izotov — DSc in Philology, Professor, Department of Slavic Philology, Lomonosov Moscow State University; a.i.izotov@mail.ru

Daniel A. Morozov — PhD student, Department of Slavic Philology, Lomonosov Moscow State University; mda1998@yandex.by

СТЕРЕОТИПЫ-КОЛЛОКАЦИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА П. ДАНИНОСА «LE JACASSIN»)

К.А. Дикарева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; xeniadikareva@gmail.com*

Аннотация: В статье рассматриваются коллокации в качестве одного из видов языкового стереотипа. Под языковым стереотипом понимается любое систематически воспроизводимое высказывание. Материалом исследования послужил сборник Пьера Даниноса «Le Jacassin». На основе выбранного материала помимо коллокаций можно выделить следующие виды стереотипа: идиомы, клише, речевые стереотипы, цитаты и коннотативные стереотипы. Основными критериями стереотипности выступают формальная и узуальная устойчивость, а также идиоматичность, семантическая сопряженность элементов выражения. Степень проявления названных критериев варьируется в зависимости от вида стереотипа. По сравнению с другими видами стереотипа идиоматичность и устойчивость коллокаций менее очевидны, в связи с чем возникает вопрос о том, возможно ли причислять их к стереотипам. В статье рассматриваются основные подходы к определению сущности коллокации отечественных и зарубежных ученых (Ю.Д. Апресян, А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский, И.А. Мельчук, Ш. Шапира, А. Тютен, Ф. Гроссман и др.). На основе анализа материала исследования сделаны следующие выводы: для коллокаций характерна широкая вариативность, но они не могут свободно подвергаться любым лексическим и грамматическим изменениям, что свидетельствует об их структурной устойчивости. Узуальная устойчивость находит свое отражение в словарях. Что касается семантического критерия, то коллокациям чаще свойственна простая семантическая структура, однако интерпретация идиоматичности как любого усложнения семантической структуры сочетания позволяет говорить о некоторой степени идиоматичности таких языковых единиц.

Ключевые слова: коллокация; языковой стереотип; французский язык; устойчивость; идиоматичность

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-05-8

Для цитирования: Дикарева К.А. Стереотипы-коллокации во французском языке (на материале сборника П. Даниноса «Le Jacassin») // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 5. С. 96–103.

STEREOTYPED COLLOCATIONS IN FRENCH LANGUAGE (BASED ON P. DANINOS' COLLECTION "LE JACASSIN")

Kseniia A. Dikareva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; xeniadikareva@gmail.com

Abstract: The article focuses on collocations as one of the types of language stereotype. A language stereotype is understood as any systematically reproduced expression. The material of the study was the work "Le Jacassin" by Pierre Daninos. On the basis of the selected material, in addition to collocations, we can distinguish the following types of stereotype: idioms, clichés, speech stereotypes, quotations and connotative stereotypes. The main criteria of stereotyping are formal stability and stability of usage, as well as idiomaticity or semantic conjugation of the elements of an expression. The degree of manifestation of the mentioned criteria varies depending on the type. Compared to other types of stereotype, idiomaticity and stability of collocations are less obvious, which raises the question of whether it is possible to classify them as stereotypes. The article considers the main approaches to the definition of the essence of collocation of Russian and foreign scholars (Y.D. Apresyan, A.N. Baranov, D.O. Dobrovolsky, I.A. Melchuk, Ch. Shapira, A. Tutin, F. Grossman, etc.). Based on the analysis of the research material, the following conclusions are made: collocations are characterized by wide variability, but they cannot be freely subjected to any lexical and grammatical changes, which indicates their formal stability. The stability of usage is reflected in dictionaries. As for the semantic criterion, collocations are more often characterized by a simple semantic structure; however, understanding idiomaticity as any complication of the semantic structure of a combination, we can speak of a certain degree of idiomaticity of such linguistic units.

Keywords: collocation; language stereotype; French language; stability; idiomaticity

For citation: Dikareva K.A. (2025) Stereotyped Collocations in French Language (Based on P. Daninos' Collection "Le Jacassin"). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 96–103.

Вопрос стереотипности в языке и речи является одним из наиболее важных как в теоретической лингвистике, так и в лексикографии. Это связано с тем, что человек имеет тенденцию говорить не отдельными словами, а устойчивыми отрезками речи, которые существуют в готовом виде в языковом сознании говорящего. С одной стороны, это позволяет экономить мыслительные усилия со стороны говорящего, а с другой — в силу узнаваемости таких единиц упрощает процесс коммуникации со стороны собеседника. Об этом, в частности, писал Ш. Балли: «Всякая умственная работа, не руководимая правилом, требует вмешательства чистой памяти, как это наблюдается всюду, где ум не в состоянии предвидеть, ибо предвидение достигается правилом, которое предоставляет уму свободу, необходимую для нормального функционирования. Точно так же, хотя

и в меньшей степени, специальное и произвольное правило требует большего усилия, чем общее и рациональное правило» [Балли 1955: 205].

На стереотипный характер речи указывают многие как отечественные, так и зарубежные исследователи, а различные виды языкового стереотипа все чаще становятся предметом научных исследований. Языковой стереотип может рассматриваться как инструмент, с помощью которого исследуют лексическое значение слова, морфологические и синтаксические явления. В частности, французские исследователи Ж.-Кл. Анскомбр и Б. Фраден посредством механизма стереотипа изучают феномен ассоциативной метафоры, различные словообразовательные модели, полисемию и, например, конструкции с противительными союзами. С другой стороны, во многих работах внимание исследователей скорее обращено на функционирование стереотипов как особых языковых единиц. В работах французской исследовательницы Ш. Шапира, российских ученых Л.П. Крысина, И.М. Кобозевой, Ю.А. Сорокина, Т.М. Николаевой, А.В. Кульковой и др. стереотипами называются воспроизводимые формулы разного рода: клише, разговорные формулы, речевые штампы.

В нашей работе под языковым стереотипом понимается схематичное стандартное выражение или высказывание, часто построенное на модели, которая описывает целый ряд подобных высказываний, и систематически воспроизводимое в речи. Именно стереотип, на наш взгляд, является наиболее нейтральным термином, объединяющим разнообразные устойчивые единицы.

Материалом для изучения языковых стереотипов нам послужил сборник французского писателя и журналиста Пьера Даниноса «Le Jacassin». Произведение Даниноса представляет собой пастиш на «Лексикон прописных истин» Гюстава Флобера. Стоит отметить, что это достаточно популярный жанр во французской традиции, и на протяжении XX века появляется целый ряд сборников и словарей прописных истин, клише и стереотипов. Авторы таких «лексиконов», подобно Флоберу, стремятся собрать наиболее яркие речевые формулы и распространенные общественные идеи, характерные для их эпохи. В книге Пьера Даниноса выделяется несколько тематических разделов: *De certaines particularités du langage courant; Du vocabulaire politique; Des diverses idées reçues ou à recevoir: folies bourgeoises ou automatismes; De l'histoire et de la géographie; De quelques confusions courantes; Si l'on vous dit ... n'y croyez pas*. В виде словаря автор представляет читателю лексемы, типичные для речи его современников, в словарных дефинициях приводит наиболее частые контексты и воспроизводимые фразы с ними, юмористически обыгрывает их употребление.

Противопоставляя стереотип и свободную речь, мы опираемся на два основных критерия — устойчивость и идиоматичность.

Устойчивость языковой единицы выражается, с одной стороны, в «ее регулярной воспроизводимости носителями языка» [Баранов, Добровольский 2024: 35] и в устойчивости лексического состава и синтаксической структуры, с другой. Под идиоматичностью понимается осложненная семантическая структура, когда сочетание определенных элементов приводит к переосмыслению всего выражения [Там же]. При анализе материала мы пришли к выводу, что устойчивость является более значимым фактором. То есть языковой стереотип обязательно хоть в какой-то мере устойчив, но необязательно идиоматичен.

Устойчивость и идиоматичность присущи языковым стереотипам не в равной степени, их следует рассматривать в виде своеобразного спектра. В зависимости от степени проявления этих критериев можно выделить пять основных видов стереотипов: идиомы, клише, коллокации, речевые стереотипы, цитаты и коннотативные стереотипы. Так, идиомы наиболее идиоматичны и устойчивы (*une pierre d'achoppement, avoir un coeur d'airain, ménager la chèvre et le chou*), а коннотативный стереотип, наиболее свободный вид стереотипа, — это коннотация, возникающая у лексемы при регулярном попадании в единообразные контексты (*здесь и далее примеры приведены из сборника «Le Jacassin» — прим. ав.*). Например, прилагательное *hallucinant* расширяет свое значение и начинает употребляться в коллокации *hallucinant de beauté: aurores boréales hallucinantes de beauté, volcans chiliens hallucinants de beauté, bûchers indiens hallucinants de beauté, foules chinoises hallucinantes de beauté*. Клише — это полностью лишенные идиоматичности единицы, которые отличаются высокой степенью устойчивости (*sans ambages, sans un mot, de première qualité, selon/contre toute vraisemblance*). Речевые стереотипы — это фразы, часто употребляющиеся в устной речи (*Chapeau! Chapeau bas!, Allez!, Il n'est pas exclu...*), за счет чего они плохо поддаются формальным преобразованиям и, следовательно, менее устойчивы. Различные цитаты при условии достаточной воспроизводимости могут приобретать стереотипный характер, зачастую это происходит за счет яркого образа, лежащего в основе высказывания (*Mignonne, allons voir si la rose...* — легко узнаваемая цитата из П. Ронсара).

Для коллокаций характерна слабая степень как идиоматичности, так и устойчивости, в этой связи вопрос отнесения таких единиц к числу стереотипов вызывает споры среди исследователей. Чаще всего коллокация определяется как предпочтительное лексическое соположение двух языковых элементов, поддерживающих синтаксические отношения [Firth 1957, цит. по: Tutin, Grossmann 2002: 5]. Коллокацию можно рассматривать как тенденцию к совместному употреблению лексем, их привычную ассоциацию. Такая трактовка была

предложена английским лингвистом Дж. Р. Фёртом и развивалась его последователями, в частности Дж. Синклером, одним из основоположников корпусной лингвистики. С другой стороны, коллокация может пониматься как особый тип сочетаний языковых единиц, имеющих синтаксические и семантические отношения. В таком свете коллокации рассматриваются в работах различных отечественных и зарубежных лингвистов: А. Тютен и Ф. Гроссмана [2002], И.А. Мельчука [1998], Ю.Д. Апресяна [1995], А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского [2024]. Подобным образом коллокация определяется в «Словаре лингвистических терминов» под редакцией О.С. Ахмановой: «лексико-фразеологически обусловленная сочетаемость слов в речи как реализация их полисемии» [Ахманова 2004: 199].

Исходя из приведенных определений, коллокации обладают устойчивостью и идиоматичностью, хотя и в небольшой степени, а следовательно, как нам представляется, могут быть отнесены к языковым стереотипам. Однако не все исследователи разделяют такую точку зрения: французский лингвист Ж.-П. Конфе, вслед за Б. Ламируа, определяет коллокации как «статистически значимое совместное употребление лексем» («co-occurrences statistiquement significatives»). По мнению исследователя, это не более чем лексические сочетания, конвенционально воспроизводимые в речи и, строго говоря, не являющиеся устойчивыми. Из этого следует, что коллокации не представляют собой отдельной языковой единицы и, тем более, не являются языковыми стереотипами (*langage préfabriqué* в терминологии Ж.-П. Конфе) [Confais 2015]. Кроме того, каждая из лексем, входящая в состав коллокации, сохраняет свою семантическую самостоятельность и прямую референцию к означаемому, что не происходит, например, с такими стереотипами, как идиомы. Впрочем, в процессе общения они мгновенно угадываются носителем, и он склонен употреблять именно их. Например, выражения *amère déception* и *cruelle déception* существенно ничем не отличаются, но в узусе предпочтение отдается скорее первому.

Тот факт, что коллокации мгновенно узнаются носителями, на наш взгляд, напротив, свидетельствует об их устойчивости. Такие коллокации находят свое отражение в словарях. Так, Пьер Данинос определяет существительное *accoutrement* через его частотное употребление с прилагательным *bizarre* : «Accoutrement. — Toujours bizarre. Pour une femme, ce que porte la femme que le mari remarque». Частотность такой синтагмы отмечает и словарь *Trésor de la langue française* (далее — TLF): *accoutrement bizarre, disparate, étrange, fantaisiste, fantastique, pittoresque, ridicule, risible, singulier* [TLFi].

В коллокации, как правило, наряду с главным есть второстепенный компонент, уточняющий значение главного; выбор последнего не мотивирован, но закреплен в узусе. Мы проанализировали

105 коллокаций, которые упоминаются в разделе *Vocabulaire général*. Этот раздел книги посвящен словам, к которым французы наиболее часто прибегают в повседневной жизни.

Среди проанализированных единиц преобладают адъективные коллокации (построенные по модели «существительное + прилагательное»). Зачастую прилагательное служит для того, чтобы усилить сему или коннотацию, которая присутствует в лексическом значении существительного. Так, Пьер Данинос отмечает, что существительное *flegme* — «равнодушие, хладнокровие» — «автоматически» употребляется с прилагательным *imperturbable* — «невозмутимый, не теряющий хладнокровия». При этом словарь TLF определяет существительное *flegme* следующим образом: «*caractère d'une personne calme et imperturbable, qui garde son sang-froid en toutes circonstances*». Таким образом, коллокация *flegme imperturbable* употребляется, чтобы подчеркнуть идею, изначально свойственную лексеме. Впрочем, выбор именно этого прилагательного, а не, например, его синонима *inébranlable* остается немотивированным.

При этом нельзя не отметить, что коллокация допускает широкую вариативность по сравнению с другими видами языкового стереотипа. Так, для существительного *regard* Пьер Данинос приводит 25 коллокаций, которые возможны в зависимости от ситуации и контекста: *regard émerveillé (des enfants à Noël)*; *regard sournois/ éveillé (des enfants le reste du temps)*; *regard mauvais/goguenard (des blousons noirs)*; *regard circonspect (des policiers)*, *regard d'aigle (des guides de montagne)*; *regard circonspect (des policiers)*; *regard inquisiteur (des douaniers)* и т. д. Однако это не значит, что коллокации могут свободно подвергаться лексическим или грамматическим изменениям. Таким образом, с одной стороны, для коллокации свойственна широкая вариативность, но с другой, элементы коллокации не могут быть заменены даже ближайшими синонимами.

Французская исследовательница Ш. Шапира вслед за американским лингвистом У. Ванрайхом указывает на то, что коллокации обладают не привычно понимаемой идиоматичностью, а скорее «стабильностью коллокации» (*"stability of collocation"*) [Shapira 1999]. Она определяется степенью вероятности, с которой та или иная лексема предопределяет употребление следующей. Действительно, определенные слова тяготеют друг к другу в дискурсе, не будучи связанными строгими синтаксическими отношениями. Так, прилагательное *vivace (réserve aux plantes et à la haine* — по определению П. Даниноса) имеет тенденцию употребляться либо с флоризмами и зоонимами, либо с аффективной лексикой: *plante vivace, haine vivace, préjugé vivace* [TLFi].

Что касается семантической структуры коллокации, то, как отмечает большинство исследователей, это слабоидиоматичные еди-

ницы, которые не образуют единое понятие [Баранов, Добровольский 2024], полуфраземы в терминологии И.А. Мельчука [1998]. Однако, если под идиоматичностью понимается любое усложнение семантической структуры, то можно говорить об идиоматичности относительно коллокаций.

На материале нашего корпуса были отмечены и метафорически переосмысленные коллокации, когда один из компонентов употреблен в прямом значении, а второй — как метафора, причем он модифицирует значение первого. В отличие от идиом, семантика метафорических коллокаций образуется в результате сложения значений лексем, одно из которых переосмыслено.

Так, в дефиниции «Voix. — Entendre des voix est toujours péj. sauf pour Jeanne d'Arc. On vous conseille d'écouter celles qui sont muettes : raison, conscience» автор приводит три коллокации *entendre des voix*, *écouter la voix de la raison*, *écouter la voix de la conscience*, где глаголы *entendre* и *écouter* употреблены буквально, но существительное *voix* употреблено в переносном значении «ce que l'être humain ressent en lui-même, qui l'avertit, l'inspire». При этом нельзя утверждать, что значение этих коллокаций выводится из семантических связей базового элемента и коллокатора, поскольку существительное *voix* переосмыслено без привязки к глаголу *entendre*. Кроме того, существительное *voix* может употребляться с этим глаголом и в прямом значении: *Entendre une voix derrière la porte*. Eurydice (...): j'avais cru entendre des voix!... Personne! (Crémieux, Orphée, 1858, ii, 4, p. 65) [TLFi].

Для единицы *trou* автор приводит следующее определение: «Comme coup, mis à toutes les sauces. On le fait, on le bouche. Il peut être petit, pas cher, normand, dans la caisse, à reprendre, dans le budget. Au golf, si on le fait en un, il coûte une tournée». Отметим коллокации *faire un trou*, *boucher un trou*, *reprendre un trou*, оба элемента которых употребляются в прямом значении. В то же время, если в выражении *faire un trou* заменить неопределенный артикль на притяжательное прилагательное, то получится выражение *faire son trou* — 1) создать себе выгодное положение; 2) устроиться поудобнее, которое нельзя назвать коллокацией, поскольку каждый из элементов полностью переосмыслен. Сочетание *un trou dans le budget* может считаться коллокацией, поскольку лексема *trou* употреблена в переносном, но свойственном ему значении, а коллокатор — в прямом значении.

Обобщая наблюдения над исследованным материалом сборника «Le Jacassin», мы можем сделать вывод, что коллокации — это особые языковые единицы, состоящие из нескольких лексем и регулярно воспроизводящиеся в речи носителей. Элементы коллокации обладают особыми, хотя и неярко выраженными, семантическими свойствами и состоят в устойчивых синтаксических отношениях, что позволяет считать коллокации одним из видов языкового стереотипа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том I. Лексическая семантика. М., 1995.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 2004.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
4. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Очерки общей и русской фразеологии. М., 2024.
5. Confais J.-P. Langage préfabriqué et phraséologie // *Stéréotypie et figement : à l'origine du sens*. Toulouse, 2015. P. 29–39.
6. Daninos P. Le Jacassin. Paris, 1962.
7. Mel'čuk I.A. Collocations and Lexical Functions // *Phraseology. Theory, Analysis, and Applications*. Oxford, 1998. P. 23–53.
8. Schapira Ch. Les stéréotypes en français. Paris, 1999.
9. Tutin A., Grossman F. Collocations régulières et irrégulières : esquisse de typologie du phénomène collocatif. // *Revue Française de Linguistique Appliquée*. 2002. № 7. P. 7–25.
10. Trésor de la Langue Française informatisé. [Электронный ресурс]. URL: <http://atilf.atilf.fr> (дата обращения: 22.02.2025).

REFERENCES

1. Apresyan Yu.D. *Izbrannnye trudy, tom I. Leksicheskaya semantika* [Selected Works, Volume I. Lexical Semantics]. Moscow: Izdatel'stvo "Yazyki slavyanskikh kul'tur", 1995. 480 p.
2. Akhmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow: URSS, 2004. 571 p.
3. Balli Sh. *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General linguistics and questions of the French language]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1955. 416 p.
4. Baranov A.N., Dobvol'skii D.O. *Ocherki obshchei i russkoi frazeologii* [Essays on general and Russian phraseology]. Moscow: Izdatel'skii Dom YASK, 2024. 280 p.
5. Confais J.-P. Langage préfabriqué et phraséologie. *Stéréotypie et figement : à l'origine du sens*. Toulouse: Presses Universitaires Mirail, 2015. P. 29–39.
6. Daninos P. *Le Jacassin*. Paris: Hachette, 1962. 280 p.
7. Mel'čuk I.A. Collocations and Lexical Functions *Phraseology. Theory, Analysis, and Applications*. Oxford: Clarendon Press, 1998. P. 23–53.
8. Schapira Ch. *Les stéréotypes en français*. Paris: Edition Ophrys, 1999. 172 p.
9. Tutin A., Grossman F. Collocations régulières et irrégulières : esquisse de typologie du phénomène collocatif. *Revue Française de Linguistique Appliquée*. 2002. № 7. P. 7–25.
10. Trésor de la Langue Française informatisé. URL: <http://atilf.atilf.fr> (accessed: 22.02.2025).

Поступила в редакцию 07.03.2025

Принята к публикации 13.04.2025

Отредактирована 11.09.2025

Received 07.03.2025

Accepted 13.04.2025

Revised 11.09.2025

ОБ АВТОРЕ

Ксения Андреевна Дикарева — аспирант кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова;
xeniadikareva@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Kseniia A. Dikareva — PhD Student, Department of French Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; xeniadikareva@gmail.com

ПАРОДИЙНО-ИРОНИЧЕСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ВЕЛИЧИНА» В ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКЕ Б. КЕЛЛЕРМАНА „DIE GESCHICHTE VON DER VERLORENEN WIMPER DER PRINZESSIN“

М.Г. Алексеева, В.А. Фролова

*Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, Чебоксары,
Россия; margennal@yandex.ru, frvera@yandex.ru*

Аннотация: В статье выявляются особенности литературной сказки Б. Келлермана „Die Geschichte von der verlorenen Wimper der Prinzessin“. С помощью методов описательного, семантико-стилистического и контекстуального анализа устанавливаются черты пародийной стилизации авторской сказки под классическую волшебную сказку. С опорой на систему В.Я. Проппа показывается, что пародийная форма повествования изменяет круг действий принцессы: деформирует ее тип, устраняет как короля-отца, так и трудную задачу для принца. Пародийные отклонения от канонов волшебной сказки обеспечивают принцессе равноправный с принцем статус. Особое внимание уделяется ироническому переосмыслению ценностных ориентаций принцессы и принца. Знатность, богатство, храбрость и красота противостоящих друг другу главных героев приобретают новое значение. Подчеркивается, что с помощью функционально схожих инструментов иронии — преувеличения и преуменьшения — величина значимых качеств героев доводится до своих абсолютных пределов. Доказывается, что доведенные до абсурда противоположные величины становятся равновесными, понятие величины нейтрализуется, физический размер исследуемого объекта теряет смысл. Один объект приравнивается всем объектам. Показывается также, что тождество преувеличения и преуменьшения нейтрализует ироническую тональность текста, сообщает ему свойства системного противочлена иронии — возвышенного. Авторы приходят к выводу, что пародийно-ироническое переосмысление понятия «величина» имеет своей задачей переоценку отживающих ценностей, выражение неодобрения имеющейся системы ценностей, призыв к оптимизации социальных отношений в обществе.

Ключевые слова: ирония; пародия; преувеличение; преуменьшение; величина; волшебная сказка; Б. Келлерман; ценностные ориентиры

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-05-9

Для цитирования: Алексеева М.Г., Фролова В.А. Пародийно-ироническое переосмысление понятия «величина» в литературной сказке Б. Келлермана „Die Geschichte von der verlorenen Wimper der Prinzessin“ // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 5. С. 104–116.

PARODIC AND IRONIC REINTERPRETATION OF THE CONCEPT OF “MAGNITUDE” IN THE LITERARY TALE BY B. KELLERMAN „DIE GESCHICHTE VON DER VERLORENEN WIMPER DER PRINZESSIN“

Marina G. Alexeeva, Vera A. Frolova

*Chuvash State University, Cheboksary, Russia; margennal@yandex.ru,
frvera@yandex.ru*

Abstract: The article reveals the features of B. Kellermann's literary fairy tale “Die Geschichte von der verlorenen Wimper der Prinzessin”. Using the methods of descriptive, semantic, stylistic and contextual analysis, the features of the parody stylization of the author's fairy tale as the classic fairy tale are established. Based on Propp's system, it is shown that the parody form of narration changes the range of actions of the princess: it deforms her type, eliminates both the king-father and the difficult task for the prince. Parodic deviations from the canons of the fairy tale provide the princess with equal status with the prince. Special attention is paid to the ironic rethinking of the value orientations of the princess and the prince. The nobility, wealth, bravery, and beauty of the opposing protagonists take on a new meaning. It is emphasized that with the help of functionally similar tools of irony — exaggeration and understatement — the magnitude of the significant qualities of the characters is brought to its absolute limits. It is proved that the opposite quantities brought to the point of absurdity become balanced, the concept of magnitude is neutralized, and the physical size of the object under study loses its meaning. One object is equal to all objects. It is shown that the identity of exaggeration and understatement neutralizes the ironic tone of the text, gives it the properties of the systemic counterpart of irony — the sublime. The authors conclude that the parody-ironic reinterpretation of the concept of “magnitude” aims to reassess outdated values, express disapproval of the existing value system, and call for optimizing social relations in society.

Keywords: irony; parody; exaggeration; understatement; magnitude; fairy tale; B. Kellermann; value orientations

For citation: Alexeeva M.G., Frolova V.A. (2025) Parodic and Ironic Reinterpretation of the Concept of “Magnitude” in the Literary Tale by B. Kellermann's „Die Geschichte von der verlorenen Wimper der Prinzessin“. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 104–116.

Ирония — феномен, находящийся на стыке многих наук. История, философия, культурология, литературоведение, лингвистика изучают это многоплановое явление. С античных времен и до наших дней ирония вызывает интерес многих исследователей. Это комплексное явление рассматривается в философско-эстетическом, в психологическом, в литературном и лингвистическом ключах. Существуют

различные точки зрения на порождение и понимание иронии. Ирония противопоставляется лжи, она обладает самостоятельным статусом в философии и эстетике, и ирония немыслима вне языка (см. подробнее [Горностаева 2019: 990–998]). В языковой и литературоведческой плоскостях множество работ посвящено анализу различных аспектов иронии. Так, К.А. Мнацаканян описывает иронию как постоянный стилиобразующий признак английской литературной сказки викторианского периода, выделяет способы выражения авторской иронии [Мнацаканян 2006]. Е.В. Плисов исследует комическое и, как более узкое понятие, иронию на словообразовательном уровне [Плисов 2004: 108–110]. С.С. Валугева и Е.В. Булатая рассматривают иронию как концептуальную категорию художественного текста, которая в имплицитной форме репрезентирует авторскую оценку [Ваулина 2019, 2021]. Функция иронии и иронических эффектов в построении композиционной структуры неоромантических рассказов А. Грина подробно исследуются И.В. Клименко [Клименко 2024].

В настоящем исследовании на материале малоизвестной сказки немецкого писателя Бернхарда Келлермана «Die Geschichte von der verlorenen Wimper der Prinzessin» («История о потерянной реснице принцессы», 1910 г.) устанавливаются и анализируются черты пародийной стилизации авторской сказки под классическую волшебную сказку, раскрываются пародийные отступления от канонов сказочного повествования. Далее предпринимается попытка проследить пародийно-ироническое переосмысление и переоценку понятия «величина» (размер), а также последствия этого переосмысления. Пародируемые с помощью двух противоположных процессов — преувеличения vs преуменьшения — значимые величины авторской сказки, величины, доведенные иронической деформацией до своего абсурда, неожиданно становятся тождественными друг другу, «замирают» в равновесии. Понятие величины в исследуемом сказочном дискурсе нивелируется, собственно физический размер описываемого объекта теряет всякое значение. Одно становится мерой всего, первоначалом и целью всего сущего. Вследствие этого сложного процесса нейтрализации иронии пародируемое приближается к возвышенному.

Анализируемая авторская сказка относится к раннему периоду творчества Б. Келлермана, который тесно связан с эстетикой модерна. Героям первых романов Б. Келлермана «Йестер и Ли» (1908), «Ингеборг» (1910) свойственно бегство от действительности в мир фантазии, сказки и искусства — так, например, в роман «Ингеборг» писатель включает сказки и легенды. В 1910 году Б. Келлерман, мастерски имитируя внешние признаки волшебной сказки, создает

ироничную историю о потерянной реснице, представляет сказочное повествование в пародийной плоскости. На примере сказки Б. Келлермана мы можем наблюдать постепенный переход писателя от идеологии неоромантизма и модерна к критико-реалистическим, даже демократическим воззрениям. Такое миропонимание Б. Келлермана воплощается в его последующих известных романах «Туннель», «Девятое ноября», «Пляска смерти». В своих произведениях писатель утверждает новую систему ценностей, призывает, в том числе в ироничном ключе, к изменению социальных отношений [Токмаков 1966; Бергельсон 1965; Дейч 1966].

В своем исследовании мы опираемся на концепцию В.М. Пивоева, понимающего иронию в широком смысле, прежде всего как инструмент разоблачения, развенчания и переоценки отживших ценностей. В переломные моменты именно иронии принадлежит роль катализатора переосмысления ценностного потенциала того или иного исторического периода. Конец XIX века и начало XX века демонстрируют противоречивую картину мира: достижения научно-технического прогресса и их восторженное принятие частью общества, разрушение привычных основ жизненного уклада и тревоги другой части общества, изменение роли женщины в социально-экономической сфере. С помощью иронии, обладающей иррациональной логикой ценностной аргументации, деятели искусства нащупывают в это время пути выхода из кризиса традиционного гуманизма, ищут новые опоры (см. подробнее о механизме действия иронии [Пивоев 2000: 4, 15, 29]).

Вопрос однозначного определения специфики отношений между иронией и пародией в лингвистике не решен. Так, Б. Дземидок, например, классифицирует пародию как прием комического, а иронию — как один из методов сложного комизма [Дземидок 1974: 69, 104]. У В.М. Пивоева этот терминологический вопрос не имеет ясного решения: пародию автор то считает распространенным способом выражения иронии [Пивоев 2000: 65], то рассматривает как самую близкую к иронии форму комического [Пивоев 2000: 38]. В нашем исследовании мы придерживаемся первого определения В.М. Пивоева и полагаем, что пародия выступает прежде всего как способ выражения иронии. Особенно важным нам представляется то, что пародия и ирония в исследуемой авторской сказке используются во всем богатстве их потенциала, функционируют слаженно: в пародийной форме ироничной переоценке подвергаются социокультурные явления (см. также вопрос о сходстве средств выражения иронии и пародии — преувеличение, преуменьшение, гротеск [Bußmann 2008: 270; Пропп 1976: 67, 70; Дземидок 1974: 69]).

Б. Келлерман, по-видимому, не случайно выбирает сказочную форму повествования для манифестации своих идей, ведь пародия будет действенной только в том случае, когда воспринимающий ее круг адресатов хорошо знаком с оригиналом [Дземидок 1974: 69]. Законы построения волшебной сказки обычно всем интуитивно известны, это классически статичные фигуры короля-отца, принца (героя), принцессы, препятствия, возникающие на пути к счастью, и прочие элементы волшебных историй. Литературная сказка «История о потерянной реснице принцессы» выдержана в ключе пародийной стилизации под волшебную сказку. Принц здесь сватается к прекрасной принцессе, самое прекрасное во внешности которой — ее чрезвычайно длинные блестящие ресницы. Принц богат, знатен и храбр, но все это не впечатляет девушку, она не удостоивает принца ответом и покидает его. Принц замечает, что со щеки красавицы падает драгоценная ресница, кидается искать ее, раздает приказы слугам, звездочету с подозрительной трубой, то сулит им немислимые богатства за находку, то грозитя покарать их самой страшной казнью за нерадивость. Многодневные поиски ресницы не приносят результата, принц в отчаянии покидает страну и присылает посла с караваном богатых даров, которые принцесса отвергает как не стоящие ее внимания. Случайно девушка узнает от звездочета о поисках принца, о его благоговении перед утерянной навсегда ресницей, о том, что караван даров и был возмещением ущерба от потери. Принцесса мгновенно сменяет гнев на милость и посылает за принцем посла на самом быстром скакуне.

Далее мы уделим внимание признакам пародийного преломления сказочного сюжета с опорой на концепцию В.Я. Проппа. В своих трудах В.Я. Пропп представил систему анализа волшебной сказки, включающую 31 функцию действующих лиц, многочисленные вспомогательные элементы, круги действий, то есть соответствующие исполнителям действия [Пропп 1969: 24–40]. В литературной сказке Б. Келлермана круг действий героя (принца) прописан по канонам волшебной сказки. Единственным отступлением от «нормы» можно считать демонстрацию чувств, впечатлений и мыслей принца:

1) «Ja, bei Gott! dachte er, wie eine Kirsche, die eben rot werden will — wie schön ist sie doch! Sie oder keine!»;

2) «Welch eine Albernheit! dachte er, mit meinen Eisriesen zu prahlen, ...»;

3) «Welche Eselei! dachte er, mit meinen Schätzen zu prahlen, ...» [Kellermann 1979: 121–122].

Согласно В.Я. Проппу, воля, чувства и намерения персонажей не являются существенными признаками для их определения, все это нерелевантно для хода сказочного действия, важны лишь поступки

героев [Пропп 1969: 74]. Круг действий принцессы подвергается в анализируемой сказке более выраженной степени пародийной деформации. Во-первых, принцесса не соответствует ядерным типам: она ни кроткая (освобожденная героем), ни коварная (мстительная, злая богатырка, воительница, иногда открыто состязаясь с главным героем, взятая насильно героем или похищенная им) (см. подробнее [Пропп 2022: 439]). Возможно, принцесса представляет собой редкий тип «царь-девицы», независимой держательницы рода и тотемной магии [Пропп 2022: 513]. Во-вторых, в сказочной истории отсутствует «треугольник сил» (см. подробнее [Пропп 2022: 440]), который обычно образуется между героем, принцессой и ее отцом. По канонам волшебной сказки принцесса не должна рассматриваться как персонаж вне связи с отцом. Здесь же патриархальная фигура короля удалена из действия сказки, треугольник сил трансформируется фактически в дуальное противостояние принца и принцессы, которое в действительности нейтрализуется, поскольку принцесса как самодостаточная и равноправная фигура отстраняется, выходит из ситуации соперничества. Принцесса поначалу также не заинтересована в реализации финальной функции — свадьбы, о действиях принца девушка узнает случайно, следовательно, и вспомогательный элемент волшебной сказки — узнавание — выражается не в полной мере. Принцесса не чувствует себя ни «добычей», ни «трофеем» (ср. также [Пропп 1969: 65]). Это равноправие и равнозначность принцессы признает и сам принц, сравнивая их родовитость и богатство, например:

1) «*„Mein Vater ist König, wie Sie wissen, und der Vater meines Vaters war König. Auch sein Vater. So ist mein Geschlecht! Ein Geschlecht von Königen. Die Geschichtsschreiber haben bewiesen, dass wir von den Eisriesen abstammen!“ ... Welch eine Albernheit! dachte er, mit meinen Eisriesen zu prahlen, da es doch bekannt ist, dass das Geschlecht dieser einzigartigen Prinzessin seinen Ursprung in den erhabenen Gottheiten hat!;*

2) «*„Eure Holdheit, wenn Sie Ihrem Sklaven befahlen einen Wald umzuhauen und Wagen daraus zu zimmern, so werden all diese Wagen doch nicht im Stande sein, den zehnten Teil meiner Schätze fortzuschaffen!“ ... Welche Eiselee! dachte er, mit meinen Schätzen zu prahlen, man weiß doch, dass in ihrer Schatzkammer ein Elefant aus Gold steht, dessen Augen Rubinen und dessen Zehen Brillanten sind» [Kellermann 1979: 121–122].*

В-третьих, в литературной сказке Б. Келлермана отсутствуют трудные задачи, которые в классической сказке определяются, как правило, принцессой и королем-отцом. Трудные задачи — это испытания, связанные со сватовством, при их выполнении герой

должен показать свою магическую силу. По канонам волшебной сказки трудные задачи могут содержать элемент враждебности к жениху, желание отпугнуть его [Пропп 2022: 446–447]. В литературной сказке, пародирующей классические принципы построения волшебной сказки, перед героем не ставится никакой задачи, он предоставлен самому себе, самостоятельно определяет трудную задачу, гипертрофируя ее, преувеличивая вплоть до абсурда: сначала найти потерянную ресницу принцессы, а после неудачных поисков — возместить эту потерю.

Почему же принц так трепетно относится к реснице, к такой, казалось бы, малости? Кстати, само словосочетание «потерянная ресница» (*verlorene Wimper*) уже выдержано автором сказки в пародийно-ироничной тональности, ведь невозможно утратить то, что по своей природе возобновляемо. Исторические корни этого отношения мы можем встретить в изысканиях В.Я. Проппа, указывающего на то, что волосы являются местонахождением души (магической силы) или могут воплощать собою все живое существо, которому принадлежат [Пропп 2022: 51, 270]. В пародийном переосмыслении в реснице принцессы, прекрасной как солнечный луч, воплощается, по замыслу автора, вся красота девушки. Эту потерю и должен возместить чудесный караван из верблюдов, слонов и носорогов, на спинах которых расположились мавры, невольницы, диковинные птицы и животные. Особое внимание привлекает еще один атрибут стилизации под волшебную сказку — разбитый на спинах слонов сад с необыкновенно быстро распустившимися цветами и созревшими плодами: «Auf dem nächsten Elefanten war ein kleiner Garten der seltensten Blumen aufgebaut, der Rücken eines anderen trug, obschon das unglaublich klingt, einen Orangenbaum, der Blüten und Früchte hatte und in dessen Schatten eine Familie herrlicher Fasanen lustwandelte [Kellermann 1979: 126]. Насажденный чудесным образом сад, по В.Я. Проппу (в других сказках это могут быть возведенный мост и построенный за короткий срок дворец), относится к доказательству наличия у героя помощника из иного мира (царства) или к обладанию самим героем магическими качествами [Пропп 2022: 457–468]. Однако принцесса высмеивает роскошные дары принца. Достоинства принца (знатность, богатство, храбрость и щедрость) вскрываются в процессе пародирования как несостоятельные, недостаточные (ср. также [Пропп 1976: 63–64]. Канон волшебной сказки выступает здесь как жесткое ограничение, сдерживающее художественное развитие в формальном плане [Пивоев 2000: 78, 38]. Автор литературной сказки выявляет абсурдность основных принципов объекта пародирования — сказочного канона. Преодоление этого канона делает пародию продуктивной. Волшебная сказка

с замкнутым кругом действий исчерпывает на рубеже веков свои возможности, назревает необходимость смены определенных ценностных ориентаций. Последние переосмысливаются с помощью ироничной гиперболизации и ироничного преуменьшения (см. также [Дземидок 1974: 69; Горностаева 2019: 995]).

Преувеличение (гипербола) и преуменьшение (литота) часто рассматриваются как функционально родственные феномены, служащие индикатором иронии [Bußmann 2008: 270, 412]. Гротеск, как крайняя форма преувеличения, превращает рассматриваемый объект в нечто, переходящее в область иррационального и фантастического [Ризель 1975: 212; Пивоев 2000: 38].

Б. Келлерман активно использует в литературной сказке возможности преувеличения и преуменьшения, которые благодаря отсутствию в сказочном дискурсе границ для воображения легко перемещаются в статус гротескного преувеличения и гротескного же преуменьшения. Преуменьшению подвергаются, прежде всего, качества принца, причем в начале повествования речь идет о «самомалении», принц мысленно развенчивает и знатность своего рода, и размеры своего состояния (см. примеры выше). Принцесса критически оценивает лишь информацию об одержанных принцем на поле боя победах, объясняя победы милостью бога: «"Eure Herrlichkeit!" so sagte er, "mein Name ist Hauumdich! Mein Volk, meine Soldaten, verstehen Sie mich recht, nannten mich so wegen meiner außerordentlichen Tapferkeit. Ich bin im Stande, einen rasenden Elefanten bei den Stoßzähnen festzuhalten, ich habe, trotzdem ich erst siebzehn Jahre alt bin, drei große Schlachten gewonnen, die meinen Namen in der Geschichte der Völker einen ewigen Platz sichern! " ... "Ach" sagte sie gelangweilt, "Sieg gibt Gott, Herr Prinz! " [Kellermann 1979: 122–123]. Свадебный подарок принца, великолепный караван, подвергается преуменьшению сначала рассказчиком, который, употребив в начале описания ироничное «примерно, приблизительно» (ungefähr, annähernd), затем подробнейшим образом рассматривает каждую деталь процессии, например перечисляет точное количество мавров (sechs Mohren), верблюдов (hundert Kamele), слонов (dreißig Elefanten) и носорогов (drei Nasenhörner), расчленяет, таким образом, совокупность на составные части. Однако решающее слово автор оставляет за принцессой, которая уничижает все великолепие подарка как насмешливой миной, так и не менее насмешливой фразой: «Die Prinzessin spitzte die Lippen, als ob sie pfeifen wolle, und sah durch ihre langen goldenen Wimpern hindurch geringschätzig auf den Zug ... Sie lachte spöttisch und zirpte mit ihrer feinen Stimme! „Ach — nennt das dein Herr, der Prinz Hauumdich, ein Brautgeschenk?» [Kellermann 1979: 127]. Но и облик принцессы не может избежать преуменьшения, хотя бы

и косвенного. Сравнивая ее с цветущей вишней (см. подробнее о сравнениях [Ризель 1975: 208–212]), с ягодой, обладающей крепким ядрышком, а голос принцессы — со стрекотом цикады или щебетанием птицы, принц невольно сближает сравниваемые объекты и оценивает их как «малые»:

1) «Sie ist schön wie eine Kirsche im Frühling, und es scheint, dass sie genau wie eine Kirsche einen Stein im Innern hat»;

2) «Ich denke, ich nehme nicht mit unrecht an, dass sie eine Stimme hat, fein und lieblich wie das Zirpen einer Grille und rührend wie das Piepen eines Vogels» [Kellermann 1979: 122].

Все, что касается утерянной ресницы принцессы, увеличивается, напротив, кратно. Гиперболизация начинается с описания внешнего облика принцессы, это, прежде всего, описание ресниц, длинных и блестящих как луч солнца, непревзойденных по своей красоте:

1) «Sie waren von ganz außergewöhnlichen Länge und sahen wie Sonnenstrahlen aus, die die runden blaßroten Wangen beleuchteten. Wenn die Sonne in jenem Land schön unterging, so sagte man: — Wie die Wimpern der Prinzessin — !»;

2) «Sowohl von Länge als von Glanz sind sie unübertroffen und werden es auch bleiben» [Kellermann 1979: 121].

В процессе метонимического переноса сама принцесса подлежит сравнению с лучом солнца (см. также о гиперболизированно-эмоциональной окраске сравнений [Ризель 1975: 212]): «So rasch wie ein Sonnenstrahl aus dem Zimmer huscht, wen sich die Sonne verdunkelt, so rasch war sie verschwunden» [Kellermann 1979: 123]. Все мысли отвергнутого принца заняты поиском ресницы, процесс поиска можно условно разделить на три этапа: самостоятельные действия принца, действия принца и слуг принцессы, действия принца и звездочета. Каждый из этапов характеризуется своим набором гиперболизированных высказываний, сообщающих тексту литературной сказки ироническую тональность. На первом этапе принц готов искать упавшую ресницу вплоть до наступления следующего утра: «"Ja", sagte er, "hierher fiel die Wimper der Prinzessin, genau auf diese Stelle, und beim Himmel!, ich will suchen, bis ich sie finde, und wenn ich bis morgen früh suchen sollte!" ... Und er suchte und suchte bis zum anderen Morgen, aber er fand die Wimper der Prinzessin nicht» [Kellermann 1979: 123–124]. В данном примере мы имеем дело с преувеличением временного отрезка, необходимого для поиска объекта. Далее сталкиваемся с гипертрофированным представлением семнадцатилетнего принца о своем возрасте и жизненном опыте: «"So alt bin ich", sagte er, "ist mir doch so etwas noch nicht vorgekommen!"» [Kellermann 1979: 124]. Дворцовым слугам принц приказывает подмести пыль с пола лепестками роз, обещает щедрые дары

каждому в случае благоприятного исхода поиска, в случае же неудачи — мучительную смерть: «"Wenn ihr die Wimper der Prinzessin findet, so soll jeder von euch, meine lieben Freunde, eine Kutsche mit vier Pferden haben, von denen kein einziges blind oder lahm ist — wenn ihr sie nicht findet, ihr, Dickschädel, so lasse ich zwölf ausgewachsene Nashörner, denen ich brennende Strohwische an die Schwänze binde, auf euch hetzen!"» [Kellermann 1979: 124]. Несоизмеримость награды vs кары с объектом поиска усиливает иронический эффект сказочного действия. После трехдневных поисков принц прибегает, наконец, к помощи звездочета, обладающего в соответствии со своей должностью увеличительным стеклом (*Glas, das die kleinen Dinge groß macht*). Посулы и угрозы, рефреном сопровождающие речи принца, гиперболизируются вплоть до абсурда: «"Wenn du die Wimper der Prinzessin findest, mein Sohn, so will ich ein Schloss bauen und einen duftenden Springbrunnen in dem Zimmer, in dem du schläfst — wenn du sie aber nicht findest, so werde ich dich mit hundert extra großen scharfzahnigen Ratten in ein Faß einlöten lassen. So steht es!"» [Kellermann 1979: 125]. Степень преувеличения ценности утерянной ресницы достигает на этом этапе поиска своего максимума, поскольку гиперболизация объекта распространяется с уровня только лишь словесно-мыслимого способа увеличения объекта на уровень физический, объективный, фиксируемый инструментально.

Преуменьшение в дуальном противостоянии всего, что связано с принцем, а это, прежде всего, традиционные добродетели и материальные ценности, и преувеличение значимости одной-единственной ресницы прекрасной принцессы, приближаясь к своему абсолютному минимуму vs максимуму, встречаются друг с другом в точке хрупкого равновесия. Принц, поставив перед собой невыполнимую иррациональную задачу, проходит, таким образом, проверку, испытание и решает эту трудную задачу, которая формулируется не принцессой и не ее отцом, а новой системой ценностей, возникающей на рубеже веков.

Результатом хаотичного на первый взгляд нагромождения Б. Келлерманом двух противонаправленных процессов преуменьшения и преувеличения оказывается щемящее чувство искренности, правдивости и торжества прекрасного. На наш взгляд, Б. Келлерман развивает в своей сказке идею Платона о «неутилитарности» красоты, о прекрасном и совершенном, которые еще в античные времена соединяются с понятием величины. Величина (*megas*), в свою очередь, определяется Платоном как особенность объекта, делающая его грандиозным, независимо от физических размеров тела (см. подробнее статью «Величина» [Философский словарь 2025]).

Итогом тождества преувеличения и преуменьшения мы считаем также фактическую нейтрализацию иронической тональности, в которую поначалу окрашен текст литературной сказки. Ироническое отношение автора к объекту критики по мере развития действия приглушается, как следствие этого ироническое приближается к своей парной категории — к возвышенному (см. также [Пивоев 2000: 40–41; Дземидок 1974: 140]).

Таким образом, пародийно-ироничное переосмысление понятия «величина», которое включает в анализируемом художественном тексте прежде всего ценностные ориентации, имеет своей целью привлечь внимание к предмету иронического отношения, выразить стремление к преобразованию ценностей, к выработке новых идеалов, к устранению косности канонов, к улучшению социальных отношений в обществе. Прежде всего, новая система ценностей пересматривает отношения между мужчиной и женщиной, зарождается идея о равноправии женщины; пересматривается также семейный уклад, что выражается устранением патриархальной фигуры отца-короля из литературной сказки. Диктат общества в значительной мере ослабляется, герои сказки сами ставят перед собой задачи и принимают решения. Богатство, знатность, вообще материальное, утилитарное уступают по своей значимости красоте, прекрасному в новой системе ценностей, предложенной Б. Келлерманом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бергельсон Г. Бернгард Келлерман. М., Л., 1965.
2. Ваулина С.С., Булатая Е.В. Ирония как средство характеристики персонажей в произведениях Н.В. Гоголя // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. 2019. Т. 18. № 4. С. 200–208.
3. Ваулина С.С., Булатая Е.В. Ирония М.Е. Салтыкова-Щедрина: особенности иронической оценки в романе «Господа Головлевы» // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12. № 4. С. 123–136.
4. Горностаева А.А. Ирония как культурный и языковой феномен // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. № 10 (4). С. 990–1002.
5. Дейч А. Путь Бернгарда Келлермана // Вопросы литературы. 1966. № 4. С. 217–220.
6. Дземидок Б. О комическом. М., 1974.
7. Клименко И.В. Роль иронии в композиции неоромантического рассказа // Вестник ПСТГУ. Серия 3. Филология. 2024. Вып. 78. С. 9–19.
8. Мнацаканян К.А. Ирония и способы ее выражения в английской литературной сказке викторианской эпохи // Вестник ПСТГУ. Серия 3. Филология. 2006. Вып. 2. С. 116–122.
9. Пивоев В.М. Ирония как феномен культуры. Монография. Петрозаводск, 2000.
10. Плисов Е.В. Словообразовательные основы создания комической метафоры // Лексикология и стилистика. Современные тенденции развития. Н. Новгород, 2004. С. 107–119.

11. Пропн В.Я. Проблема комизма и смеха. М., 1976.
12. Пропн В.Я. Морфология сказки. М., 1969.
13. Пропн В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2022.
14. Ризель Э.Г., Шендельс Е.И. Стилистика немецкого языка. М., 1975.
15. Lexikon der Sprachwissenschaft / Hrsg. von Hadumod Bußmann. Stuttgart, 2008.
16. Kellermann B. Die Geschichte von der verlorenen Wimper der Prinzessin // Die Traumflöte. Märchen, Grotesken, Legenden und andere nicht geheure Geschichten (1900–1945). Berlin, 1979. S. 121–128.
17. Токмаков В.Н. Келлерман Бернхард // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А.А. Сурков. М., 1962–1978. Т. 3: Иаков — Лакснесс, 1966. С. 483–485. [Электронный ресурс]. URL: <https://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke3/ke3-4831.htm> (дата обращения: 15.06.2025).
18. Философский словарь [Электронный ресурс]. URL: [https://gufo.me/dict/philosophy_dict/Величина_\(megas,_Micros\)](https://gufo.me/dict/philosophy_dict/Величина_(megas,_Micros)) (дата обращения: 10.01.2025).

REFERENCES

1. Bergel'son G. *Berngard Kellermann*. Moscow, Leningrad, *Khudozhestvennaya literatura Publ.*, 1965. (In Russ.)
2. Vaulina S.S., Bulataja E.V. Ironija kak sredstvo harakteristiki personazhev v proizvedenijah N.V. Gogolja [Irony as a means of characterization in the works of N.V. Gogol]. *Vestnik VolGU. Serija 2. Jazykoznanie* [Volgograd State University Bulletin. Series 2. Linguistik], 2019, vol. 18, no. 4, pp. 200–208. (In Russ.)
3. Vaulina S.S., Bulataja E.V. Ironija M.E. Saltykova-Shhedrina: osobennosti ironicheskoy ocenki v romane “Gospoda Golovlevy” [The irony of M.E. Saltykov-Shchedrin: features of the ironic assessment in the novel “The Golovlyov Family”]. *Slovo.ru: baltiiskij akcent* [Word.ru: Baltic accent], 2021, vol. 12, no. 4, pp. 123–136. (In Russ.)
4. Gornostaeva A.A. Ironija kak kul'turnyj i jazykovoj fenomen [Irony as a cultural and linguistic phenomenon]. *Vestnik RUDN. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Bulletin. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics], 2019, no. 10 (4), pp. 990–1002. (In Russ.)
5. Deich A. Put' Berngarda Kellermana [The Path of Berngard Kellermann]. *Voprosy literatury* [Literature questions], 1966, vol. 4, pp. 217–220. (In Russ.)
6. Dzemidok B. O komicheskom [About the comic]. Moscow, *Progrss Publ.*, 1974. 225 p. (In Russ.)
7. Klimenko I.V. Rol' ironii v kompozicii neoromanticheskogo rasskaza [The role of irony in the composition of a neo-romantic story]. *Vestnik PSTGU. Serija 3. Filologija* [PSTGU Bulletin. Series 3. Philology], 2024, vol. 78, pp. 9–19. (In Russ.)
8. Mnacakanjan K.A. Ironija i sposoby ee vyrazhenija v anglijskoj literaturnoj skazke viktorianskoj jepohi [Irony and the ways of its expression in the English literary tale of the Victorian era]. *Vestnik PSTGU. Serija 3. Filologija* [PSTGU Bulletin. Series 3. Philology], 2006, vol. 2, pp. 116–122. (In Russ.)
9. Pivoev V.M. Ironija kak fenomen kul'tury. Monografija [Irony as a cultural phenomenon. The monograph]. Petrozavodsk, *Petrozavodsk State University Publ.*, 2000. 106 p. (In Russ.)
10. Plisov E.V. Slovoobrazovatel'nye osnovy sozdanija komicheskoy metaforoy [The word-formation foundations of comic metaphor creation]. *Leksikologija i stilistika. Sovremennye tendencii razvitiya* [Lexicology and stylistics. Current development trends]. N. Novgorod, 2004, pp. 107–119. (In Russ.)
11. Propp V.Ja. Problema komizma i smeha [The problem of comedy and laughter]. Moscow, *Iskusstvo Publ.*, 1976. 186 p. (In Russ.)

12. Propp V.Ja. Morfologija skazki [Morphology of a fairy tale]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1969. 168 p. (In Russ.)
13. Propp V.Ja. Istoricheskie korni volshebnoj skazki [The historical roots of the fairy tale]. Moscow, *Illyuminator Publ.*, 2022. 522 p. (In Russ.)
14. Rizel' Je.G., Shendel's E.I. Stilistika nemeckogo jazyka [Stylistics of the German language]. Moscow, *Vysshaya shkola Publ.*, 1975. 316 p. (In Germ.)
15. Lexikon der Sprachwissenschaft / Ed. by Hadumod Bußmann. Stuttgart, *Alfred Kröner Publ.*, 2008. 816 p. (In Germ.)
16. Kellermann B. Die Geschichte von der verlorenen Wimper der Prinzessin. *Die Traumflöte. Märchen, Grotesken, Legenden und andere nicht geheure Geschichten* (1900-1945). Berlin, *Buchverlag Der Morgen Publ.*, 1979, pp. 121–128. (In Germ.)
17. Tokmakov V.N. Kellerman Bernkhard. *Kratkaya literaturnaya ehntsiklopediya* [Short literary encyclopedia] / Ed. by. A.A. Surkov. Moscow, *Sov. ehntsiklopediya Publ.*, 1962–1978, vol. 3: Iakov — Laksness, 1966, pp. 483–485. URL: <https://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke3/ke3-4831.htm> (accessed: 15.06.2025).
18. *Filosofskij slovar'*. URL: [https://gufo.me/dict/philosophy_dict/Величина_\(me-gas,_Micros\)](https://gufo.me/dict/philosophy_dict/Величина_(me-gas,_Micros)) (accessed: 10.01.2025).

Поступила в редакцию 20.05.2025

Принята к публикации 13.06.2025

Отредактирована 11.09.2025

Received 20.05.2025

Accepted 13.06.2025

Revised 11.09.2025

ОБ АВТОРАХ

Марина Геннадьевна Алексеева — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2 Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова; margennal@yandex.ru

Вера Александровна Фролова — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2 Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова; frvera@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Marina G. Alexeeva — PhD, Associate Professor, Department of Foreign Languages no. 2, Chuvash State University; margennal@yandex.ru

Vera A. Frolova — PhD, Associate Professor, Department of Foreign Languages no. 2, Chuvash State University; frvera@yandex.ru

ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ МОДЕЛИ АНАЛИЗА ТРАДИЦИОННЫХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ЯЗЫКОВЫХ СТРУКТУР И ИХ СОВРЕМЕННЫХ АДАПТАЦИЙ

О.В. Александрова, С.М. Конурбаев

*Московский университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;
ovaleksandrova@gmail.com; salavat@konurbaev.ru*

Аннотация: В статье рассматривается проблема изучения фольклорных языковых структур, начиная от традиционных сюжетов и заканчивая современными киноадаптациями. Актуальность исследования связана с неугасающим интересом к фольклору в современном обществе, в частности в кинематографической среде, находящейся в непрерывном поиске неизбитых и одновременно понятных зрителю сюжетов. Значительная часть статьи посвящена подробному изучению существующих систем классификации и анализа фольклорных текстов, на прочном фундаменте которых основывается предлагаемая модель отслеживания трансформаций, происходящих в фольклоре. Включающая как черты новаторства, так и опыт традиционной фольклористики, представленная модель содержит в себе четыре когнитивные стадии (наблюдение, рационализация, категоризация и метафоризация), позволяющие анализировать изменения в восприятии фольклора в данный момент в данной цивилизации, объяснять и предсказывать успешность тех или иных сюжетов.

Ключевые слова: фольклор; когнитивные стадии; наблюдение; категоризация; рационализация; метафоризация; киноадаптация

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-05-10

Для цитирования: Александрова О.В., Конурбаев С.М. Опыт построения когнитивной модели анализа традиционных фольклорных структур и их современных адаптаций // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 5. С. 117–130.

AN EXPERIENCE IN CONSTRUCTING A COGNITIVE MODEL FOR ANALYZING TRADITIONAL FOLKLORE LANGUAGE STRUCTURES AND THEIR MODERN ADAPTATIONS

Olga V. Aleksandrova, Salavat M. Konurbaev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; ovalessandrova@gmail.com; salavat@konurbaev.ru

Abstract: The article is dedicated to the problem of studying folklore structures, including traditional plots and modern film adaptations. In today's society, this paper is particularly relevant due to the undying interest in folklore, especially in the film industry, which is in constant search of original and at the same time audience-friendly stories. A large portion of the article is dedicated to a detailed study of the existing systems of classification and analysis of folklore texts, which the proposed model of tracking transformations occurring in folklore is based on. The model, incorporating both the features of innovation and the experience of traditional folklore studies, comprises four cognitive stages (observation, rationalization, categorization and metaphorization). This provides an opportunity to analyze changes in the perception of folklore in a given civilization at any moment, as well as to explain and forecast the success of various storylines.

Keywords: folklore; cognitive steps; observation; categorization; rationalization; metaphorization; film adaptation

For citation: Aleksandrova O.V., Konurbaev S.M. (2025) An Experience in Constructing a Cognitive Model for Analyzing Traditional Folklore Structures and Their Modern Adaptations. *Lomonosov Philology Journal. Series 9*, no. 5, pp. 117–130.

Научный интерес к фольклору пробуждается на рубеже XVIII–XIX вв. и получает свое развитие в русле развиваемых сторонниками романтизма идей о самосознании нации, уникальности языка и культуры каждого народа. Первым теоретическим направлением фольклористики становится мифологическая школа, возникшая в начале XIX в. на базе воззрений немецких философов и писателей-романтиков: Ф.В. Шеллинга, братьев А.В. Шлегеля и Ф. Шлегеля, К. Брентано, А. фон Арнима, Й. Гёппеса, братьев Я. Гримм и В. Гримм. В это время предпринимаются первые попытки собирания и объединения устного народного творчества: «Волшебный рог мальчика» (1806–1808) [Волшебный рог мальчика 2024], «Детские и семейные сказки» («Сказки братьев Гримм», 1812) [Сказки братьев Гримм 2012]. Издается фундаментальное исследование Я. Гримм — «Германская мифология» (1835) [Гримм 2018]. Мифологическая школа получила распространение во многих странах, во второй

половине XIX в. ее последователями были М. Мюллер и Дж. Кокс (Великобритания); А. де Губернатис (Италия), М. Бреаль (Франция), А. Пикте (Швейцария). В России виднейшими представителями школы в 1840–1850-х гг. были А.Н. Афанасьев, выдающийся собиратель русского фольклора («Народные русские сказки», 1855–1863) [Народные русские сказки А.Н. Афанасьева, 1957–1958], автор трехтомного труда «Поэтические воззрения славян на природу» (1865–1869) [Афанасьев, 1994], и Ф.И. Буслаев, изложивший свои взгляды в работе «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» (1861) [Буслаев 1861]. Представители этого течения, независимо от их толкования происхождения мифа (существовали метеорологическая, солярная, демонологическая и др. теории), видели основу древней мифологии в идее обожествленной природы. Под влиянием мифологической школы написаны работы А.Н. Веселовского («Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса», 1868 [Веселовский 2010a]; «Сравнительная мифология и ее метод» (1873) [Веселовский 2010b] и А.А. Потебни («Из записок по теории словесности», 1874) [Потебня 1905] и др.

В противовес мифологической школе во второй половине XIX в. появляется антропологическая, объясняющая сюжетную схожесть фольклора разных народов единством биологической природы человека. Ее крупнейшие представители — англичане Э.Б. Тайлор и Дж. Фрейзер — были сторонниками теории самозарождающихся сюжетов. В дальнейшем сходные идеи будут развиваться американской этнопсихологической школой и школой Д.Н. Овсянико-Куликовского в России. В начале XX в. фольклористика развивается под влиянием психоаналитических теорий: мифы и сказки начинают пониматься как отражение архетипического коллективного бессознательного (европейская неомифологическая и американская магически-ритуалистическая школы). Противопоставлена перечисленным концепциям историческая школа, стремившаяся объяснить русский фольклор через историю. Ее сторонники (В.Ф. Миллер, А.В. Марков, С.К. Шамбинаго и др.) сопоставляли реальные события с сюжетами и искали прототипы сказочных образов. С середины XX в. определяющим для фольклорной науки становится структурализм: в отечественной науке в этом русле написаны работы В.Я. Проппа («Морфология сказки» (1928) [Пропп 1928]; «Исторические корни волшебной сказки» (1946) [Пропп 1986]), Д.К. Зеленина («Восточнославянская этнография» (1927) [Зеленин 1991]), А.П. Скафтымова («Поэтика и генезис былин» (1924) [Скафтымов 1924]), Е.М. Мелетинского («Миф и сказка» (1970) [Мелетинский 1998]; «Структура волшебной сказки» [Мелетинский 2001]), С.Ю. Неклюдова («О некоторых аспектах исследования фольклорных моти-

вов» (1984) [Неклюдов, 1984]) и др. Под воздействием структурализма развиваются тенденции к категоризации и осмыслению фольклора с точки зрения соответствия мотивов и сюжетов объединяющим их схемам.

Уже у истоков фольклористики отмечается стремление исследователей к классификации мифологических и сказочных сюжетов. Так, в первом издании «Народных русских сказок» А.Н. Афанасьева еще не вводится тематическое деление, а во втором, вышедшем посмертно в 1873 г., присутствует разграничение по разделам: сказки о животных, волшебные сказки, новеллистические, бытовые сатирические сказки и анекдоты [Афанасьев 1873]. Однако отсутствие методологической точности, значительная доля субъективизма, а подчас и неверное толкование фольклорных сюжетов под воздействием идей мифологической школы, приводит к невысокой оценке трудов исследователей этого периода более поздними учеными: отмечается, что теории Гримма, Шварца и М. Мюллера доведены А.Н. Афанасьевым до крайности, а в своих работах «он не всегда разграничивает объективное изложение фактов и собственные субъективные выводы» [Зеленин 1991: 13–14]. Аналогичную оценку получают и небольшие, посвященные мифу и мифологии труды А.А. Потебни [Зеленин 1994: 14]. Однако именно сборник русских сказок А.Н. Афанасьева послужил материалом для составленного в 1910 г. А.А. Аарне «Указателя сказочных типов» [Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне, 1929], на русский язык переведенного, с дополнениями и расширениями, в 1929 г. Н.П. Андреевым. Однако представленная классификация была лишена достаточной научной базы: в ней не разграничены понятия «сюжет» и «мотив», не уделено внимания функциям мотивов. Гораздо более детальному осмыслению подвергнута терминология фольклористики в трудах А.Н. Веселовского, говорившего о необходимости «...построить морфологию сказки» [Веселовский 1940а: 459] и понимавшего под мотивом «простейшую повествовательную единицу, образно ответившую на разные запросы первобытного ума или бытового наблюдения» [Веселовский, 1940б: 500], а под сюжетом — «тему, в которой снуют разные положения-мотивы» [Веселовский, 1940б: 500]. При этом признаком мотива по А.Н. Веселовскому служит «его образный одночленный схематизм» [Веселовский 1940а: 494] — формула $a+b$: например, «злая старуха не любит красавицу — и задает ей опасную для жизни задачу» [Веселовский 1940а: 495]. Приращение к компоненту b (увеличение числа задач или испытаний на пути героя) приводило к расширению мотива до сюжета. Постепенно механизм построения сюжета осмыслялся, становился сознательным, а сюжет сказки превращался в «акт творчества» [Веселовский

1940а: 495]. Выстраивание морфологии волшебной сказки во многом удалось реализовать В.Я. Проппу, выделившему тридцать одну функцию, реализуемую действующими лицами, которых, в свою очередь, семь — герой, вредитель, отправитель, даритель, волшебный помощник, царевна, ложный герой. Однако, как отмечают исследователи [Аникин 1985: 181–188], предложенная классификация имеет существенные недостатки, игнорирует художественную природу изучаемого материала [Аникин 1985: 182] и не может выступать критерием, определяющим жанр: под указанную схему подходят не только волшебные сказки, но и сказки о животных, и некоторые другие. По замечанию В.П. Аникина, «изучение какой-либо сказки обязывает к анализу вариантов, к анализу той динамики, которая, однако, обнаруживает и статичность, границы, пределы возможных колебаний» [Аникин 1985: 185]. Однако неоспоримым преимуществом работы В.Я. Проппа является акцент на синхроническом описании, которое, по мнению Е.М. Мелетинского, должно предшествовать диахроническому [Мелетинский 2001: 164]. Проблема осмысления структуры фольклорного произведения вне отрыва от его художественного единства по-прежнему стоит перед исследователями-фольклористами, но теперь в еще более сложном виде, требующем анализа не только первоначального фольклорного текста, но и его кинематографической интерпретации.

В связи с этим мы считаем необходимой разработку новой методологии исследования традиционных фольклорных текстов и их синхронических и диахронических интерпретаций — вплоть до современных экранных форм, — которая помогла бы нам сравнительно исследовать модификации и интерпретации фольклорных текстов через призму междисциплинарных подходов, включая культурологию, антропологию и философию. Такая методология могла бы обогатить подход к фольклору, предоставив возможность увидеть его как живую, динамичную систему, феноменологически взаимодействующую с человеком и обществом.

Фольклор, являясь живым языковым представлением когнитивной системы цивилизации, испытывает постоянное влияние со стороны меняющегося мировоззрения тех, кто его создает, передает и переосмысляет. Представление о фольклоре как о статичной, оставшейся глубоко в веках устной традиции, знакомство с которой возможно только по сборникам сказок или легенд, ведет к искажению восприятия значимости фольклорной традиции в современном мире. В действительности фольклор — непрерывно развивающаяся и преобразующаяся система познания мира, яркое свидетельство человеческого стремления создавать, делиться и интерпретировать истории, верования и обычаи, отражающие коллективный опыт

сообщества. Важно понимать, что в фольклоре «удерживаются только такие формы, которые для данного коллектива оказываются функционально пригодными» [Богатырев, Якобсон 1971: 372], фольклорные произведения, в отличие от индивидуально-авторских, подвергаются непрерывной «предварительной цензуре коллектива» [Богатырев, Якобсон 1971: 372]: все, что непонятно коллективу, обречено на гибель. А. Дандес, рассуждая о взаимодействии фольклора и истории, замечает: «Важно, что происходило на самом деле, но не менее важно, как люди представляют себе то, что происходило, или каким бы они хотели представить себе происходившее» [Дандес 2003б: 85]. Одной из важнейших трансформаций, произошедших с фольклором в современном мире, становятся анимационные адаптации, в которых известные сюжеты получают новое прочтение. Однако происходящие трансформации не являются бессистемными и непредсказуемыми, а происходят по определенным законам, часть из которых может быть описана при помощи модели когнитивной трансформации, состоящей из четырех компонентов: наблюдения, рационализации, категоризации и метафоризации.

Модель когнитивной трансформации представляет собой органичное дополнение четырех философских столпов, на которые исторически опирается фольклор: онтология, эпистемология, аксиология и телеология. Именно этими гранями философии очерчен «портрет» каждой цивилизации: они демонстрируют принятые у данного народа в данный момент времени механизмы восприятия реальности, накопления знания, ценностные ориентиры и цели. Однако фольклор — не просто абстрактное отражение этих категорий, но и динамично трансформирующаяся система, показывающая, как культуры смещаются по спектру между рационализацией и метафоризацией. Этот спектр, как мы предлагаем, может быть уточнен до когнитивной модели, включающей в себя наблюдение, рационализацию, категоризацию и метафоризацию. Учеными в области фольклористики было разработано большое количество теоретических подходов — структурный, функциональный, психоаналитический, ориентированный на результативность, и когнитивный, проливающий свет на природу этих общественных нарративов. В настоящей статье предлагается рассмотрение когнитивной модели, отражающей переход рассказчиков от простой фиксации эмпирического опыта к высокосимволическому выражению.

Рассмотрим подробнее каждый из компонентов, или когнитивных стадий, предлагаемой нами модели:

Наблюдение (Observation) — это непосредственное эмпирическое утверждение, создающее сюжет (сценарий). На этапе наблюде-

ния не делается заявлений о сверхъестественном; это просто констатация того, что было замечено или что произошло.

Например, в ирландской сказке о привидениях, записанной Генри Глэсси, рассказчик может начать со слов: «Я шел домой в сумерках и увидел свет, танцующий за старым каменным забором». Такого рода заявления звучат как прямой рассказ очевидца — простой и почти «журналистский».

Рационализация (Rationalization) — это причинно-следственное или моральное истолкование феномена, объединяющее местные верования о духах, табу или космической справедливости.

В терминах В.Я. Проппа рационализация иногда соответствует нарративным «функциям», под которыми понимается «поступок действующего лица, определенный с точки зрения его значимости для хода действия» [Пропп 1928: 30–31]. Например, функция «недостача»: «одному из членов семьи чего-либо не хватает, ему хочется иметь что-либо» [Пропп 1928: 45]. Причинно-следственная логика служит развитию сюжета и отражает представления сообщества о взаимодействии сверхъестественного и повседневного.

Категоризация (Categorization) — это отнесение явления к определенному типу или классификации. Сказка, обозначенная таким образом, вписывается в более широкий круг признанных мотивов, например в систему мотивного индекса Стита Томпсона или классификацию народных сказок Аарне — Томпсона — Утера (ATU) [Uther 2004]. Благодаря категоризации повествование вписывается в ряд известных сюжетов и приобретает особую значимость, вплетаясь в культурную «таксономию» легенд, рассказов о привидениях, ведьмах или трикстерах. Например, огни относятся к категории «историй о блуждающих огоньках», или это событие — явление «заблудшей души».

Метафоризация (Metaphorization) — это процесс наращивания символического смысла истории. Метафора в фольклоре превращает повседневные наблюдения в выражения коллективной идентичности, экзистенциального размышления или моральной доктрины. Например, огни символизируют беспокойный дух наших предков. Непочитание их указывает на потерю связи человека со своей родословной. Местный призрачный свет становится метафорой памяти о предках, моральной ответственности или космической справедливости.

Механизм действия описываемой нами модели, которую для краткости будем называть О–Р–С–М (Observation–Rationalization–Categorization–Metaphorization), можно продемонстрировать на примере описания леса в сказках. Лес может быть «просто лесом» (наблюдение). Однако по мере развития сюжета лес становится

«опасным, потому что он проклят» (рационализация), классифицируется как «дикое место за пределами цивилизации» (категоризация) и, наконец, может обозначать символическую область бессознательного — место столкновения героя со своими страхами (метафоризация).

В основе предлагаемой нами модели лежит комплексный анализ фольклорного текста, те или иные элементы которого неоднократно применялись учеными-фольклористами. А. Дандес не раз отмечал, что в одной и той же истории можно выделить несколько когнитивных уровней, позволяющих сочетать буквальные события с их символическим подтекстом. Так, интерпретируя английскую городскую легенду о Кровавой Мэри и «исчезающем хичхайкере» как «нарратив моралистического характера, как рассказ-предостережение» [Дандес 2003а: 243], А. Дандес видит в этих историях символически представленный процесс превращения девочки в женщину: «Девушка, путешествующая автостопом, то есть позволяющая “подвезти” себя совершенно незнакомому человеку (мужчине), подвергается риску лишиться девственности...» [Дандес 2003а: 243–244]. Л. Дег в книге *Narratives in Society* (1995) [Dégh 1995: 401] размышляет о многозначной природе легенд: начиная свое развитие от первоначального свидетельства (наблюдения), они быстро обрастают причинно-следственными, моральными и символическими слоями.

Независимо от исследуемого материала эксперты в области фольклора становятся наблюдателями процесса движения от изложения фактов к объяснению, затем — к более широкой категоризации и, наконец, к метафорической интерпретации, находящей отклик в культуре. Внедрение этого четырехэтапного процесса редко осознается рассказчиками и слушателями: он происходит органично, часто на протяжении поколений. Тем не менее, его сознательное отслеживание позволяет нам увидеть путь взаимодействия сообщества с неизвестным и трансформацию мимолетных переживаний в повествовательную константу. Более старые научные теории, такие как структурный анализ В.Я. Проппа («Морфология сказки», 1928 [Пропп 1928]) и функциональный подход Б. Малиновского (*Myth in Primitive Psychology*, 1926 [Malinowski 1971]), отражали только часть картины. Их концепции не всегда объясняют, как происходит усвоение фольклорным корпусом нового опыта и происходящих аномалий.

Движение от наблюдения к объяснению, затем к классификации и, наконец, к символической или мифической интерпретации лежит в основе бесчисленных произведений фольклора, начиная от мифов о древних божествах и заканчивая «*крипипастой*», получившей широкое распространение в социальных сетях. Так, в «Красной шапочке» маленькая девочка должна навестить свою бабушку, взяв

с собой корзинку с едой (наблюдение), при этом ей запрещено сходить с дороги, потому что в лесу притаился волк, представляющий реальную (и моральную) опасность (рационализация). С точки зрения классификации, волк относится к персонажам-трикстерам или хищникам в сказках. На метафорическом уровне он символизирует обман, сексуальное хищничество и опасности, связанные с невинностью. На протяжении веков «Красная шапочка» трактовалась как аллегория утраченной невинности, опасностей подросткового возраста или даже запретных социальных границ. Точно такой же когнитивно-лингвистический механизм формирует фольклорный феномен, лежащий в основе *крипинасты* о «Слендермене»: история получает развитие из сообщений о высокой фигуре без лица в лесу (наблюдение), слухов о похищении детей, которым одиноко и страшно (рационализация). В новом лексиконе *крипинасты* Слендермен классифицируется как навязчивое существо, сродни призраку/демону. Безликий, скрывающийся в цифровом или психологическом пространстве, Слендермен становится метафорой подростковых тревог, выражающих первобытный страх социальной изоляции или отчуждения.

Применение подхода О–R–С–М позволяет связать, на первый взгляд, далекие друг от друга явления, фольклор «начала времен» и современный кинематограф, — и продемонстрировать эволюцию человеческого менталитета от раннего донаучного чуда к сегодняшним глобальным франшизам поп-культуры. В основе древних знаний и современных голливудских блокбастеров лежит общая прогрессия: от наблюдения к метафоризации. Первобытное общество, сталкиваясь с плохо объяснимыми явлениями природы и странным поведением животных, стремилось рационализировать наблюдаемое доступными способами: гром мог быть колесами колесницы небесного бога, затмение — указывать на всепожирающего демона, необъяснимая болезнь могла быть вызвана оскорбленным духом. Идентифицируя и группируя богов, фигуры обманщиков или чудовищных существ, более ранние культуры заложили основу для ментальной библиотеки архетипов. На стадии метафоризации исходные данные и объяснительные рамки стали мощными символами, часто используемыми для изучения вопросов морали, социальных норм и космической справедливости. Древние эпосы, такие как «Гильгамеш» или «Махабхарата», не просто повествовали о событиях, но раскрывали аллегорический смысл хрупкости жизни, связи между людьми и божественным началом. Мифы структурировали реальность, придавая ценность повседневному опыту.

Всплеск интереса к фольклору в XIX в. объясняется стремлением сохранить угасающую в эпоху индустриализации и развития науки

устную культуру. В это время произошел сдвиг в восприятии каждой из стадий О–R–С–М-модели. Старинные обычаи и ритуалы подвергаются массовой рационализации: создаются архивы и сборники; теологическая интерпретация метафор замещается психологической.

С появлением кинематографа в XX в. фольклор превращается в источник сюжетов, готовых к адаптации на киноэкранах. В качестве примеров можно упомянуть ранние мультипликационные фильмы Уолта Диснея «Белоснежка» (1937), «Золушка» (1950) и «Спящая красавица» (1959), которые тоже соответствуют схеме. Вневременные человеческие переживания (страх, любовь, предательство) получают обоснование (через магические проклятия, королевские родословные, героические судьбы), а затем подвергаются категоризации (сказочная принцесса, злая мачеха, принц) и метафоризации, затрагивающей вечные ценности (сила невинности, неотвратимость правосудия), вызывающие у зрителя чувство сопричастности традиционному мировоззрению.

Переход от «древних времен» к эпохе изучения фольклора, а затем к кинематографической эпохе не влечет за собой фундаментального сдвига в психических процессах. Модель О–R–С–М по-прежнему функционирует как направляющая и определяющая творческий процесс. Замечая нечто экстраординарное, человек изобретает причины, по которым оно могло бы существовать, а затем классифицирует его наряду с подобными явлениями и, наконец, использует для объяснения наиболее актуальных вопросов: морали, судьбы, веры. Таким образом, процессы, которые были основой повседневной жизни в дописьменных обществах, к концу XIX в. стали обсуждаться в академических кругах, а в современном мире превратились в удачные коммерческие проекты.

В качестве заключительного примера рассмотрим, как может быть применена О–R–С–М-модель для анализа предпосылок успеха «Гарри Поттера».

1) **Наблюдение.** В 1960–1990-х гг. в Великобритании возрождается интерес к детской литературе, объединяющей фантастические и реалистические черты (в качестве примера можно привести сказочную повесть «Чарли и шоколадная фабрика» Р. Даля (1964) [Dahl 1964] или фантастический роман «Ходячий замок» британской писательницы Д.У. Джонс (1986) [Jones 1986]. Магия, проникающая в повседневную жизнь, становится способом побега от социально-экономического давления, доминирования технологий и культуры всеобщего потребления.

2) **Рационализация.** Дж.К. Роулинг и ее предшественники выстраивают «магический мир» по модели реального мира: существу-

ет параллельная человеческой бюрократия для магии: министерства, школы с учебными планами и т. п. Так у магии появляется рациональный фундамент.

3) **Категоризация.** История Дж.К. Роулинг напоминает уже известные читателю сюжеты о школах-интернатах и приключениях детей («Школьные годы Тома Брауна» Т. Хьюза (1857) [Hughes 1857], рассказы Э. Блайтон: например, «Великолепная пятерка» (1942) [Blyton 1942]).

4) **Метафоризация.** Хоргвартс — это своеобразная метафора процесса взросления, сопровождающегося формированием идентичности, моральным выбором, переживанием подростковых страхов. Конфликт Гарри Поттера и Волан-де-Морта символизирует протест против тирании, что отражает британское самовосприятие времен Второй мировой войны, а противопоставление «чистокровных» «маглорожденным» отражает существующие социальные проблемы (классовое неравенство, расизм и т. п.).

Таким образом, во всех четырех элементах О–R–C–M-модели популярность «Гарри Поттера» обусловлена социальными и культурными реалиями и удовлетворяет общественный и культурный запрос на магические истории.

Несмотря на то, что фольклор перестал быть неотъемлемой частью жизни, он остается убедительным и понятным для нас, так как неизменным остался процесс осмысления и восприятия: допуская, что мир может содержать больше, чем кажется, мы переосмыслием наблюдаемые явления, обнаруживая в них известные архетипы, и получаем символическое вознаграждение — удовлетворение наших экзистенциальных потребностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аникин В.П. Принципы жанрово-тематической классификации и архивной систематизации сказок // Русский фольклор. Вып. 23. 1985.
2. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: В 4 кн. М., 1873.
3. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1994.
4. Богатырев П.Г., Якобсон Р.О. Фольклор как особая форма творчества // Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С. 369–383.
5. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: В 2 т. СПб., 1861.
6. Веселовский А.Н. Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса // А.Н. Веселовский. Избранное. На пути к исторической поэтике. М., 2010. С. 79–166.
7. Веселовский А.Н. Из лекций по истории эпоса // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 446–493.
8. Веселовский А.Н. Поэтика сюжетов // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 493–597.

9. Веселовский А.Н. Сравнительная мифология и ее метод / Веселовский А.Н. Избранное. На пути к исторической поэтике. М., 2010. С. 167–211.
10. Волшебный рог мальчика: старинные немецкие песни, собранные Ахимом фон Арнимом и Клеменсом Брентано / Пер. с нем. С. Городецкого. СПб., 2024.
11. Гримм Я. Германская мифология: В 3 т. / Пер. с нем. Д. С. Колчигина. М., 2018.
12. Дандес А. Кровавая Мэри в зеркале: ритуал и половое созревание // Фольклор: семиотика и/или психоанализ / Пер. с англ. А. С. Архиповой и др. М., 2003. С. 231–248.
13. Дандес А. Проекция в фольклоре: в защиту психоаналитической семиотики // Фольклор: семиотика и/или психоанализ / Пер. с англ. А. С. Архиповой и др. М., 2003. С. 72–108.
14. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография / Пер. с нем. К. Д. Цивинной. М., 1991.
15. Мелетинский Е.М. Миф и сказка // Избранные статьи. Воспоминания. М., 1998. С. 284–296.
16. Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М. Структура волшебной сказки. М., 2001.
17. Мелетинский Е.М. Структурно-типологическое изучение сказки // Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М. Структура волшебной сказки. М., 2001. С. 163–199.
18. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. М., 1957–1958.
19. Неклюдов С.Ю. О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов / под ред. Б. Н. Путилова. Л., 1984. С. 221–229.
20. Потебня А.А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.
21. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
22. Пропп В. Я. Морфология сказки. Л., 1928.
23. Сказки братьев Гримм: В 2 т. / Пер. с нем. М., 2012.
24. Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин. Саратов; М., 1924.
25. Указатель сказочных сюжетов по системе Ааарне. Л., 1929.
26. Blyton E. Five on a Treasure Island. London, 1942.
27. Dahl R. Charlie and the chocolate factory. New York, 1964.
28. Dégh L. Narratives in Society: A Performer-Centered Study of Narration. Folklore Fellows' Communications. Helsinki, 1995.
29. Hughes T. Tom Brown's Schooldays. Cambridge, 1857.
30. Jones D.W. Howl's Moving Castle. New York, 1986.
31. Malinowski B. Myth in Primitive Psychology. New York, 1971.
32. Uther H.-J. The types of international folktales. A classification and bibliography. Parts I–III. Helsinki, 2004.

REFERENCES

1. Anikin V.P. *Printsipy zhanrovo-tematicheskoy klassifikatsii i arkhivnoy sistematizatsii skazok* [Principles of genre-thematic classification and archival systematization of fairy tales]. Russkiy fol'klor. Ed. 23, 1985. (In Russ.)
2. Afanas'ev A.N. *Narodnye russkie skazki* [Folk Russian tales]. Moscow, 1873 (In Russ.)
3. Afanas'ev A.N. *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu* [Poetic views of the Slavs on nature]. Moscow, 1994. (In Russ.)
4. Bogatyrev P.G., Yakobson R.O. *Fol'klor kak osobaya forma tvorchestva*. Bogatyrev P.G. Voprosy teorii narodnogo tvorchestva [Folklore as a special form of creativity.

- Bogatyrev P.G. Questions of the theory of folk art]. Moscow, 1971, pp. 369–383. (In Russ.)
5. Buslaev F.I. *Istoricheskie ocherki russkoy narodnoy slovesnosti i iskusstva* [Historical essays on Russian folk literature and art]. St. Petersburg, 1861. (In Russ.)
 6. Veselovskiy A.N. *Zamетки i somneniya o sravnitel'nom izuchenii srednevekovogo eposa*. A.N. Veselovskiy. Izbrannoe. Na puti k istoricheskoy poetike [Notes and doubts about the comparative study of the medieval epic. A.N. Veselovsky. Favourites. On the way to historical poetics]. Moscow, 2010, pp. 79–166. (In Russ.)
 7. Veselovskiy A.N. *Iz lektii po istorii eposa*. Veselovskiy A.N. Istoricheskaya poetika. [From lectures on the history of the epic. Veselovsky A.N. Historical poetics]. Leningrad, 1940, pp. 446–493. (In Russ.)
 8. Veselovskiy A.N. *Poetika syuzhetov*. Veselovskiy A.N. Istoricheskaya poetika. [Poetics of plots. Veselovsky A.N. Historical Poetics]. Leningrad, 1940, pp. 493–597. (In Russ.)
 9. Veselovskiy A.N. *Sravnitel'naya mifologiya i ee metod*. A.N. Veselovskiy. Izbrannoe. Na puti k istoricheskoy poetike. [Comparative mythology and its method. A.N. Veselovsky. Selected works. On the way to historical poetics]. Moscow, 2010, pp. 167–211. (In Russ.)
 10. *Volshebnyy rog mal'chika: starinnye nemetskie pesni, sobrannyye Akhimom fon Arnimom i Klemensom Brentano* [The magic horn of a boy: ancient German songs collected by Achim von Arnim and Clemens Brentano]. S. Gorodetskiy (trans.). St. Petersburg, 2024. (In Russ.)
 11. Grimm Ya. *Germanskaya mifologiya* [Germanic mythology]. D.S. Kolchigin (trans.). Moscow, 2018. (In Russ.)
 12. Dandes A. *Krovavaya Meri v zerkale: ritual i polovoe sozrevanie*. Fol'klor: semiotika i/ili psikhooanaliz [Bloody Mary in the mirror: ritual and puberty. Folklore: semiotics and/or psychoanalysis]. A.S. Arkhipova (trans.). Moscow, 2003, pp. 231–248. (In Russ.)
 13. Dandes A. *Proektsiya v fol'klоре: v zashchitu psikhooanaliticheskoy semiotiki*. Fol'klor: semiotika i/ili psikhooanaliz [Projection in folklore: in defense of psychoanalytic semiotics. Folklore: semiotics and/or psychoanalysis]. A.S. Arkhipova (trans.). Moscow, 2003, pp. 72–108. (In Russ.)
 14. Zelenin D.K. *Vostochnoslavvanskaya etnografiya* [East Slavic ethnography]. K.D. Tsvina (trans.). Moscow, 1991. (In Russ.)
 15. Meletinskiy E.M. *Mifi skazka*. Izbrannyye stat'i. Vospominaniya [Myth and fairy tale. Selected articles. Memoirs]. Moscow, 1998, pp. 284–296.
 16. Meletinskiy E.M., Neklyudov S.Yu., Novik E.S., Segal D.M.. *Struktura volshebnoy skazki* [The structure of a fairy tale]. Moscow, 2001. (In Russ.)
 17. Meletinskiy E.M. *Strukturno-tipologicheskoe izucheniye skazki*. Meletinskiy E.M., Neklyudov S.Yu., Novik E.S., Segal D.M., *Struktura volshebnoy skazki* [Structural and typological study of a fairy tale. Meletinsky E.M., Neklyudov S.Yu., Novik E.S., Segal D.M. The structure of a magical tale]. Moscow, 2001, pp. 163–199. (In Russ.)
 18. *Narodnye russkie skazki* A.N. Afanas'eva [Folk Russian tales by A.N. Afanasyev]. Moscow, 1957–1958. (In Russ.)
 19. Neklyudov S.Yu. *O nekotorykh aspektakh issledovaniya fol'klornykh motivov. Fol'klor i etnografiya: U etnograficheskikh istokov fol'klornykh syuzhetov i obrazov* [On some aspects of the study of folklore motifs. Folklore and ethnography: At the ethnographic origins of folklore plots and images]. B.N. Putilov (ed.). Leningrad, 1984, pp. 221–229. (In Russ.)
 20. Potebnya A.A. *Iz zapisok po teorii slovesnosti* [From notes on the theory of literature]. Kharkov, 1905. (In Russ.)

21. Propp V.Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [Historical roots of a magical fairy tale]. Leningrad, 1986. (In Russ.)
22. Propp V.Ya. *Morfologiya skazki* [Morphology of a fairy tale]. Leningrad, 1928. (In Russ.)
23. *Skazki brat'ev Grimm* [Tales of the brothers Grimm]. Moscow, 2012. (In Russ.)
24. Skaftymov A.P. *Poetika i genezis bylin* [Poetics and genesis of epics]. Saratov; Moscow, 1924. (In Russ.)
25. *Ukazatel' skazochnykh syuzhetov po sisteme Aarne* [Index of fairy-tale plots according to the Aarne system]. Leningrad, 1929. (In Russ.)
26. Blyton E. *Five on a Treasure Island*. London, 1942.
27. Dahl R. *Charlie and the Chocolate Factory*. New York, 1964.
28. Dégh L. *Narratives in Society: A Performer-Centered Study of Narration. Folklore Fellows' Communications*. Helsinki, 1995.
29. Hughes T. *Tom Brown's Schooldays*. Cambridge, 1857.
30. Jones D.W. *Howl's Moving Castle*. New York, 1986.
31. Malinowski B. *Myth in Primitive Psychology*. New York, 1971.
32. Uther H.-J. *The Types of International Folktales. A Classification and Bibliography. Parts I–III*. Helsinki, 2004.

Поступила в редакцию 21.04.2025

Принята к публикации 27.05.2025

Отредактирована 07.09.2025

Received 21.04.2025

Accepted 27.05.2025

Revised 07.09.2025

ОБ АВТОРАХ

Ольга Викторовна Александрова — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английского языкознания, зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по научной работе; ovaleksandrova@gmail.com

Салават Маркленович Конурбаев — аспирант, кафедра английского языкознания, филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова; salavat@konurbayev.ru

ABOUT THE AUTHORS

Olga V. Aleksandrova — Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of English Linguistics, Deputy Dean for Research, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; ovaleksandrova@gmail.com

Salavat M. Konurbayev — post-graduate student, Department of English Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; salavat@konurbayev.ru

ДЕФЕКТНЫЕ СТРОКИ В НАРОДНОМ СИЛЛАБО-ТОНИЧЕСКОМ СТИХЕ: СЛУЧАЙНОСТЬ ИЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ?

А.М. Петров

*Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра
Российской академии наук, Петрозаводск, Россия; hermitage2005@yandex.ru*

Аннотация: В статье на материале русских духовных стихов поздней традиции выявляются и рассматриваются основные типы метрических отклонений от строгой силлабо-тонической схемы. В центре внимания — вопрос о случайности или закономерности появления дефектных строк в фольклоре. Кратко представлена историография проблемы, приведены некоторые определения, при помощи которых в научной традиции обычно описываются строки подобного вида. Материал исследования — духовные стихи, созданные по модели четырехстопного хорей и четырехстопного ямба, обычно с перекрестной рифмой. Всего исследовано 4762 строки хорей и 969 строк ямба: хореические ритмы в народном стихе существенно преобладают. Установлено, что количество дефектных строк не превышает 6,6 % для хорей и 7,5 % для ямба, т. е. мера расшатывания стиха ограничена определенными пределами. При этом существуют две тенденции, в русле которых деформируется стих: 1) варьирование анакрузы в двусложном метре и 2) трансформация силлабо-тонического метра в тонический, с преобладанием дольниковых вариаций. Вторая тенденция выражена интенсивнее. Установлены способы деформации исходного метра: изменение слогового объема строк (с варьированием анакрузы и междуиктовых интервалов) и акцентной структуры стиха. Выявлено незначительное количество строк, подвергшихся полному разрушению, с затмением смысла. Метрические деформации трактуются нами как проявление устности и вариативности фольклорного текста, его сущностной неопределенности. Технические сбои носят *случайный* характер, но это не художественный недостаток, а *закономерное* свойство фольклорной поэтики, один из маркеров народной культуры, в которой не только образ или мотив, но и стиховая структура могут бытовать в более свободном виде, чем в «правильном» классическом стихотворении.

Ключевые слова: стиховедение; фольклор; народный стих; силлабо-тонический стих; хорей; ямба; духовные стихи; дефектные строки; гетероморфный стих

Финансирование: Статья подготовлена в Карельском научном центре РАН в рамках работы по госзаданию.

Для цитирования: Петров А.М. Дефектные строки в народном силлабо-тоническом стихе: случайность или закономерность? // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 5. С. 131–143.

DEFECTIVE LINES IN FOLK SYLLABIC-ACCENTUAL VERSE: ACCIDENT OR REGULARITY?

Alexander M. Petrov

Institute of Linguistics, Literature, and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia; hermitage2005@yandex.ru

Abstract: In the paper, I identify and examine the main types of metrical deviations from the strict syllabic-accentual scheme using the materials of Russian spiritual verses of the late tradition. The focus of the presented study is on the question of whether the appearance of defective lines in folklore is random or regular. I give a brief overview of the historiography of the subject and mention some definitions, usually used by scholars in regard to this kind of verse lines (i.e. defective lines). The research material is spiritual verses in the form of trochaic tetrameter and iambic tetrameter, usually with cross rhyme. A total of 4,762 trochaic lines and 969 iambic lines were studied: trochaic rhythms significantly predominate in folk verse. As far as I could discover, the number of defective lines does not exceed 6.6% for trochee and 7.5% for iamb, i.e. the extent of the verse's loosening is limited to a certain range. There are two tendencies in deformation of verse: 1) the variation of anacrusis in a disyllabic meter and 2) the transformation of the syllabic-accentual meter into an accentual one, with a predominance of “dol’nik” variations. The second trend is expressed more intensely. Also, I identified methods of deformation of the original meter: changing 1) the number of syllables in lines (with variation of anacrusis and inter-ictic intervals) and 2) the accentual structure of the verse. In addition to this, I found a small number of completely destroyed lines, with obscure meaning. I interpret metrical deformations as a manifestation of variability of folklore, of its essential uncertainty. Technical failures are *random*, but this is not a simple flaw; this is a *regular property* of folk poetics, one of the features of folk culture.

Keywords: versification; folklore; folklore verse; syllabic-accentual verse; trochee; iamb; spiritual verses; defective lines; heteromorphic verse

Funding: The paper was written as part of the state task assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Petrov A.M. (2025) Defective Lines in Folk Syllabic-Accentual Verse: Accident or Regularity? *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 131–143.

1. Постановка проблемы. Материал исследования

Один из внешних признаков народного силлабо-тонического стиха — наличие строк, которые «выпадают» из общей стихотворной

структуры, из метроритмического рисунка. Приведем пример из фольклорного духовного стиха поздней традиции: «И я решился возвратиться // Под твой отеческий покров // И я решился к тебе явиться // И пасть у твоих, родимый, ног»¹ [Бучилина 1999: 154–155]. Само стихотворение создано по метрической схеме четырехстопного ямба, однако две строки, выделенные нами курсивом, в эту схему не вписываются.

Такие строки, конечно, встречаются и в классическом литературном стихе, в том числе у крупных поэтов; приблизительный, очень условный литературный аналог — так называемые «деструктивные стихи» [Квятковский 1966: 98], встречаются термины «зыбкий метр» [Холшевников 1987: 36], «переходные метрические формы» [Руднев, Новинская 1986], «микрополиметрия» [Гаспаров 1984: 215–217], «полиморфность» [Бельская 1984: 100], «метрические аномалии», «инометрические включения» [Семенов 2011: 507] и т. п. Подробную теоретическую разработку проблема метрических отклонений получила в трудах Ю.Б. Орлицкого, использующего термин «гетероморфный стих» («неупорядоченный стих») [Орлицкий 2005]. Вероятны некоторые смысловые оттенки в трактовке терминов, в объеме этих понятий у разных исследователей, но в целом существующие определения более или менее согласованно описывают сходные, однородные явления: *отклонения разной степени допустимости* [Семенов 2011: 507] от основного метра стихотворения. Считать ли эти нарушения *инометрическими вставками* или *деформациями исходного метра* [Семенов 2011: 507] — вопрос проблемный; пока что мы на нем останавливаться не будем.

Обычно случаи сбоев регламентированы художественно-эстетической целью: выделить композиционно значимый момент, подчеркнуть особенность речи персонажа, предпринять какой-либо смелый, новаторский стихотворный эксперимент с устоявшейся формой, «освежить» поэтическую традицию и т. д. Известны случаи семантической дифференциации ритмических форм вольного ямба [Шапир 1992: 93], сама поэтическая практика зарождается еще в XVIII в. [Матяш 2011]. При этом даже в области литературного творчества экстравагантные метрические эксперименты не всегда находили понимание у читателей: структурные отклонения могли восприниматься как признак непрофессионализма поэта [Орлицкий 2005].

В фольклоре такие «дефекты» всегда носят нерегламентированный характер и не обусловлены какими-либо эстетическими факторами. Есть примеры текстов, в которых количество сбоев приводит

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация воспроизводятся по опубликованному источнику.

бликованные в сборниках [Бучилина 1999; Кузнецова 2015; Поздеева 2007; Селиванов 1991] (см. **Приложения 1 и 2**²).

2. Результаты и обсуждение

Четырехстопный хорей

Объект рассмотрения — стихи, созданные по схеме четырехстопного хорей с чередованием женских и мужских клаузул. Список проанализированных текстов приведен в **Приложении 1**.

Количественные данные по дефектным строкам в этом метре и размере ранее были представлены нами в [Петров 2022: 60]. Из **4762** строк к дефектным мы отнесли **315**: 10 строк в сборнике [Селиванов 1991], 185 — в сборнике [Бучилина 1999], 72 — в сборнике [Поздеева 2007], 48 — в сборнике [Кузнецова 2015]. Следовательно, дефектные строки в общем объеме материала занимают порядка **6,6%**.

В табл. 1 представлены все выявленные типы дефектных строк с указанием частотности.

Таблица 1

Дефектные строки в четырехстопном хорее³

	Селиванов	Бучилина	Поздеева	Кузнецова
Увеличение стопности (хорей)	0	9	3	2
Уменьшение стопности (хорей)	0	4	3	0
Ямб четырехстопный	5	72	8	20
Ямб, увеличение стопности	0	1	1	0
Ямб, уменьшение стопности	0	12	10	10
Трансформация в трехсложный метр	0	8	11	0
Трансформация в тонику	4	66	33	14
Пропуск ударения на константе	1	3	0	2
Прочее ³	0	10	3	0
	10	185	72	48
				315

Приведем примеры на каждый тип.

1) «Жаждой хочет миру послужить» [Бучилина 1999: 95] (X5); 2) «И всему конец» [Бучилина 1999: 146] (X3); 3) «Не златотканые одеж-

² Мы указали все просмотренные тексты. Варианты, исключенные из выборки (обычно по причине экстремальной расшатанности стиха или в случае второй публикации одного и того же текста), в Приложениях отмечены особо.

³ Под «прочим» понимается затемнение смысла текста, разрушение структуры строки и т. п.

ды» [Селиванов 1991: 272] (Я4); 4) «Еще удар печали будет надо мною» [Поздеева 2007: 218] (Я6); 5) «Исус был осужден» [Бучилина 1999: 109] (Я3); 6) «В дни поминания» [Бучилина 1999: 364] (Д2), «Но время само говорит» [Бучилина 1999: 329] (Амф3), «На тебя уповаю» [Бучилина 1999: 143] (Ан2); 7) «В ризе белой одетый» [Бучилина 1999: 123] (0.12.1 Дк), «Дерзостью нрава превзошли» [Селиванов 1991: 277] (0.23.0 Тк), «Зри плачевныя мои дни» [Бучилина 1999: 147] (0.130.0 Аки); 8) «Не слышать вокруг пещеры // *Человечья гóлоса*» [Селиванов 1991: 267] (пропуск ударения на константе); 9) «Стал служить в раздори, крови кравон падший человек» [Бучилина 1999: 166] (затемнение смысла, деформация структуры строки выше допустимого предела); «Покажи путь ко спасению» [Бучилина 1999: 148] (ритмический перебой на третьей стопе и удлинение клаузулы до дактилической); «Ты мой Иисус, ты сладчайше» [Бучилина 1999: 376] (метрическая амбивалентность: 0.32.1 Тк / 1.22.1 Амф3).

Табличные данные дают достаточно ясное представление о наличии по крайней мере двух важнейших, преобладающих типов метрических отклонений. Во-первых, строки, по слогаоакцентной структуре укладывающиеся в схему *четырёхстопного ямба* (т. е. допускающие варьирование анакрузы в двусложном силлабо-тоническом метре), занимают 33,3 % (105 строк). Во-вторых, строки, которые по интервальной схеме отступают в сторону *тоники*, занимают 37,1 % (117 строк). Между этими типами и ведётся основная конкуренция: частотность второго типа выше на 3,8 %.

Отметим, что в группу тонических метров мы включили *дольник*, который часто трактуется стиховедами как «шестой силлабо-тонический метр». В фольклорных текстах его вариации непредсказуемы, как непредсказуемо и само появление «дольниковых» строк в стихе.

В количественном плане «тонические» строки распределены следующим образом: Дк — 56 строк, Тк — 15 строк, Аки — 46 строк. Здесь можно отметить две разнонаправленные тенденции: с одной стороны, стремление как-то ограничить меру расшатывания стиха (на это указывает преобладание «дольниковых» форм); с другой — полная свобода варьирования силлабо-тонической модели, с нулевыми и четырёхсложными интервалами. Вопреки ожиданиям, «тактовиковые» модели редки и в стихе этого типа в целом избегаются. К «народной» дактилической клаузуле исполнители и переписчики стихов также стараются не прибегать.

Четырёхстопный ямб

В этом разделе будут рассмотрены духовные стихи, созданные по схеме четырёхстопного ямба, преимущественно с чередованием

женских и мужских клаузул. Список проанализированных текстов приведен в **Приложении 2**.

Количественные данные по дефектным строкам в четырехстопном ямбе ранее были опубликованы в работе [Петров 2025: 97]. Здесь нам приходится иметь дело с существенно меньшим количеством материала: ямб не характерен для народной традиции. Всего удалось обнаружить **969** строк; из них к дефектным мы отнесли **73**: 71 строку в сборнике [Бучилина 1999] и 2 — в сборнике [Поздеева 2007]. Таким образом, дефектные строки в общем объеме этого материала занимают порядка **7,5 %**. Легко заметить, что для четырехстопного ямба этот показатель чуть выше (в пределах 1 %), чем для четырехстопного хорея. Какие-либо выводы здесь делать рано, поскольку имеется явный дисбаланс материала (4762 строки хорея и 969 строк ямба).

Представим данные по типам и частотности дефектных строк для четырехстопного ямба в табл. 2.

Таблица 2

Дефектные строки в четырехстопном ямбе

	Селиванов	Бучилина	Поздеева	Кузнецова
Увеличение стопности (ямб)	0	4	0	0
Уменьшение стопности (ямб)	0	8	0	0
Хорей четырехстопный	0	20	1	0
Хорей, увеличение стопности	0	4	0	0
Хорей, уменьшение стопности	0	1	0	0
Трансформация в трехсложный метр	0	1	0	0
Трансформация в тонику	0	25	1	0
Пропуск ударения на константе	0	0	0	0
Прочее	0	8	0	0
	0	71	2	0
				73

Приведем соответствующие текстовые иллюстрации:

1) «А разум девы удивляла тайна» [Бучилина 1999: 160] (Я5); 2) «Проник мне в сердце тать» [Бучилина 1999: 293] (Я3); 3) «С светлым сердцем и душой» [Бучилина 1999: 160] (Х4); 4) «И на языке сказал родном» [Бучилина 1999: 160] (Х5); 5) «В храм святой войти» [Бучилина 1999: 294] (Х3); 6) «Он милосерд и не мстит» [Бучилина 1999: 293] (Д3); 7) «В глубоком мире святом» [Бучилина 1999: 160] (1.12.0 Дк), «В сиянии чудном предстоишь» [Бучилина 1999: 171] (1.23.0 Тк), «Ты зачнешь, родишь сына» [Бучилина 1999: 161] (0.110.1 Акц); 8) пропуски ударений на тонической константе отсутствуют; 9) «Вечна во

имени Твоем живы» [Бучилина 1999: 357] (затемнение смысла, поэтическая суггестия), «Ты мать, наставница детей, // И дев, и юношей спасение. // И жезл мне в старости моей, // И в слабых силах укрепление» [Бучилина 1999: 170] (удлинение клаузулы до дактилической).

Как хорошо видно из таблицы, четырехстопный ямб следует тем же тенденциям, что и четырехстопный хорей: основные отклонения сводятся к *варьированию анакрузы* (с приобретением хореического метрического импульса; таких строк набралось 28,8 %, или 21 строка) и к *расшитыванию стиха до тоники* (35,6 %, или 26 строк). Любопытно, что в сборнике [Поздеева 2007] обнаружены всего две аномальные строки, и обе принадлежат именно к одному из указанных типов: одна строка — хореическая, вторая — тактовиковая: «Долой от нас земным земное, // Мы к небесному пойдем» [Поздеева 2007: 240] (X4), «Ты послан от Бога для хранения, // Тебе Господь так поручил» [Поздеева 2007: 235] (1.23.2 Тк).

Как и в случае с четырехстопным хореем, тонические тенденции чуть преобладают: всего на 6,8 %, т. е. в четырехстопном ямбе движение к тонике выражено чуть сильнее (для хорea разница составляла 3,8 %). Всего «дольниковых» строк — 15, «тактовиковых» — 6, строк с интервалами, характерными для акцентного стиха, — 5. Иными словами, и здесь стих сохраняет определенную меру упорядоченности, делая в сторону тонической организации лишь один шаг, в сторону *дольника*. Поскольку эта закономерность соблюдается и в хорее, и в ямбе, уместно вспомнить гипотезу М.Л. Гаспарова о наличии в русском духовном стихе тенденции к *дольнику* [Гаспаров 1997: 84]. Действительно ли метрическая организация духовных стихов имеет более строгий характер, чем метрика быliny (где преобладает *тактовик*), должны показать дальнейшие исследования на существенно более широком материале.

Деформация метра осуществляется путем изменения слогового объема строки: варьируются анакруза и междудиктовые интервалы, этот процесс сопровождается изменением акцентной структуры стиха (возрастает или падает количество ударений, меняется их расположение). В более сложных случаях действует совокупность факторов в сочетании с затемнением смысла и возможными ошибками текстологического характера (их тоже нельзя полностью исключать); такие строки мы, как правило, относим к группе «прочее». На литературном материале аналогичные схемы были ранее описаны в работе [Семенов 2011: 510].

В структуре стиха при всех деформациях и переборах должна быть какая-то постоянная (константа), строки должны быть сопоставимы и соизмеримы, а их границы — предельно ясны. Предварительные наблюдения позволяют предположить, что такой константой в позд-

них народных духовных стихах является *рифма*. Исполнители и переписчики из всех сил стараются сохранить именно рифму. Если стоит выбор, чем пожертвовать — метром или рифмой, то, как мы предполагаем, в жертву будет принесен метр. Это, кстати, заставляет вспомнить о народном раёшнике, в котором все произвольно, кроме парной рифмовки. Не во всех жанрах фольклора дело обстоит именно так. В былине и тоническом духовном стихе рифм нет (возможна эмбриональная грамматическая рифма), поскольку границы строк определены *напевом* (для того же говорного раёшного стиха этот признак нерелевантен). Однако в позднем фольклоризированном силлабо-тоническом стихе, изначально созданном как литературное произведение, напев вторичен, эти тексты часто бытуют в письменном виде (копируются от руки в тетрадах и т. п.). Следовательно, резко возрастает значение рифмы, маркирующей конец отдельной строки; рифма — это в данном случае очень устойчивый компонент стиха, она помогает ориентироваться в стихотворном «пространстве». На наш взгляд, перед нами своего рода механизм компенсации: чем выше роль напева, тем ниже роль рифмы, и наоборот. Это утверждение еще потребует проверки, поскольку рифма в поздних духовных стихах пока что никем специально не изучалась. Сами эти произведения не только переписываются, но все-таки и поются (т. е. в стихе может быть важен и мелодический компонент); дефектные строки, по нашим же собственным расчетам, представленным выше, по возможности избегаются (их всего 6,6 % в хорее и 7,5 % в ямбе, т. е. метроритмическая точность тоже важна). Таким образом, данная проблема в настоящее время носит открытый характер.

3. Заключение

Полученные нами результаты свидетельствуют о том, что варьирование метрики не является хаотическим процессом. Конечно, нельзя предсказать, когда и какой именно сбой произойдет. Но можно спрогнозировать основные векторы деструктивных изменений: это либо варьирование анакрузы с сохранением размера, либо расшатывание стиха до тоники с предпочтением дольника. Следовательно, метрический сбой, дефект — это, как правило, единичная ошибка, *случайность*, за которой все же стоит определенная системность, *закономерность*; у которой есть фундаментальное основание. На наш взгляд, это основание заключено в самих имманентных свойствах фольклорной поэтики в целом и поэтики стихового фольклора в частности.

Русский народный стих принципиально избегает точности. Известно, что в русском песенном фольклоре (в отличие, скажем, от

украинского или сербского) с трудом удерживается равносложность, не случайно в основе большинства эпических жанров лежит *тони-ческая* система стихосложения. При этом и сама народная тоника урегулирована не строго: вполне обычной является альтернатива 3- и 4-ударных строк. Иными словами, отступления от строгого шаблона в народном стихе неизбежны, хотя и ограничены некоторыми рамками. Силлабо-тонический стих, ассоциирующийся в первую очередь с литературной традицией, словно стремится вернуться в родную среду, в более удобную для устного исполнения тонику, на что ранее уже обращалось внимание [Пухова 2011: 21]. Возможность сбоев и дефектов заложена в самой системе поэтики фольклора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бейли Дж. Былинные размеры Т.Г. Рябина в записи А.Ф. Гильфердинга // Бейли Дж. Избранные статьи по русскому народному стиху. М., 2001. С. 227–271.
2. Бельская Л.Л. О полиметрии и полиморфности (на материале поэзии С. Есенина) // Проблемы теории стиха. Л., 1984. С. 99–109.
3. Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха: метрика, ритмика, рифма, строфика. М., 1984.
4. Гаспаров М.Л. Русский народный стих и его литературные имитации // Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. III. О стихе. М., 1997. С. 54–131.
5. Квятковский А.П. Поэтический словарь. М., 1966.
6. Матяш С.А. Вольный ямб русской поэзии XVIII–XIX вв.: жанр, стиль, стих. СПб., 2011.
7. Орлицкий Ю.Б. Гетероморфный (неупорядоченный) стих в русской поэзии // Новое литературное обозрение. 2005. № 3 (73).
8. Петров А.М. Четырехстопные ямбы в русских фольклорных духовных стихах: литературные истоки, тематика, метроритмические особенности // Русская речь. 2025. № 2. С. 92–105. doi: 10.31857/ S0131611725020079
9. Петров А.М. Четырехстопный хорей в русских фольклорных духовных стихах поздней традиции: некоторые вопросы метрики и ритмики // Вопросы языкознания. 2022. № 3. С. 54–74. doi: 10.31857/0373-658X.2022.3.54-74
10. Пухова Т.Ф. Особенности стихосложения воронежских народных духовных стихов // Духовные стихи Воронежского края / подг. текстов и составление Т.Ф. Пуховой, Т.В. Мануковской, А.А. Чернобаевой. Воронеж, 2011. С. 13–24.
11. Руднев П.А., Новинская Л.П. Об одной композиционной особенности стихотворного текста: к проблеме переходных метрических форм // Жанр и композиция литературного произведения. Межвузовский сборник. Петрозаводск, 1986. С. 124–132.
12. Семенов В. Проблема деформации классических метров в русской поэзии конца XX в. с функциональной точки зрения // Пушкинские чтения в Тарту 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон: к 85-летию Ларисы Ильиничны Вольперт: в 2 ч. Тарту, 2011. С. 507–526. [Электронный ресурс]. URL: https://ruthenia.ru/Push_Chten5/Semjonov.pdf (дата обращения: 13.03.2025).
13. Холишевников В.Е. Что такое русский стих // Мысль, вооруженная рифмами: поэтическая антология по истории русского стиха / сост., автор статей и примечаний В.Е. Холишевников. Л., 1987. С. 5–36.

14. Шапур М.И. «Горе от ума»: семантика поэтической формы (опыт практической философии стиха) // Вопросы языкознания. 1992. № 5. С. 90–105.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Духовные стихи. Канты: сборник духовных стихов Нижегородской области / Сост., вступ. статья, подг. текстов, исслед. и коммент. Е.А. Бучилиной. М., 1999.
2. Духовные стихи Русского Севера / Сост. В.П. Кузнецова. Петрозаводск, 2015.
3. Кому повем печаль мою: духовные стихи Верхотамья: Исследования и публикации / Под ред. И.В. Поздеевой. М., 2007.
4. Стихи духовные / Сост., вступ. статья, подг. текстов и комментарии Ф.М. Селиванова. М., 1991.

REFERENCES

1. Bailey J. Bylinnye razmery T.G. Ryabinina v zapisi A.F. Gil'ferdinga [The Epic Meters of T.G. Ryabinin as Collected by A.F. Gil'ferding]. Bailey J. *Izbrannyye stat'i po russkoy narodnoy stikhe*. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2001, pp. 227–271. (In Russ.)
2. Bel'skaya L.L. O polimetrii i polimorfnosti (na materiale poezii S. Esenina) [On Polymetry and Polymorphism (Based on the Poetry of S. Esenin)]. *Problemy teorii stikha*. Leningrad, Nauka Publ., 1984, pp. 99–109. (In Russ.)
3. Gasparov M.L. *Ocherk istorii russkogo stikha: metrika, ritmika, rifma, strofika* [Outline of the History of Russian Verse: Metrics, Rhythm, Rhyme, Stanza]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 320 p. (In Russ.)
4. Gasparov M.L. Russkii narodnyi stikh i ego literaturnye imitatsii [Russian Folk Verse and Its Literary Imitations]. Gasparov M.L. *Izbrannyye trudy. T. III. O stikhe*. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury, 1997, pp. 54–131. (In Russ.)
5. Kvyatkovskii A.P. *Poeticheskii slovar'* [Poetic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1966. 375 p. (In Russ.)
6. Matyash S.A. *Vol'nyi iamb russkoy poezii XVIII–XIX vv.: zhanr, stil', stikh*. [Free Iamb in Russian Poetry of the 18th–19th Centuries: Genre, Style, Verse]. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SPbGU Publ., 2011. 494 p. (In Russ.)
7. Orlitskii Yu.B. Geteromorfnyy (neuporyadochennyy) stikh v russkoy poezii [Heteromorphic (Unordered) Verse in Russian Poetry]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2005, 3 (73). URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/3/geteromorfnyj-neuporyadochennyy-stih-v-russkoy-poezii.html> (accessed: 13.03.2025). (In Russ.)
8. Petrov A.M. Chetyrehstopnyye yamby v russkikh fol'klornykh dukhovnykh stikhakh: literaturnye istoki, tematika, metroritmicheskie osobennosti [Iambic Tetrameter in Russian Folk Spiritual Verses: Literary Sources, Thematic Range, Metrical and Rhythmical Peculiarities]. *Russkaya rech'*, 2025, 2, pp. 92–105. (In Russ.). doi: 10.31857/S0131611725020079
9. Petrov A.M. Chetyrehstopnyy khorei v russkikh fol'klornykh dukhovnykh stikhakh pozdnei traditsii: nekotorye voprosy metriki i ritmiki [Trochaic Tetrameter in Russian Folk Spiritual Verses: Some Issues of Metrics and Rhythmics]. *Voprosy iazykoznanii*, 2022, 3, pp. 54–74. (In Russ.). doi: 10.31857/0373-658X.2022.3.54–74
10. Pukhova T.F. Osobennosti stikhoslozheniya voronezhskikh narodnykh dukhovnykh stikhov [Structural Features of Voronezh Folk Spiritual Verses]. *Dukhovnye stikhi Voronezhskogo kraia*. Voronezh, Nauchnaya kniga Publ., 2011, pp. 13–24. (In Russ.)
11. Rudnev P.A., Novinskaya L.P. Ob odnoi kompozitsionnoi osobennosti stikhotvornogo teksta: k probleme perekhodnykh metricheskikh form [On One Compositional Feature of a Poetic Text: On the Problem of Transitional Metrical Forms].

- Zhanr i kompozitsiya literaturnogo proizvedeniya. Mezhdvuzovskii sbornik*. Petrozavodsk, Petrozavodskii gosudarstvennyi universitet Publ., 1986, pp. 124–132. (In Russ.)
12. Semenov V. Problema deformatsii klassicheskikh metrov v russkoi poezii kontsa XX v. s funktsional'noi tochki zreniya [The Problem of Deformation of Classical Meters in Russian Poetry of the Late 20th Century from a Functional Point of View]. *Pushkinskie chteniya v Tartu 5: Pushkinskaya epokha i russkii literaturnyi kanon: k 85-letiyu Larisy Il'inichny Vol'pert: v 2 ch. Tartu, 2011*, pp. 507–526. URL: https://ruthenia.ru/Push_Chten5/Semjonov.pdf (accessed: 13.03.2025). (In Russ.)
 13. Kholoshevnikov V.E Chto takoe russkii stikh [What Is Russian Verse]. In: Kholoshevnikov V.E (ed.) *Mysl', vooruzhennaya rifmami: poeticheskaya antologiya po istorii russkogo stikha* [Thought Armed with Rhymes: Poetic Anthology on the History of Russian Verse]. Leningrad, LGU Publ., 1987, pp. 5–36. (In Russ.)
 14. Shapir M.I. “Gore ot uma”: semantika poeticheskoi formy (opyt prakticheskoi filosofii stikha) [“Woe from Wit”: Semantics of Poetic Form (An Experiment in Practical Philosophy of Verse)]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1992, 5, pp. 90–105. (In Russ.)

SOURCES

1. Buchilina E. A. (ed.) *Dukhovnye stikhi. Kanty: sbornik dukhovnykh stikhov Nizhegorodskoi oblasti* [Spiritual Verses. Kants: Collection of Spiritual Verses of the Nizhny Novgorod Region]. Moscow, Nasledie Publ., 1999. 416 p. (In Russ.)
2. *Dukhovnye stikhi Russkogo Severa* [Spiritual Verses of the Russian North]. Kuznetsova V.P. (comp.). Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN Publ., 2015. 800 p. (In Russ.)
3. Pozdeeva I.V (ed.) *Komu povem pechal' moyu: dukhovnye stikhi Verkhokam'ya: Issledovaniya i publikatsii* [Who Do I Tell about My Sadness. Spiritual Verses of Verkhokamy Region. Studies and Publications]. Moscow, Danilov stavropigial'nyi muzhskoi monastyr' Publ., 2007. 332 p. (In Russ.)
4. Selivanov F.M. (ed.) *Stikhi dukhovnye* [Spiritual Verses]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1991. 333 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 30.03.2025

Принята к публикации 22.04.2025

Отредактирована 12.09.2025

Received 30.03.2025

Accepted 22.04.2025

Revised 12.09.2025

ОБ АВТОРЕ

Александр Михайлович Петров — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклористики и литературоведения (с фонограммархивом) Института языка, литературы и истории Карельского научно-го центра Российской академии наук; hermitage2005@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexander M. Petrov — PhD, Senior Researcher, Department of Folklore and Literature (with Audio Archive), Institute of Linguistics, Literature, and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences; hermitage2005@yandex.ru

Приложение 1

Четырехстопный хорей, список исследованных текстов:

1) Сборник [Селиванов 1991]: №№ 104, 105, 106, 109, 110, 113, 116, 118. Всего: 8 текстов.

2) Сборник [Бучилина 1999]: №№ 14, 16, 21, 26, 31, 32, 35, 36, 38, 39 (исключен), 40, 45, 46, 47, 50, 59 (исключен), 68, 78, 79, 81, 85, 90, 97, 98, 104, 117, 122, 133, 138, 139, 140, 141, 142, 144, 146, 154, 155, 159, 167, 168, 169, 170, 171, 173, 174, 175, 176, 177, 181, 182, 183, 184, 185. Всего: 53 текста.

3) Сборник [Поздеева 2007]: №№ 3, 4 (исключен), 8, 9, 17, 28, 38, 39, 41, 60, 78, 88, 92, 100, 101, 94 (исключен), 104 (исключен). Всего: 17 текстов.

4) Сборник [Кузнецова 2015]: №№ 60, 68, 72, 75, 88, 95, 96 (исключен), 97, 98, 99, 100, 102, 103, 105, 108, 109, 110, 145, 332, 335. Всего: 20 текстов.

Приложение 2

Четырехстопный ямб, список исследованных текстов:

1) Сборник [Селиванов 1991]: №№ 117 и 120. Всего: 2 текста.

2) Сборник [Бучилина 1991]: №№ 7, 13, 37 (исключен), 41, 43, 44, 48, 49, 54, 55, 56, 60, 62, 66, 82, 99 (исключен), 100, 101, 102 (исключен), 110, 111, 119, 121, 123 (исключен), 129, 130, 163. Всего: 27 текстов.

3) Сборник [Поздеева 2007]: №№ 13, 66, 69. Всего: 3 текста.

4) Сборник [Кузнецова]: №№ 6, 8, 11 (исключен), 17 (исключен), 24 (исключен), 113 (исключен). Всего: 6 текстов.

«ЧЕЛОВЕК, УВИДЕВШИЙ ГОЛОВУ МЕДУЗЫ»: ТВОРЧЕСТВО Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В ШВЕДСКОЙ КРИТИКЕ НАЧАЛА XX В.

К.Р. Андрейчук

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия; enantiosemtia@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена критической рецепции творчества Достоевского в Швеции начала XX в. — в период, названный одним из критиков временем «культа Достоевского». Научная новизна статьи связана с тем, что ранее исследовалось лишь влияние Достоевского на художественную литературу этого периода. Автор статьи обращается к переводческой и издательской практике того времени, выясняя, какие новинки (переводы произведений самого Достоевского и книг о нем, в первую очередь работы Д.С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский») определили обновление интереса к Достоевскому. Также в статье рассматриваются социально-политический фон рецепции Достоевского и причины актуализации интереса к России и русской литературе. Автор статьи выделяет наиболее характерные и любопытные примеры критических статей о Достоевском и на их основе делает вывод об изменении восприятия Достоевского относительно предыдущей волны интереса к нему (в 1880-х). Так, теперь «болезненность» Достоевского воспринимается не как недостаток, а как черта гениальности. Кроме того, развенчивается свойственный радикальным авторам 1880-х гг. взгляд на Достоевского как на нигилиста, уступая место попыткам обозначить его то как анархиста или социалиста, то как индивидуалиста, то как националиста. Выделяются два способа актуализировать творчество Достоевского в контексте интереса шведов к русской литературе начала XX в., когда он рассматривается как предшественник, с одной стороны, М. Горького (что привлекает пролетарских авторов), а с другой — Л. Андреева (что важно для представителей раннего модернизма).

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский; Швеция; рецепция; критика; переводы; А. Бруниус

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-05-12

Для цитирования: Андрейчук К.Р. «Человек, увидевший голову Медузы»: творчество Ф. М. Достоевского в шведской критике начала XX в. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 5. С. 144–153.

“THE MAN WHO SAW THE HEAD OF MEDUSA”: DOSTOEVSKY’S WORK IN SWEDISH LITERARY CRITICISM OF THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

Kseniia R. Andreichuk

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; enantiosemia@yandex.ru*

Abstract: The article is devoted to the critical reception of Dostoevsky’s work in Sweden at the beginning of the 20th century. Critics regarded this period as the time of the “cult of Dostoevsky”. The novelty of the article is related to the fact that previously only Dostoevsky’s influence on the fiction of this period had been studied. The author of the article turns to the translation and publishing practices, the socio-political background of the reception of Dostoevsky, and the reasons for the renewed interest in Russian literature. The author highlights the most characteristic examples of critical articles about Dostoevsky, and draws a conclusion about a change in the perception of Dostoevsky relative to the previous wave of interest in him. Thus, now Dostoevsky’s “morbidness” is perceived not as a shortcoming, but as a feature of genius. The view of Dostoevsky as a nihilist that was characteristic for the 1880s is debunked, giving way to attempts to designate him either as an anarchist or a socialist, or as an individualist, or as a nationalist. Two ways of actualizing Dostoevsky’s work in the context of Russian literature of the beginning of the 20th century are distinguished, when he is considered, on the one hand, as a predecessor of M. Gorky, and on the other, of L. Andreev.

Keywords: Dostoevsky; Sweden; reception; criticism; translations; A. Brunius

For citation: Andreichuk K. (2025) “The Man Who Saw the Head of Medusa”: Dostoevsky’s Work in Swedish Literary Criticism of the Beginning of the 20th Century. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 144–153.

Введение. История вопроса

Период с середины первого до начала третьего десятилетия XX в. — время пересмотра творчества Достоевского в шведском культурном пространстве. За волной популярности русского писателя в 1880-х гг., ознаменованных первыми переводами крупных романов и публикацией большого числа рецензий в критике [Андрейчук 2025: 120–121], в 1890–1905 гг. последовало затишье (в это время на шведском не вышло ни одной книги Достоевского; существовали только журнальные публикации). Это затишье было нарушено выходом в свет переводных книг о Достоевском, повлекших возобновление интереса издателей, переводчиков, рецензентов и читателей к его творчеству и определивших новую ветвь шведской рецепции русского классика.

Столь важный для понимания влияния Достоевского на шведский литературный процесс период (современники характеризовали его как время «культа Достоевского» [Brunius 1923: 129]) до сих пор остается без достаточного теоретического осмысления. И в отечественной, и в зарубежной науке существуют исследования, посвященные влиянию Достоевского на конкретных авторов этого периода: С. Лагерлёф [Кобленкова 2017], Я. Сёдерберга [Сухих 2012], Я. Бергмана [Львовский 1999], П. Лагерквиста [Szewczyk-Haake 2015], Д. Андерссона [Ågren 1971] и т. д. Некоторое обобщение особенностей восприятия Достоевского в художественной литературе было сделано Д.М. Шарыпкиным [Шарыпкин 1976]. Однако тема нашей статьи — критическая рецепция в контексте социально-политического фона и издательской практики — не получила должного внимания.

Обновление интереса к Достоевскому: публикация переводных книг о нем и сопоставление с русской литературой начала XX в.

Первой публикацией, нарушившей затишье, стал перевод сочинения Д. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский», выполненный Э. Веер и вышедший в издательстве «Hugo Gebers» в 1906–1907 гг. Роль книги Мережковского ретроспективно анализирует А. Бруниус в статье 1923 г.: «Это был звук первой трубы, возвестившей переоценку Достоевского, долго не утихавший звук...» (здесь и далее пер. со шведского мой. — К.А.) [Brunius 1923: 132].

Благодаря публикации этой книги скандинавские читатели переосмыслили те особенности творчества Достоевского, которые ранее их отталкивали. Ранее шведы, восхищаясь Достоевским как, во-первых, защитником угнетенных и даже нигилистом-провозвестником революции [Андрейчук 2024: 116–119], а во-вторых, криминальным психологом [Андрейчук 2025: 122–124], вслед за Брандесом не одобряли изображение помешательства и критиковали «аскетизм», «христианскую мистику» и нечеткую композицию [Brandes 1988: 525] в романах Достоевского. Теперь эти черты рассматриваются как признак гениальности русского писателя. Например, поэт и критик Оскар Левертин пишет: «Несмотря на всю испорченность его <Достоевского> натуры — всегда можно заметить в его работах влечение к извращенному, — он для Мережковского, с которым мы счастливы согласиться в данном случае, несравненно более тонкий, более искренний человек, чем Толстой: он погружается глубже во мрак и на дно, но также достигает более высоких сфер разума и чувств <...> Достоевский — это человек, увидевший голову Медузы и познавший из ее глаз весь страх и трепет бытия» [Levertin 1906].

В 1911 г. в издательстве «Бонньерс» выходит перевод «Трех разговоров» Вл. Соловьева, выполненный той же Э. Веер. Любопытна анонимная рецензия на эту книгу: в ней объединяются Достоевский, Мережковский и Соловьев как типичные русские мыслители. Согласно автору статьи, в России нет философии, основанной на разуме, хотя прозрения русских представляют большой интерес: «Над духовной жизнью русских лежит отблеск утреннего румянца мифов, восточная и христианская мистика окрашивает их мир понятий, над их идеями нависают религиозные видения, а действительность кажется им символами <...> в первую очередь на ум приходит Достоевский, который изложил свои величайшие идеи в поэтической форме» [Tre samtal 1911].

Достоевский в роли поэта вне политики был воспринят как предшественник Л. Андреева, унаследовавшего апокалиптические настроения и яркую образность [Persson 1915; Smith, 1920]. Противоположной тенденцией стало восприятие Достоевского как провозвестника социальных изменений и, таким образом, предшественника М. Горького [Gorkij M. Den nyaste ryska litteraturen 1923; Den ryska frihertsrörelsens diktare 1905]. Как предшественник Горького Достоевский заинтересовал пролетарских писателей (М. Коха, Р. Йенделя), как предшественник Л. Андреева — ранних модернистов (Э. Сёдергран, П. Лагеркиста). По мнению Э. Витт-Браттстрём, именно через Достоевского апокалиптическая традиция была перенесена в скандинавский модернизм [Witt-Brattström 2011: 79].

Интерес, появившийся благодаря переводу сочинения Мережковского, вылился в издание других книг о Достоевском и его писем. Следует отметить перевод с французской оригинальной рукописи и немецкой публикации книги Л. Достоевской «Достоевский в изображении своей дочери», опубликованный в издательстве «Хёкерберг» в 1921 г. Газеты регулярно сообщали о новых найденных письмах и фрагментах Достоевского и даже публиковали их (например, «Норршенсфламман» 22 февраля 1922 г., «Дагенс нюхетер» 3 марта 1922 г. и 14 апреля 1923 г., «Свенска дагбладет» 14 февраля 1924 г.). Уже в 1912 г. в «Дагенс нюхетер» (22 января) обсуждаются французский перевод писем Достоевского и ранние работы Андре Жида, написанные на их основе.

Основные переводчики

В 1900–1920-е гг. над произведениями Достоевского работают два крупных переводчика. Э. Рюделиус (1885–1957), писательница и переводчица с английского, французского, итальянского и русского языков, перевела романы «Униженные и оскорбленные» (в 1912), «Записки из Мертвого дома» (в 1913), «Братья Карамазовы»

(в 1918), «Идиот» (в 1919), «Белые ночи» (в 1920), «Подросток» (в 1928), рассказы «Роман в девяти письмах» (в 1919), «Маленький герой» и «Скверный анекдот» (в 1920), а также повесть «Кроткая» (в 1924).

А. Йенсен (1859–1921), славист-историк и филолог, писатель и поэт, обратил внимание шведских читателей на многих ранее неизвестных авторов, сделал новый перевод романа «Бедные люди», издал на шведском письма Достоевского, впервые перевел на шведский «Дневник писателя», повести «Белые ночи» и «Хозяйка», рассказы «Крокодил» и «Чужая жена и муж под кроватью».

Социально-политический контекст

Все эти переводы были сделаны в 1910–1920-х гг., однако уже в 1905 г. Йенсен, совершив поездку в Россию и встретившись с А.Г. Достоевской, посвятил русскому писателю главу в книге «Царство на распутье. Очерки о современной России». В ней Йенсен пишет: «В эти смутные, нервные времена, когда русская земля полна семян разнообразных болезней, мне видится тень Достоевского, парящая над событиями в России» [Jensen, 1905: 142–143].

Смешанный с испугом интерес к российскому нигилизму, распространившийся в Швеции в 1880-х, в самом начале XX в. сменяется, с одной стороны, ощущением угрозы российской экспансии (в связи с непрекращающимися конфликтами восточного соседа с Англией и на Балканах, франко-русским военным союзом 1894 года, нарастанием напряженности между Россией и Германией, усилением политики русификации в Финляндии и в особенности после русско-японской войны 1904–1905 гг.), с другой — во время ослабления Российской империи в 1904–1905 гг. — милитаристскими настроениями и вниманием к назревающим изменениям в российском обществе, рассматриваемым в сопоставлении с настроениями в Швеции. Революции 1905–1907 и 1917 гг., безусловно, привлекли еще больше внимания к российской политике и культуре, причем зачастую шведские авторы пытались определить роль Достоевского в зарождении революционных идей.

Дискуссии о взглядах Достоевского на общество

Восприятие Достоевского как провозвестника революции, берущее начало еще в 1880-х гг., становится особенно актуальным в преддверии и во время Первой мировой войны, когда в Швеции обостряются социальные противоречия. Неслучайно в это время выходят и приветствуются критикой новые переводы «Униженных и оскорбленных» и «Записок из Мертвого дома» (в «Афтонбладет» от 9 ноября и 12 декабря 1912 г.)

В начале XX в. газетные рецензенты постепенно начинают отделять Достоевского от нигилистов (а Сельма Лагерлёф — уже в 1890-е гг. [Андрейчук 2021: 498]). Например, в «Свенска дагбладет» в 1905 г. пишут: «С непримиримой ненавистью преследовал Достоевский нигилизм. И все же он нашел в нигилистах своих самых восторженных поклонников. Он практически стал знаменем, под которым собиралась революция» [Den ryska frihertsrörelsens diktare 1905]. В 1914 г. выходит рецензия М. Коха на «Записки из Мертвого дома», в которой автор говорит о том, что если молодой Достоевский был за революцию, то впоследствии он отходит от этих идей (Кох симпатизирует ранним взглядам Достоевского) [Koch 1913]. Парадокс Достоевского, против своей воли ставшего предшественником революции, рассматривают и более поздние рецензенты (Х. Грэйп в статье «Достоевский как политический писатель» в «Афтонбладет» от 30 декабря 1921 г., К.-А. Буландер в рецензии на роман «Подросток» в «Дагенс нюхетер» от 5 ноября 1928 г.).

В 1924 г. в шведских газетах появилась дискуссия о том, является ли Достоевский индивидуалистом и анархистом. Начал ее писатель и литературный критик К. Хагберг, который, интерпретируя слова Дмитрия Карамазова, провозглашает Достоевского пророком анархизма, для которого Бог и дьявол — это части человека, психологические понятия. «История европейского индивидуализма — это история завоевания Запада русским Богом», — заключает Хагберг, подчеркивая, что Ницше не изобрел ничего нового относительно Достоевского [Hagberg 1924].

На статью Хагберга последовал полемический ответ Ф. Буре. Автор напоминает о том, что Достоевский в большевистской России был бы неизбежно казнен, а также утверждает, что последователи Достоевского в Германии неправильно его поняли. «При всей своей мудрости и самобытности, Достоевский <...> изо всех сил стремится вернуть крестьянскую примитивность своих отцов. Крестьянин почти всегда индивидуалист, особенно в критические моменты» [Bure 1924].

Помимо «анархизма», обсуждался также «национализм» Достоевского. Поэт Р. Йендель пишет: «В том, чтобы быть русским, заключалась — так он <Достоевский> сам говорил — глубочайшая способность быть человеком. Человек русский и человек вселенский — тождественные для него понятия» [Jändel 1944: 424]. Славянофильство Достоевского Йендель связывает с его неприятием рожденного на Западе нигилизма: «Он нашел там <в народе> живой дух, который тщетно искал в “просвещенных” западных людях. Борьба между русским и западным была, таким образом, для него борьбой между верой и нигилизмом, между духовным и материаль-

ным» [Jändel 1944: 427–428]. Очевидно, эти высказывания Йенделя основаны на недавно переведенном А. Йенсенем «Дневнике писателя».

Пик и спад «лихорадки» по Достоевскому

«Лихорадка» по Достоевскому (по выражению философа А. Альберга [цит. по Linnér 1961: 283] достигла пика на рубеже 1910–1920-х гг. В ноябре 1921 г. все шведские газеты публикуют материалы к столетию Достоевского, а в 1922 г. активно приветствуют неделю гастролей театра Станиславского и Немировича-Данченко, во время которой были показаны сцены из «Братьев Карамазовых».

Критик А. Бруниус, оглядываясь на 1905–1923 гг., называет этот период временем «культа Достоевского» [Brunius 1923: 129]. Бруниус видит необходимость развенчания этого культа. В частности, он вслед за Брандесом критикует интерес к болезненности мировосприятия Достоевского и представление об эпилепсии как священной болезни. Бруниус характеризует Достоевского как «молодого человека с головой, забитой непереваренным школьным чтением, находящегося в ярости от того, что недавно проглотил», и говорит о его вторичности по сравнению с произведениями Толстого [Brunius 1923: 134]. Особенно Бруниус критикует структуру произведений Достоевского: то, что непонятно, закончился сон или нет, то, что автор резко обрывает сюжетное повествование, чтобы рассказать анекдот [Brunius 1923: 135].

Однако Бруниусу не удалось развенчать культ Достоевского: хотя ко второй половине 1920-х гг. «лихорадка» несколько спала, всё же и после публикации его статьи в Швеции на открытия Достоевского опираются многие авторы — как полюбившие его творчество в начале XX в. (Э. Вэгнер, Я. Бергман, С. Лагерлёф), так и представители нового поколения (Л. Алина, С. Дельбланка, Б. Тротциг, Р. Вернлунд, К. Веннберг, Л. Юлленстен), находящие в творчестве Достоевского ответы на новые актуальные вопросы, в первую очередь касающиеся последствий научно-технического прогресса и политики «дома для народа».

Заключение: «культ Достоевского» в Швеции начала XX в.

Интерес к творчеству Достоевского после затишья 1890-х гг. вновь проявился в Швеции в 1906 г. во многом в связи с публикацией работы Мережковского «Л.Н. Толстой и Достоевский», а также в контексте растущей обеспокоенности отношениями с Россией и опытом революции в нашей стране. Этот интерес вылился в появление большого количества переводов, рецензий и дискуссий и достиг пика к рубежу 1910–1920-х гг., когда шведы осмыслили опыт

Первой мировой войны. В романах Достоевского шведы видели предвосхищение вопросов и чаяний своего времени. А. Стриндберг, С. Лагерлёф, Я. Сёдерберг, М. Кох, Д. Андрессон, Р. Йендель, Э. Вэгнер и П. Лагерквист обращались к образам и темам Достоевского в своих произведениях.

Достоевский воспринимался в контексте современных социально-политических условий в России и Швеции и вновь переведенной русской литературы: М. Горького и Л. Андреева. Свойственный 1880-м гг. взгляд на Достоевского как на нигилиста уступает место попыткам определить его то как анархиста, то как социалиста. Вызывают горячие дискуссии предполагаемые индивидуализм и национализм Достоевского. Восприятие поэтики и пафоса произведений тоже меняется относительно 1880-х гг.: если ранее шведская критика вслед за Г. Брандесом отвергала «болезненность» и «мистику» в творчестве Достоевского, то теперь эти особенности воспринимаются как признак гениальности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андрейчук К.Р.* Ранняя рецепция творчества Ф.М. Достоевского в Швеции (1880-е годы). Часть вторая // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. № 1 (895). С. 119–125.
2. *Андрейчук К.Р.* Ранняя рецепция творчества Ф.М. Достоевского в Швеции (1880-е годы). Статья первая // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 12 (893). С. 115–121.
3. *Андрейчук К.Р.* Социализм и/или христианство: влияние взглядов Ф.М. Достоевского на роман С. Лагерлёф «Чудеса антихриста» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2021. Т. 26. №3, 2021. С. 490–500.
4. *Кобленкова Д.В.* Творчество С. Лагерлёф и традиции русской классической литературы («Император Португальский») // Россия и Скандинавия: Литературные взаимодействия на рубеже XIX–XX вв. М., 2017. С. 313–322.
5. *Львовский А.О.* «Идиот» Ф.М. Достоевского и шведская литература начала XX века // Скандинавская филология. 1999. № 6. С. 158–165.
6. *Сухих О.С.* Традиции Ф.М. Достоевского в романе Я. Сёдерберга «Доктор Глас» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 5-1. С. 270–275.
7. *Шарыпкин Д.М.* Достоевский в восприятии шведских читателей // Достоевский. Материалы и исследования. Л., 1976. С. 270–276.
8. *Linnér S. Pär Lagerkvists livstro.* Stockholm: Bonniers, 1961.
9. *Szewczyk-Haake K.* The Ethical Turn in the Early Writings of Pär Lagerkvist // Folia Scandinavica Posnaniensia. 2015. Vol. 18. P. 49–66.
10. *Witt-Brattström E.* Ediths jag. Edith Södergran och modernismens födelse. Stockholm, 2011.
11. *Ågren G.* Kärlek som i allting bor: Dan Anderssons liv och diktning 1916–1920. Stockholm, 1971.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. Brandes G. Indtryk fra Rusland. Kjøbenhavn, 1888.
2. Brunius A. Dostojevski-kulten // Kätterier i konst, litteratur, teater. Stockholm, 1923. S. 129-144.
3. Bure F. Borgaren, anarkisten och bonden // Svenska dagbladet. 28.02.1924.
4. Den ryska frihertsrörelsens diktare // Svenska dagbladet. 31.01.1905.
5. Gorkij M. Den nyaste ryska litteraturen // Dagens nyheter. 31.10.1923.
6. Hagberg K. S. Franciscus, Dostojevskij och filistern // Svenska dagbladet. 12.02.1924.
7. Jensen A. Tsardömet vid skiljövågen: nutidsskildringar från Ryssland. Stockholm, 1905.
8. Jändel R. Dostojevskij i hans tidskriftsartiklar // Poesi och prosa. Stockholm: Tidens förlag, 1944. 3. 424-428.
9. Koch M. Fjodor Dostojewski: Döda huset // Jämtlands Folkblad. 20.12.1913.
10. Levertin O. Dimitri Mersjkovski. Tolstoj och Dostojevski som människor och konstnärer (H. Gebers förlag) // Svenska dagbladet. 6.09.1906.
11. Persson F. Tystnadens skalden // Arbeter. 28.07.1915.
12. Smith E. Märklig premiär på Intima teatern // Svenska dagbladet, 31.10.1920.
13. Tre samtal. Af Vladimir Solovjev. Öfversättning från ryskan af E. Weer. Albert Bonniers förlag // Svenska dagbladet. 5.04.1911.

REFERENCES

1. Andreichuk K.R. Rannyya retseptsiya tvorchestva F.M. Dostoevskogo v Shvetsii (1880-e gody). Chast' vtoraya [The Early Reception of F.M. Dostoevsky's Works in Sweden (1880-s). Part 2]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Moscow State Linguistic University Bulletin. Humanities]. 2025. No.1 (895). Pp. 119–125. (In Russ.)
2. Andreichuk K.R. Rannyya retseptsiya tvorchestva F.M. Dostoevskogo v Shvetsii (1880-e gody). Stat'ya pervaya [The Early Reception of F.M. Dostoevsky's Works in Sweden (1880s). Part 1]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Moscow State Linguistic University Bulletin. Humanities]. 2024. No. 12 (893). Pp. 115–121. (In Russ.)
3. Andreichuk K.R. Sotsializm i/ili khristianstvo: vliyanie vzglyadov F.M. Dostoevskogo na roman S. Lagerlef «Chudesa antikhrista» [Socialism and/or Christianity: F.M. Dostoevsky's Influence on S. Lagerlöf's Novel Antichrist's Miracles]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika* [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism]. 2021. Vol. 26. No. 3. Pp. 490–500. (In Russ.) DOI:10.22363/2312-9220-2021-26-3-490-500
4. Koblenkova D.V. Tvorchestvo S. Lagerlef i traditsii russkoi klassicheskoi literatury («Imperator Portugal'ski») [The works of S. Lagerlöf and the Traditions of Russian Classical Literature ("The Emperor of Portugal")]. *Rossiya i Skandinaviiya: Literaturnye vzaimodeistviya na rubezhe XIX–XX vv.* [Russia and Scandinavia: Literary Interactions at the Turn of the 19th–20th Centuries]. Moscow, IMLI RAN, 2017. Pp. 313–322. (In Russ.)
5. L'vovskii A.O. «Idiot» F.M. Dostoevskogo i shvedskaya literatura nachala XX veka [F.M. Dostoevsky's Novel Idiot and the Swedish Literature of the Beginning of the 20th Century]. *Skandinavskaya filologiya* [Scandinavian Philology]. 1999. № 6. Pp. 158–165. (In Russ.)
6. Sukhikh O.S. Traditsii F.M. Dostoevskogo v romane Ya. Sederberga «Doktor Glas» [F. M. Dostoevsky's Traditions in Hj. Söderberg's Novel Doctor Glas]. *Vestnik Niz-*

hegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Nizhniy Novgorod University named after N.I. Lobachevsky Bulletin]. 2012. № 5-1. Pp. 270–275. (In Russ.)

7. Sharypkin D.M. Dostoevskii v vospriyatii shvedskikh chitatelei [Dostoevsky in the Reception of Swedish Readers]. Dostoevskii. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Nauka, 1976. Pp. 270–276. (In Russ.)
8. Linnér S. Pär Lagerkvists livstro. Stockholm, Bonniers, 1961. 317 s.
9. Szweczyk-Haake K. The Ethical Turn in the Early Writings of Pär Lagerkvist. *Folia Scandinavica Posnaniensia*. Vol. 18. 2015. Pp. 49–66.
10. Witt-Brattström E. Ediths jag. Edith Södergran och modernismens födelse. Stockholm, Norstedts, 2011. 348 p.
11. Ågren G. Kärlek som i allting bor: Dan Anderssons liv och diktning 1916–1920. Avhandling för filosofie doktorsexamen i litteraturvetenskap. Stockholm, Stockholms Universitet, 1971. 467 p.

SOURCES OF EXAMPLES

1. Brandes G. Indtryk fra Rusland. Kjøbenhavn, Guldendalske boghandels Forlag (F. Hegel & Son), 1888. 506 p.
2. Brunius A. Dostojevski-kulten. Kätterier i konst, litteratur, teater. Stockholm, Svenska Andelsförlaget, 1923. S. 129–144.
3. Bure F. Borgaren, anarkisten och bonden. *Svenska dagbladet*, 1924-02-28.
4. Den ryska frihertsrörelsens diktare. *Svenska dagbladet*, 1905-01-31.
5. Gorkij M. Den nyaste ryska litteraturen. *Dagens nyheter*, 1923-10-31
6. Hagberg K.S. Franciscus, Dostojevskij och filistern. *Svenska dagbladet*, 1924-02-12.
7. Jensen A. Tsardömet vid skiljövägen: nutidsskildringar från Ryssland. Stockholm, Bonnier, 1905. 255 s.
8. Jändel. R. Dostojevskij i hans tidskriftsartiklar. Poesi och prosa. Stockholm, Tidens förlag, 1944. S. 424–428.
9. Koch M. Fjodor Dostojewski: Döda huset. *Jämtlands Folkblad*, 20.12.1913.
10. Levertin O. Dimitri Mersikovski. Tolstoj och Dostojevski som människor och konstnärer (H. Gebers förlag). *Svenska dagbladet*, 1906-09-06.
11. Persson F. Tystnadens skalden. *Arbeter*, 1915-07-28.
12. Smith E. Märklig premiär på Intima teatern. *Svenska dagbladet*, 1920-10-31.
13. Tre samtal. Af Vladimir Solovjev. Öfversättning från ryskan af E. Weer. Albert Bonniers förlag. *Svenska dagbladet*, 1911-04-05.

Поступила в редакцию 19.04.2025

Принята к публикации 27.05.2025

Отредактирована 08.09.2025

Received 19.04.2025

Accepted 27.05.2025

Revised 08.09.2025

ОБ АВТОРЕ

Ксения Руслановна Андрейчук — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук; enantiosemia@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Kseniia R. Andreichuk — PhD, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; enantiosemia@yandex.ru

ИРОНИЯ В «БИБЛЕЙСКОЙ ТРИЛОГИИ» ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА

Чиех-хан Чиан (Ч. Чиан)

Государственный университет Чжэнчжи, Тайбэй, Тайвань;
chiehhan@nccu.edu.tw

Аннотация: В статье предпринята попытка проанализировать роль иронии в «библейской трилогии» Леонида Андреева («Бен-Товит», «Елеазар», «Иуда Искарот»). Ирония рассматривается как смыслообразующий принцип, существенный для переосмысления евангельских сюжетов и разработки альтернативной интерпретации канонических текстов. Этот подход имеет важное значение при создании Андреевым новой индивидуальной мифологии, в которой не только выражен ответ писателя на современную историческую действительность, но и воплощено его собственное мировоззрение. В этих произведениях ироническое начало проявляется на разных уровнях структуры текста. В рассказе «Бен-Товит» авторская ирония наглядно реализуется через повествовательную инверсию: противопоставление банальной проблемы героя распятию Христа раскрывает несовершенство натуры человека, ограниченность его восприятия и трагическую неспособность к сопереживанию. В «Елеазаре» ироническое видение раскрывается через превращение чуда воскрешения в экзистенциальный ужас. Воскрешенный представлен как чудовищное существо, что ставит под сомнение саму идею воскрешения как торжества жизни. В повести «Иуда Искарот» иронию можно интерпретировать как философскую позицию, позволяющую обнаружить противоречивость и несостоятельность догматической веры, а парадоксальная концепция «предательства от любви», во многом созвучная пессимистическому мировосприятию писателя, дает неклассическую трактовку библейской истории. В исследовании доказано, что ирония в «библейских текстах» Андреева имеет непосредственное отношение к трактовке идейного содержания текстов. Особое внимание уделяется ироническому дистанцированию автора от изображаемых событий как главной стратегии повествования, раскрывающей второй план произведений.

Ключевые слова: ирония; библейские мотивы; Леонид Андреев; «Бен-Товит»; «Елеазар»; «Иуда Искарот»

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-05-13

Для цитирования: Чиан Ч. Ирония в «библейской трилогии» Леонида Андреева // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 5. С. 154–163.

IRONY IN LEONID ANDREEV'S "BIBLICAL TRILOGY"

Chieh-han Chiang (C. Chiang)

National Chengchi University, Taipei, Taiwan; chiehhan@nccu.edu.tw

Abstract: The article studies the role of irony in Leonid Andreev's "biblical trilogy" ("Ben-Tovit," "Lazarus," and "Judas Iscariot"). Irony as a key conceptual device for reinterpreting Gospel narratives and developing alternative interpretation of canonical texts is essential to the formation of the writer's individual mythology, which not only articulates his response to the historical context of his time but also reflects his philosophical outlook. Irony is present at different levels of the works. In "Ben-Tovit", the author's irony is realized through narrative inversion: the juxtaposition of the protagonist's trivial problem with the crucifixion of Christ highlights the flaws of human nature, the limitations of perception, and the tragic incapacity for empathy. In "Lazarus", the miracle of resurrection is reimagined with a twist of existential horror. The resurrected figure is presented as monstrous, challenging the very idea of resurrection as a triumph of life. In "Judas Iscariot", irony as a philosophical position exposes the contradictions and delusions of dogmatic faith. The paradoxical concept of "betrayal out of love," which aligns with the writer's pessimistic worldview, presents a provocative interpretation of the biblical narrative. The study reveals the significance of irony in Andreev's "biblical texts" and its interplay with the philosophical themes these works embody. The author's ironic detachment from the events portrayed is foregrounded as a principal narrative strategy that unveils the underlying dimensions of the stories.

Keywords: irony; biblical motifs; Leonid Andreev; "Ben-Tobit"; "Lazarus"; "Judas Iscariot"

For citation: Chiang C. (2025) Irony in Leonid Andreev's "Biblical Trilogy". *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 154–163.

Комментируя художественное мировоззрение модернизма, Х. Ортега-и-Гассет называл «тяготение к глубокой иронии» одной из основных тенденций нового искусства [Ортега-и-Гассет 1991: 228]. Творчество Л.Н. Андреева представляет собой яркий пример воплощения этого явления. Вспоминая о своих первых впечатлениях от литературного дебюта писателя, пасхального рассказа «Бергамот и Гараська», М. Горький обращал особое внимание на то, что за внешней простотой этого произведения в тоне повествования чувствуется «скрытая автором умная улыбочка недоверия к факту» [Горький 1973: 313]. Проницательная характеристика Горького указывает на одну из важнейших черт, свойственных поэтике Андреева, а именно тонкую иронию, выражающую неоднозначное отношение автора как к окружающему миру, так и к своим творениям. Ироническая тональность присутствует едва ли не во всех произведениях Андреева и является одной из доминант творчества писа-

теля. Об этом писала И.И. Московкина, говоря о «структурообразующей и концептуальной роли» иронии в прозе и драматургии Андреева [Московкина 2005: 267].

Значимую часть литературного наследия Андреева составляет корпус «библейских текстов», в котором автор обращается к общеизвестным евангельским сюжетам. Эти произведения важны прежде всего как попытки писателя сформировать новую индивидуальную мифологию, в которой, с одной стороны, выражен ответ автора на современную историческую действительность, с другой — воплощено «стремление выйти за социально-исторические и пространственно-временные рамки ради выявления <...> “общечеловеческого” содержания» [Мелетинский 2000: 9], существенное для перехода к культуре модернизма.

Кроме того, как показано Л.А. Иезуитовой, в этих текстах Андреевым разработан особый «библейский стиль», отличающийся ритмичностью прозаической речи, обилием повторов и сравнений. По утверждению ученого, принципиально важно и наличие в этих произведениях своего рода «двуплановости повествования», то есть «за “открытым” значением слова, образа, действия скрывается второй, потаенный смысл» [Иезуитова 1996: 40]. Следует отметить, что в данной форме иносказания основополагающую функцию выполняет именно ирония, которая наиболее отчетливо прослеживается в «библейской трилогии» Андреева, включающей такие произведения, как рассказы «Бен-Товит», «Елеазар» и повесть «Иуда Искариот», созданные в середине 1900-х гг. на основе евангельских мотивов. Эти тексты, по мнению Е.А. Михеичевой, связаны между собой не только «общностью первоисточника», но и «единством авторской мысли и ее художественного воплощения» [Михеичева 1985: 90].

Ироническое отношение, с одной стороны, подразумевает отрицание через противоположность, с другой — предлагает дистанцирование и переоценку, тем самым раскрывая возможность для критического восприятия [Лосев, Шестаков 1965]. Такой механизм имеет большое значение в рассказе «Бен-Товит». В этом произведении, отличающемся кажущейся простотой, описывается история распятия Христа с точки зрения простого иерусалимского обывателя, чье имя вынесено в заглавие. Композиционная структура рассказа, в которой явно выражена авторская ирония, основана главным образом на инверсии событийного центра: в тексте подробно воспроизведены тривиальные мысли и бытовые детали жизни заглавного персонажа, в то время как крестный путь Христа представлен в качестве периферийного, второстепенного события.

В фокусе внимания произведения — банальное страдание, испытываемое героем. Нарастание его зубной боли составляет главную

линию сюжетного развития: «легкое ощущение боли» превращается в жуткое испытание, когда «весь рот и голова полны были ужасным ощущением боли, как будто Бен-Товита заставили жевать тысячу раскаленных докрасна острых гвоздей» [Андреев 1990, 1: 555]. В рассказе дается динамика противостояния героя мучительной боли, между тем настоящая трагедия исторического масштаба изображена лишь косвенно. Можно даже сказать, что она лишена действия. В начале повествования на нее намекает вид «Голгофы с тремя крестами» [Андреев 1990, 1: 555], а ближе к концу упоминается, что «неразборчиво темнели кресты, и у подножия среднего креста смутно белели какие-то коленопреклоненные фигуры» [Андреев 1990, 1: 557]. Кроме того, важно обратить внимание, что в основной части рассказа прослеживается ироническое дистанцирование автора как главная повествовательная стратегия, раскрывающая второй план произведения.

Наиболее иронично описаны те эпизоды, которые потенциально могли бы привести героя к духовному прозрению, но подобная трансформация так и не осуществляется. Бен-Товит реагирует на рассказ детей об Иисусе отнюдь не из-за интереса к фигуре последнего; его негодование было вызвано не фактом несправедливости, а тем, что дети «пристают к нему со всякими пустяками» [Андреев 1990, 1: 556]. Примечателен и тот момент, когда на дороге к месту казни человек «с длинными светлыми волосами, в разорванном и окровавленном хитоне <...> споткнулся на брошенный под ноги камень и упал», а Бен-Товит «внезапно вздрогнул от боли», как будто «в зуб <...> вонзил кто-то раскаленную иглу и повернул ее» [Андреев 1990, 1: 556]. Возникает некая символическая параллель между физической болью героя и муками Христа, которая могла послужить толчком к состраданию и пониманию сущности происходящего, однако выясняется, что Бен-Товит, по всей видимости, к этому неспособен.

Парадоксально, что герой, «добрый и хороший человек, не любивший несправедливости», в рассказе становится не кем иным, как одним из равнодушных свидетелей «мировой несправедливости» [Андреев 1990, 1: 555]. Мысли героя сосредоточены исключительно на собственной боли и незначительной коммерческой выгоде, судьба Христа не обретает в его восприятии никакого глубинного смысла. Безразличие Бен-Товита к чужому страданию достигает кульминации в финале рассказа. Придя на Голгофу после распятия в компании супруги и приятеля, он уже не ощущал боли и, «мельком взглянув на распятых», стал с комическим пафосом изображать свою зубную боль, «делал страдальческое лицо, мотал головой и искусно стонал» [Андреев 1990, 1: 557–558]. Особенно иронично вы-

глядит, что друг персонажа «сочувственно» реагирует на его лицедейство. Таким образом противопоставлены ничтожная боль Бен-Товита и страдания Христа; раскрыт авторский взгляд на несовершенство натуры человека, его эгоизм, приводящие к глобальному непониманию сути мировой трагедии.

Аналогичный прием смещения фокуса повествования играет существенную роль также в рассказе «Елеазар», сюжет которого продолжает библейскую легенду о воскрешении Лазаря, совершенном Христом. Если в центре евангельского сказания находится чудо воскрешения, а облик Лазаря и его дальнейшая судьба остаются за пределами внимания повествователя, то Андреев в своем рассказе развивает философское осмысление бытия человека на границе жизни и смерти, сосредотачиваясь на самом персонаже, углубляя его характер и исследуя его трансформацию после обретения знания о потустороннем мире. В этой инверсии повествовательной перспективы раскрывается ироническая позиция автора, которая создает пространство для переосмысления канонического евангельского сказания.

Трансгрессивный характер такого решения отметил, в частности, М.А. Волошин, который в своей рецензии на рассказ, упрекающей Андреева в оскорблении таинства смерти, задает совершенно точный вопрос: «Где же Христос?» [Волошин 1988: 453]. Помимо этого, критиком выделен очень важный аспект изображения героя, а именно его чрезмерная, экспрессивно подчеркнутая физиологичность. Волошин характеризует образ Елеазара как «карикатурно-чудовищный», называя его «просто трупом, в котором приостановлен процесс разложения» [Волошин 1988: 453]. И, следовательно, по мысли автора рецензии, ужас, вызванный андреевской историей о воскрешении, зарождается «в анатомическом театре, а не в трагедии человеческого духа» [Волошин 1988: 453].

Действительно, в этом произведении писатель с осязаемой точностью воспроизводит внешность героя, особенно ее посмертные изменения. Дается натуралистический портрет Елеазара: подробно описаны «густая землистая синева» на его лице, землисто-синие пальцы рук и «тонкие, красноватые трещинки, блестящие, точно покрытые прозрачной слюдой» [Андреев 1990, 2: 192]. Подчеркнуты признаки физиологической деформации героя: «раздутое в могиле тело сохранило <...> чудовищные размеры, <...> страшные выпуклости, за которыми чувствуется зловонная влага разложения» [Андреев 1990, 2: 192–193]. Через беспощадную анатомическую оптику исследована фигура Елеазара, которая в традиционной трактовке была призвана служить прежде всего свидетельством совершивше-

гося чуда и неопровержимым доказательством торжества жизни над смертью.

Таким образом, можно утверждать, что в «Елеазаре» представлена ироническая ситуация, где не только чудо оборачивается трагедией, но и ставится под сомнение сама идея воскрешения, которая занимает важнейшее место в евангельских сказаниях о Христе. В рассказе Андреева «божья помощь», с которой связано происхождение имени Лазаря, не приносит радостей жизни, а творит чудовищное существо. Как отмечала Е.А. Михеичева, в этом произведении бесконечность лишает жизнь смысла, воскресший герой «фактически перестал быть человеком» [Михеичева 2017: 75]. Существенно, что в этом случае Елеазар не только утрачивает собственную жизненную силу, но и отнимает у окружающих людей волю к существованию. В рассказе акцент сделан на «губительной силе» его взгляда: человек, столкнувшийся с таким взором, «равнодушно и спокойно <...> начинал умирать, <...> умирал бесцветный, вялый и скучный, как дерево, молчаливо засыхающее на каменистой почве» [Андреев 1990, 2: 194–195]. Перед таким существом представляются бессильными и бессмысленными искусство и всяческие идеалы этого мира, что демонстрируется в сценах встреч Елеазара с художником Аврелием и императором Августом. В этом контексте особенно абсурдно звучит неоднократно повторяющееся в повествовании словосочетание «чудесно воскресший», применяемое для характеристики героя произведения.

В повести «Иуда Искарот», как и в анализируемых выше текстах, библейская история излагается с необычной точки зрения — в этом случае на первый план выводится фигура Иуды. По замыслу Андреева, повесть посвящена главным образом художественному исследованию «психологии, этики и практики предательства» [Вересаев 1961: 410]. Для писателя принципиально важным являлось не только предложить альтернативную трактовку одного из центральных эпизодов новозаветного канона, но и сконструировать на основе евангельского повествования философскую модель, выражающую его собственное миропонимание.

В повести ирония имеет отношение прежде всего к образу и манере поведения заглавного героя, который представляет собой воплощение противоречивых начал. Как заметила Н.Н. Арсентьева, образ андреевского Иуды отличается «постоянной раздвоенностью» [Арсентьева 1983: 64]. Эта особенность находит свое визуальное отражение прямо в описании лица персонажа, которое изображено как состоящее из двух контрастных частей: «одна сторона его, с черным, остро высматривающим глазом, была живая, подвижная, охотно собиравшаяся в многочисленные кривые морщинки», меж-

ду тем на другой стороне «не было морщин, и была она мертвенно-гладкая, плоская и застывшая; и хотя по величине она равнялась первой, но казалась огромною от широко открытого слепого глаза» [Андреев 1990, 2: 212]. Можно утверждать, что в данных портретных деталях воплощены ключевые характеристики фигуры Иуды, а именно амбивалентность и парадоксальность, непосредственно коррелирующие с иронической позицией личности.

Примечательно, что в повести Иуду называют «шутником» [Андреев 1990, 2: 227]. Это качество выделено, в том числе, И.Ф. Анненским, воспринявшим героя как «смесь шута и самодура» [Анненский 1979: 148]. В общении Иуды с другими учениками Христа выражен его ироничный взгляд на окружающую действительность: в его речи прослеживается сочетание игрового самоуничтожения, льстивой манипуляции и скрытой насмешки. Нужно отметить, что в повести подобная риторическая стратегия, свойственная Иуде, не только служит проявлением остроумия, включающего элементы обмана и способствующего введению собеседника в заблуждение, но может иметь отношение и к обнажению сущности явлений, что восходит к традиции иронии как философской позиции.

По утверждению Л.А. Колобаевой, главный парадокс фигуры андреевского Иуды заключается в том, что он, с одной стороны, «лжец, вечный притворщик», а с другой — «искатель истины» [Колобаева 1990: 141], ведь «Иуде нужно не доказать, что ученики Христа, как и люди вообще, дурны, — доказать Христу, всем людям, а самому узнать, каковы же они на деле, узнать их реальную цену» [Колобаева 1990: 142]. В основе мыслей Иуды лежит пессимистическое восприятие действительности, созвучное философским воззрениям автора повести. В произведении это изложено следующим образом: «Хорошими же людьми, по его мнению, называются те, которые умеют скрывать свои дела и мысли; но если такого человека обнять, приласкать и выспросить хорошенько, то из него потечет, как гной из проколотой раны, всякая неправда, мерзость и ложь» [Андреев 1990, 2: 215]. Таким образом, иронию, отличающую Иуду от других учеников, можно интерпретировать как своеобразный акт игрового побуждения к обнаружению иллюзорности существующей моральной системы и опровержению косности мышления. На это указывает сам Иуда, спрашивая: «<...> разве не приятно быть крюком, на который вывешивает для просушки: Иоанн — свою отсыревшую добродетель, Фома — свой ум, поеденный молью?» [Андреев 1990, 2: 229–230]. В повести именно посредством иронии Иуда пытается раскрыть противоречивость и несостоятельность догматической веры апостолов. Здесь имеет существенное значение не только стремление героя нарушить существующий порядок и под-

вергнуть общепринятые ценности критическому сомнению, но и проявление субъективного начала и творческой энергии, которые являются важными элементами иронической рефлексии.

Разумеется, ключевая ирония повести «Иуда Искариот» воплощается в парадоксальной концепции «предательства от любви». В повествовании Андреева дается мотивировка этого решения с помощью описания крайне мощных противоречивых психологических переживаний, которые испытывает герой. Весьма показательно «безмолвное» обращение к Иисусу в сознании Иуды: «Целованием любви предаем мы тебя. Целованием любви предаем мы тебя на поругание, на истязания, на смерть! Голосом любви скликаем мы палачей из темных нор и ставим крест — и высоко над теменем земли мы поднимаем на кресте любовью распятую любовь» [Андреев 1990, 2: 247]. С одной стороны, показано, как в критической ситуации верность неизбежно оборачивается предательством; с другой — горькая ирония усиливает трагизм произведения. Как отметила Л.А. Иезуитова, «повесть завершается названием зла, при всей его неизбежности, злом, а предательства, при всей его неистребимости и “полезности”, — предательством» [Иезуитова 2010: 430].

М.А. Волошин в своем неодобрительном отзыве на повесть «Иуда Искариот» выражает мысль, указывающую на значимость рассматриваемых нами произведений. Сравнивая детали евангельских сказаний с «алгебраическими формулами, в которых все части так глубоко связаны между собой, что малейшее изменение в соотношении их в итоге равняется космическому перевороту», критик отмечает, что «когда художник вводит свое живое “я” в законченные кристаллы евангельского рассказа, то индивидуальность его сказывается с такой полнотой и четкостью, с какой не может сказаться ни в какой иной области» [Волошин 1988: 461]. Можно утверждать, что ирония в разных формах ее воплощения играет ключевую роль в «библейской трилогии» Андреева. Она прослеживается как на повествовательном уровне, так и в структуре образной системы и в сюжетной динамике, имеет существенное значение для выражения авторской позиции. Посредством иронического взгляда писатель реинтерпретирует канонические сюжеты и создает собственную мифологию, важную для философского осмысления человеческого бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев Л.Н. Собр. соч.: В 6 т. М., 1990–1996.
2. Анненский И. Иуда // Анненский И. Книги отражений. М., 1979. С. 147–152.
3. Арсентьева Н.Н. О природе образа Иуды Искариота // Творчество Леонида Андреева: Исследования и материалы. Курск, 1983. С. 63–75.

4. Вересаев В. Леонид Андреев // Вересаев В. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. М., 1961. С. 395–421.
5. Волошин М. Лики творчества. Л., 1988.
6. Горький М. Леонид Андреев // Горький М. Полн. собр. соч. Художественные произведения: В 25 т. Т. 16. М., 1973. С. 313–357.
7. Иезуитова Л.А. «Елеазар», библейский рассказ Л.Н. Андреева // Блоковский сборник. XIII. Тарту, 1996. С. 39–62.
8. Иезуитова Л.А. Апостол Иуда Искариот Леонида Андреева и евангельская бесплодная смоковница // Иезуитова Л.А. Леонид Андреев и литература Серебряного века: Избранные труды. СПб., 2010. С. 399–430.
9. Колобаева Л.А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX–XX вв. М., 1990.
10. Лосев А.Ф., Шестаков В.П. Ирония // Лосев А.Ф., Шестаков В.П. История эстетических категорий. М., 1965. С. 326–359.
11. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 2000.
12. Михеичева Е.А. Жанровые особенности «библейских рассказов» Л.Н. Андреева // Жанры в историко-литературном процессе. Вологда, 1985. С. 88–101.
13. Михеичева Е.А. Мотив воскрешения в творчестве Леонида Андреева // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15. № 1. С. 68–79.
14. Московкина И.И. Между «про» и «contra»: координаты художественного мира Леонида Андреева. Харьков, 2005.
15. Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991.

REFERENCES

1. Andreev L.N. *Sobr. soch.: V 6 t.* [Works]. Moscow, *Khudozhestvennaia literatura Publ.*, 1990–1996. (In Russ.)
2. Annenskii I. Iuda [Judas]. Annenskii I. *Knigi otrazhenii* [Books of Reflections]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1979, pp. 147–152. (In Russ.)
3. Arsent'eva N.N. O prirode obraza Iudy Iskariota [On the Nature of the Image of Judas Iscariot]. *Tvorchestvo Leonida Andreeva: Issledovaniia i materialy* [The Works of Leonid Andreev: Research and Materials]. Kursk, *Kursk State Pedagogical Institute Publ.*, 1983, pp. 63–75. (In Russ.)
4. Veresaev V. Leonid Andreev [Leonid Andreev]. Veresaev V. *Sobr. soch.: V 5 t. T. 5* [Works. Vol. 5]. Moscow, *Pravda Publ.*, 1961, pp. 395–421. (In Russ.)
5. Voloshin M. *Liki tvorchestva* [Faces of Creation]. Leningrad, *Nauka Publ.*, 1988. 848 p. (In Russ.)
6. Gor'kii M. Leonid Andreev [Leonid Andreev]. Gor'kii M. *Poln. sobr. soch. Khudozhestvennye proizvedeniia: V 25 t. T. 16* [Complete Literary Works. Vol. 16]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1973, pp. 313–357. (In Russ.)
7. Iezuitova L.A. “Eleazar,” bibleiskii rasskaz L.N. Andreeva [Lazarus, L.A. Andreev's Biblical Story]. *Blokovskii sbornik. XIII* [Blok Studies. Vol. 13]. Tartu, *Tartu University Press Publ.*, 1996, pp. 39–62. (In Russ.)
8. Iezuitova L.A. Apostol Iuda Iskariot Leonida Andreeva i evangel'skaia besplodnaia smokovnitza [Leonid Andreev's Apostle Judas Iscariot and the Barren Fig Tree in the Gospel]. Iezuitova L.A. *Leonid Andreev i literatura Serebriannogo veka: Izbrannye trudy* [Leonid Andreev and the Literature of the Silver Age: Selected Works]. Saint Petersburg, *Petropolis Publ.*, 2010, pp. 399–430. (In Russ.)
9. Kolobaeva L.A. *Kontseptsiiia lichnosti v russkoi literature rubezha XIX–XX vv.* [The Concept of Personality in Russian Literature at the Turn of the 19th–20th Centuries]. Moscow, *Moscow State University Press Publ.*, 1990. 336 p. (In Russ.)

10. Losev A.F., Shestakov V.P. Ironiia [Irony]. Losev A.F., Shestakov V.P. *Istoriia estetieskikh kategorii* [A History of Aesthetic Categories]. Moscow, *Iskusstvo Publ.*, 1965, pp. 326–359. (In Russ.)
11. Meletinskii E.M. *Poetika mifa* [The Poetics of Myth]. Moscow, *Vostochnaia literatura, Russian Academy of Sciences Publ.*, 2000. 407 p. (In Russ.)
12. Mikheicheva E.A. Zhanrovye osobennosti “bibleiskikh rasskazov” L.N. Andreeva [Generic Features of L.N. Andreev’s “Biblical Stories”]. *Zhanry v istoriko-literaturnom protsesse* [Genres in Historical and Literary Process]. Vologda, *Vologda State Pedagogical Institute Publ.*, 1985, pp. 88–101. (In Russ.)
13. Mikheicheva E.A. Motiv voskresheniia v tvorchestve Leonida Andreeva [The Motif of Resurrection in the Works of Leonid Andreev]. *Problemy istoricheskoi poetiki* [Problems of Historical Poetics], 2017, vol. 15, no. 1, pp. 68–79. (In Russ.)
14. Moskovkina I.I. *Mezhdue “pro” i “contra”: koordinaty khudozhestvennogo mira Leonida Andreeva* [Between “Pro” and “Contra”: The Coordinates of Leonid Andreev’s Artistic World]. Kharkiv, *V. N. Karazin Kharkiv National University Publ.*, 2005. 288 p. (In Russ.)
15. Ortega-i-Gasset X. *Estetika. Filosofiiia kul’tury* [Aesthetics. Philosophy of Culture]. Moscow, *Iskusstvo Publ.*, 1991. 588 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 10.04.2025

Принята к публикации 27.05.2025

Отредактирована 06.09.2025

Received 10.04.2025

Accepted 27.05.2025

Revised 06.09.2025

ОБ АВТОРЕ

Чиан Чиэх-хан — кандидат филологических наук, ассистент-профессор факультета славистики Государственного университета Чжэнчжи;
chiehhan@nccu.edu.tw

ABOUT THE AUTHOR

Chiang Chieh-han — PhD, Assistant Professor, Department of Slavic Languages and Literatures, National Chengchi University; chiehhan@nccu.edu.tw

«ПИСЬМА ДИНАСТИИ МИНЬ»: О ЦИКЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ И.А. БРОДСКОГО С КИТАЙСКИМ КОНТЕКСТОМ¹

Ян Сяоди

*Тайюаньский технологический университет, Тайюань, Китай;
yangxiaodi1984@163.com*

Аннотация: Статья посвящена изучению цикла стихотворений Иосифа Бродского «Письма династии Минь» (1977), в котором поэт описал ситуацию, приуроченную ко временам могущественной династии феодального Китая, и выразил свои сложные чувства из-за отъезда из России на основе иносказания и аллюзии. Рассматриваются смысл цикла и его связь с традиционной китайской культурой, в том числе «Дао Дэ Цзин» и концепцией «четных и нечетных чисел». Благодаря интересу Бродского к китайской культуре с детства и постоянному ее углубленному изучению цикл представляет его внутренний и философско-художественный мир объемно и богато.

Ключевые слова: И. Бродский; «Письма династии Минь»; Запад и Восток; даосизм

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-05-14

Для цитирования: Ян Сяоди. «Письма династии Минь»: о цикле стихотворений И.А. Бродского с китайским контекстом // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 5. С. 164–174.

LETTERS FROM THE MING DYNASTY: ON THE CHINESE CONTEXT IN JOSEPH BRODSKY'S POEM CYCLE

Yang Xiaodi

Taiyuan University of Technology, Taiyuan, China; yangxiaodi1984@163.com

Abstract: The article is devoted to the study of J. Brodsky's poem cycle *Letters from the Ming Dynasty* (1977), in which the poet described the situation associated with the times of the powerful feudal Chinese dynasty, and expressed his complex feelings about leaving Russia based on poetics of allegory and allusion. The meaning of the cycle and its relationship to traditional Chinese culture, including the “Tao Te Ching” and the concept of “even and odd numbers,” are examined in detail. Based

¹ Данная статья была профинансирована стипендией CSC (China scholarship Council). Выражаю глубокую признательность моему научному руководителю А.М. Ранчину за высказанные замечания и советы по тексту статьи.

on the dialogue with Bondarenko and Aist, some concepts of ancient China are clarified, especially about the genre of “Ci.” Thanks to Brodsky’s interest in Chinese culture since childhood and its constant in-depth study, the cycle reflects his inner and philosophical-artistic world in a voluminous and rich manner.

Keywords: J. Brodsky; *Letters from the Ming Dynasty*; West and East; Taoism

For citation: Yang Xiaodi (2025). *Letters from the Ming Dynasty*: On the Chinese Context in Joseph Brodsky’s Poem Cycle. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 164–174.

В 1977 году Иосиф Бродский написал «Письма династии Минь». Бродский не раз² перед чтением объяснял слушателям, что «стихи не имеют отношения к китайским реалиям и в них на самом деле чрезвычайно много личного» [Бондаренко 2016: 300]. И все же они связаны с китайской культурой. Бродский признался: «Единственное, что нужно знать для лучшего понимания этого стихотворения, это то, что династия Минь³ (1368–1644) — это одна из самых жестоких династий в истории Китая» [Бродский 2011: 361].

В каком-то смысле слова Бродского верны. Жестоким правлением отличались почти все династии древнего Китая, но именно в династии Мин автократия укрепилась как никогда ранее: должность первого министра была упразднена, император взял на себя личный контроль над правительством, и у него оказалась безграничная власть. Была организована разветвленная шпионская служба. При этом за время правления династии Мин население Китая увеличилось вдвое. Империя осуществила торговую экспансию и установила связи с Западом. Династия Мин известна и своими достижениями в культуре и искусстве. В это время на весь мир прославился китайский фарфор. В литературе расцвели роман и драма. Одним словом, процветающая и могущественная династия Мин воспринималась Бродским как тоталитарная система, которую, вероятно, можно было сравнить с Советским Союзом.

Бродский познакомился с Китаем и китайской культурой очень рано. Его детство прошло среди китайских дикиховинок, привезенных отцом, вернувшимся с войны с Японией, которая велась на территории оккупированного японцами Китая. В юности поэт оказался на границе с Китаем, когда работал в геологической экспедиции. Как отметил В.Г. Бондаренко, «Китай, китайские мотивы, китайская

² В восьмидесятые годы поэт обязательно читал «Письма династии Минь» на всех своих публичных выступлениях. См. [Лосев 2008: 165].

³ Историки и филологи обычно пишут название династии Мин без мягкого знака, а Бродский пишет с ним. Это, наверное, особенность личного восприятия имени, и она совсем не говорит о незнании Бродским китайской истории.

культура в той или иной мере сопровождали его всю жизнь» [Бондаренко 2016: 297]. И, может быть, «интерес к китайской поэзии у Бродского возник еще в ранние питерские годы под влиянием его давнего друга, прекрасного востоковеда Бориса Вахтина...». Он и уговорил поэта «впервые попробовать себя в переводах с китайского» [Бондаренко 2016: 301]. Наверно, именно благодаря влиянию Вахтина и пониманию специфики китайской поэзии Бродский в 1977 г. написал «Письма династии Минь», где «причудливо переплел печальные обстоятельства собственной судьбы с образами и мотивами», заимствованными из «классической китайской поэзии» [Лосев 2008: 165].

Боль изгнанника и тоска по Родине

Как заметил А.М. Ранчин, «отличительная особенность поэтики Бродского — устойчивость, повторяемость как основных мотивов, так и художественных средств их выражения» [Ранчин 2001а: 6]. Этому выводу соответствуют «Письма династии Минь». Темы, характерные для поэзии Бродского, такие как одиночество и небытие, художественное средство — реминисценция — и черты часто используемого им жанра письма также представлены в этом цикле. Рассмотрим начальные строки.

Скоро тринадцать лет, как соловей из клетки
вырвался и улетел. И, на ночь глядя, таблетки
богдыхан запивает кровью проштрафившегося портного,
откидывается на подушки и, включив заводного,
погружается в сон, убаюканный ровной песней⁴. (III, 154)

Обращает на себя внимание реминисценция из сказки Андерсена «Соловей» (ср. [Ратке 2010: 47; Бродский 2011: 363; Оразбекова 2020: 89]). Поэт вспоминает сказку Андерсена, чтобы представить противопоставление живого и искусственного соловьев и бегство живого соловья из дворца из-за того, что его больше не ценят: «Скоро тринадцать лет, как соловей из клетки / вырвался и улетел». Но у Андерсена соловей через шесть лет вернулся для спасения жизни императора, а у Бродского он не вернулся, хотя прошло «скоро тринадцать лет».

Напомним, что стихотворение написано в 1977 г., а Бродский уехал из СССР не по своей воле в 1972 г., получилось, что минуло только 5 лет с момента его отъезда. Но если подразумевается «психологическое изгнание», преследование со стороны властей, то оно началось как раз почти тринадцать лет назад — в 1964 г. много

⁴ Стихотворения Бродского цитируются по изданию: Сочинения Иосифа Бродского: В 7 т. Т. 1–4 / Общ. ред. Я.А. Гордина. СПб., 2001.

драматических событий произошло в жизни поэта: «8 января “Вечерний Ленинград” публикует подборку возмущенных “писем читателей”, требующих расправы над “тунеядцем Бродским”», и «13 февраля был “арест Бродского”», а «13 марта на втором заседании суд приговорил Бродского к пяти годам принудительных работ на Севере» [Лосев 2008: 335–336].

После исчезновения соловья состояние императора у Бродского сильно ухудшилось, ему пришлось принять лекарство, и он запиывает его «*кровью проштрафившегося портного*» — здесь, вероятно, намек на армянскую сказку «Портной и царь»: жил когда-то в стародавние времена один такой царь, который прославился тем, что «придумывал своим подданным разные испытания». Он всегда изобретал «какую-нибудь хитрость, чтобы правда на его стороне была». Однажды он призывал во дворец всех портных, чтобы они сшили ему одеяло, да такое, что если им укрыться, ноги бы из-под него не торчали. Хотя каждый портной старался угодить царю, не жалея ткани, чтобы сделать свое одеяло подлиннее, но, накрывшись, царь «тут же одеяло поперёк себя поворачивает, так что ноги торчат». Значит, не справился портной с заданием — так и стал «проштрафившимся портным». [Великие 2018: 113–114].

Очевидно, что, как в сказке, поэт подчеркивает жестокость богдыхана (власти СССР): портной (поэт) ни в чем не виноват, а правитель его «кровью запиывает таблетки». Но все равно правитель не излечивается — это неизбежное положение как символ «упадка и оскудения мира, из которого уходит искусство» [Ратке 2010:47].

Затем поэт переходит на другую тему и начинает рассказывать о жизни в дворце:

Вот такие теперь мы празднуем в Поднебесной
невеселые, нечетные годовщины.
Специальное зеркало, разглаживающее морщины,
каждый год дорожает. Наш маленький сад в упадке.
Небо тоже исколото шпильями, как лопатки
и затылок больного (которого только спину
мы и видим). И я иногда объясняю сыну
богдыхана природу звезд, а он отпускает шутки.
Это письмо от твоей, возлюбленный, Дикой Утки
писано тушью на рисовой тонкой бумаге, что дала мне императрица.
Почему-то вокруг все больше бумаги, все меньше риса. (III, 154)

В первых двух строках внимание привлекают «*невеселые, нечетные годовщины*». Здесь появилось явное противоречие. В древнем Китае четные числа представляли «инь», а нечетные — «ян» — «мужская гексаграмма», означающая «весенние надежды» [Ларичев

2018: 7]. Получается, годовщины, тем более нечетные, должны быть радостными, но здесь они невеселые.

В следующих строках внимание переключается на «зеркало» и «сад». «Зеркало», которое разглаживает морщины, каждый год дорожает: время летит быстро и постепенно съедает человека. Напомним, что зеркало у Бродского часто представлено как вход в другой мир, где вроде бы жизнь может еще раз начаться: «это — в конце пути / зеркало, чтоб войти» (III, 36). Но, на самом деле, это просто «ложный вход» — в зеркало — в обычное — не войдешь.

Сад также «в упадке». Мы знаем, что сад у Бродского равен «душе», этот образ обладает глубоким философским смыслом. Когда маленький сад в упадке, значит, душа тоже. Это отражено в «Саде» (I, 30), написанном Бродским еще в 1960 г.

Потом появляется странная, но интересная метафора: «*Небо тоже исколото шпилями, как лопатки / и затылок больного (которого только спину / мы и видим)*». Вспоминаются строки из стихотворения Мандельштама «Я ненавижу свет...» (1912): «*Неба пустую грудь / Тонкой иглою рань*» [Мандельштам 1999: 71], но сам образ у Бродского навеян прежде всего китайской медициной — практикой иглоукалывания. Соотнесенность с мандельштамовским стихотворением — полемическая. У Мандельштама речь идет об экспансии культуры в пустое, еще лишённое смысла пространство, о попытке преодолеть косную материю. А у Бродского — об агрессии обезличивающей тоталитарной силы, воздействующей на тело, лишённое примет индивидуальности, «я» (у «больного» спина, но нет лица).

«*И я иногда объясняю сыну / богдыхана природу звезд, а он отпускает шутки*». Как мы знаем, в поэзии Бродского звезда часто фигурирует как рождественская, как символ чуда — в звезде есть надежда на победу света над тьмой: «*То, что кажется точкой во тьме, может быть лишь / одним — звездой*» (III, 81). Но сын богдыхана принимал это за шутку — то есть надежды нет. И потом в стихотворении первый раз появляется героиня, субъект высказывания, «я» — придворная женщина, которая называет себя «Дикой Уткой», вроде бы это ласковое название себя для любимого.

Дикая утка ассоциируется со свободой. Например, у китайского поэта эпохи Тан Ван Бо есть известные строки: «*Опускается с неба заря и летит наравне с одинокою уткой, и осенние воды слились в один цвет с бесконечной небесною далью*», где показан свободный полет дикой утки, означающий в то же время ее одиночество. Одежда из перьев дикой утки (плащ) также является символом богатства и социального статуса — в романе «Сон в красном тереме» плащ Бао-цинъ, «блестевший золотом и бирюзой», сделан «из перышек, которые растут на голове дикой утки» [Цао Сюэ-цинъ 1958: 683].

Очевидно, что такое прозвище выражает в первую очередь стремление героини к свободе (как в одноименной пьесе Ибсена), а также ее высокий общественный статус.

В.Г. Бондаренко считает, что эта женщина — «одна из любимых наложниц богдыхана (иначе она бы не объясняла сыну богдыхана природу звезд и вряд ли получила бы рисовую тонкую бумагу от самой императрицы)» [Бондаренко 2016: 305]. Но она не может быть наложницей богдыхана, потому что в эпоху династии Мин у наложницы богдыхана не было никакой возможности писать письма своему любовнику. Она должна была быть верна богдыхану, и ее судьба полностью находилась в его руках.

Какова реальность вокруг героини? — *«Почему-то вокруг все больше бумаги, все меньше риса»*. Для эпохи династии Мин характерно развитие издательского дела, но бумага здесь у Бродского ассоциируется не столько с литературой, сколько с бюрократией и делопроизводством.

В.Г. Бондаренко толкует эти строки так: «Возлюбленная буднично пишет о жестокости окружающих ее императорских будней и лишь жалеет, что уже 13 лет не видит своего соловья, одновременно радуясь, что он улетел из клетки. Далее описывается невеселая жизнь героини: зеркала дорожают, садики в упадке, все меньше риса в стране» [Бондаренко 2016: 305]. Но кроме жалоб на жестокость этих будней, все строки первой части стихотворения пронизаны печалью, одиночеством и ощущением упадка мира, связаны с личными испытаниями Бродского, особенно с болью от разлуки с родиной.

Небытие и потеря индивидуальности

Если героиня в первой части еще способна обращаться к герою второй с посланием и ее голос эмоционален, то герой второй части не отвечает на послание, его голос более рациональный, абстрактный, метафизический:

Дорога в тысячу ли начинается с одного шага, гласит пословица. Жалко, что от него не зависит дорога обратно, превосходящая многократно тысячу ли. Особенно отсчитывая от “о”.
Одна ли тысяча ли, две ли тысячи ли — тысяча означает, что ты сейчас вдали от родимого крова, и зараза бессмысленности со слова перекидывается на цифры; особенно на нули. (III, 154)

Должно быть, здесь имеется в виду пословица из «Дао Дэ Цзин» Лао-цзы: «Чтобы пройти тысячу верст, нужно начать ходьбу с одного шага» [Лао-цзы 2019: 57]. Скорее всего, Бродский был знаком с этой книгой. Как вспоминал В.Г. Бондаренко: «Помню, еще когда мы с ним

встречались у него дома, он говорил мне о восточной философии, о “Дао дэ цзин”, цитировал вечные истины мудреца Лао-цзы...” [Бондаренко 2016: 311]. Но если Лао-цзы подчеркивает важность действий, побуждающих людей сделать первый шаг и добиваться своих целей, то Бродский по-другому использует его афоризм: *«Жалко, что от него / не зависит дорога обратно, превосходящая многократно / тысячу ли. Особенно отсчитывая от “о”»*. Одна или две тысячи ли (китайская мера длины) — это уже не имеет значения. Главное, что поэт далеко от родины, возврата на которую нет. «Тысяча» здесь не столько относится к конкретному числу, сколько является символом расстояния (скорее душевного).

«Зараза бессмысленности» — вариант устойчивого мотива «небытия» у Бродского: *«жизнь — синоним / небытия и нарушенья правил»* (III 285–286), и «зараза» перекидывается на цифры, особенно на нули — как «пустота». Но сразу после этого во второй строфе внимание обращается к Западу и Стене:

Ветер несет нас на Запад, как желтые семена
из лопнувшего стручка, — туда, где стоит Стена.
На фоне ее человек уродлив и страшен, как иероглиф,
как любые другие неразборчивые письма. (III, 154)

Сила ветра несет нас на Запад, *«как желтые семена / из лопнувшего стручка»*, это такая могущественная сила, перед которой мы беспомощны. Заметим, что слово «Запад» написано с большой буквы, то есть это не просто географическое понятие, а «западный мир». *«Как желтые семена»* — аллюзия на китайцев как представителей так называемой «желтой расы», а «из лопнувшего стручка» — типичный образ выброшенности из дома (изгнанник). И конечная точка движения — «Стена».

Но почему Стена стоит на западе? Ведь в реальности Стена находится по отношению ко всем бывшим столицам Поднебесной скорее на севере, а по отношению к изгнаннику она должна находиться на юге. И почему *«На фоне ее человек уродлив и страшен, как иероглиф, / как любые другие неразборчивые письма»*? Несомненно, это сравнение отражает европейский, а отнюдь не китайский взгляд.

Очевидно, речь здесь идет уже не о Великой китайской стене и не о персонаже-китайце, а о психологической преграде между Востоком (Советским Союзом) и Западом. В описании «Стены» у Бродского сохраняется лишь значение «преграда, препятствие» (как Берлинская стена). Он пишет о «Стене» и «Западе» в своем личном восприятии. Письмена, лишенные смысла, — метафора тоталитарной печати, оставленной на герое той реальностью, в которой он родился и вырос. Поэт психологически словно против

продолжения дороги, которая привела его к Стене и Западу. Потому что

Движение в одну сторону превращает меня
в нечто вытянутое, как голова коня.
Силы, жившие в теле, ушли на трение тени
о сухие колосья дикого ячменя. (III,155)

Это продолжение мотива «пути без возврата» и показывает ущербность героя: он не может стать полноправной, органической частью западной цивилизации: Стена — не столько внешняя преграда, поставленная на его пути тоталитарной властью, сколько внутренний барьер.

Изгнание на Запад Бродского мучит: *«движение в одну сторону превращает меня / в нечто вытянутое, как голова коня»*. В небесспорной трактовке В.Г. Бондаренко эти строки означают, что Бродский не хотел превращаться в «одностороннего, плоскостного, вытянутого в сторону Запада поэта», понимал, что его сила, его поэтическое величие только «в России и великой русской культуре» [Бондаренко 2016: 310]. «Западный ветер» — это скорее воля судьбы и, главное, метафора неизбежного культурного выбора автора и тех, от лица кого он говорит (не случайно выбрано местоимение множественного числа «нас»). Более убедительно суждение, что «неразборчивые письма» — это страшная для него «неразличимость поэтической личности, потеря индивидуальности» [Бондаренко 2016: 310]. Как заметил сам Бродский, «жизнь в чуждой языковой среде, со всеми вытекающими последствиями, — это испытание» [Полухина 2000: 189]. Поэт не хотел уезжать из России, но движение на запад диктуется судьбой — ветром (внешней силой) и историческим выбором, сделанным Россией еще в петровские времена. И еще поколенческим выбором. Однако пребывание героя второго письма на Западе также не получилось органичным — Стена преграждает ему путь.

Бродский более или менее предвидел свою судьбу — *«Силы, жившие в теле, ушли на трение тени / о сухие колосья дикого ячменя»*. Жизнь в изгнании, чужая языковая среда в определенной степени поглотили силы поэта, приготовив ему раннюю смерть. Очевидно, что центр и разрушительное время первой части превращается в периферию и поглощающее пространство второй части. И обе они представляют картину мира, охваченного упадком, в том числе и личную трагедию самого поэта.

Еще немного о структуре произведения. Лев Лосев отметил: «Две шестнадцатистрочные части стихотворения семантически симметричны: первая строка части I содержит характеристику прожито-

го времени (“тринадцать лет”), а первая строка части II характеристику пройденного пути (“тысяча ли”); заключает часть I слово “риса”, а часть II — слово “ячменя”. В то же время “женская” и “мужская” части содержательно контрастны: первая насыщена конкретной, предметной образностью, вторая знаковой — слова, цифры, иероглиф» [Бродский 2011: 362]. И такая форма «Письма династии Минь», по мнению китаиста Т. Аист, соответствует «жанру китайской поэзии, который называется “цы”... Согласно законам этого жанра, <автор выступает от имени> женщины, чаще всего, какой-нибудь знаменитой фаворитки двора, которая находится в разлуке со своим влиятельным любовником и... выражает свои... страдания в песне-плаче» [Аист 2000: 135].

С этим можно поспорить. Как жанр китайской поэзии «цы» достиг расцвета в период правления династии Сун, а не в эпоху Мин, и он характеризуется сочетанием строк различной длины, причем допускаются самые разные их комбинации. И суть поэтики «цы» не состоит только в роли женщины. Например, самые известные поэты в жанре «цы» в годы правления династии Сун — Су Ши и Синь Цицзи (оба мужчины), и их творчество обычно изображает грандиозные сцены и великолепные природные пейзажи, вызывая у людей философское (скорее позитивное) размышление о жизни, а не переживания о любви (как песня-плач у женщин); Ли Бо написал «Письмо жены речного торговца» именно от лица тоскующей в разлуке с мужем женщины. То есть между жанром «цы» и ролью женщины (в том числе ее социальным статусом) нет никакой логической связи.

Еще по поводу *«скоро тринадцать лет, как соловей из клетки»* Т. Аист указала: «Начало китайского “цы”, как правило, указывает на время разлуки, либо через указание на время года, либо при помощи конкретной даты» [Аист 2000: 135]. Это не совсем так. Стоит сказать, что в жанре «цы» не обязательно нужно в начале указывать точную дату, для этого жанра самое главное — это написание в соответствии с «цыпай» — мелодией для музыкального исполнения стихов этого жанра. Мелодия, на которую слагают стихи жанра «цы», является самой важной ее частью («цы» — это скорее из области «музыкальной литературы», чем собственно поэзии).

Заметим, что стихи с авторской пометой «письмо» Бродский пишет «на протяжении более чем 30 лет (с 1962 по 1993 гг.)» [Артемова 2023: 25], это один из его любимых жанров. И, согласно жанровой поэтике Бродского, указания «письма от кого» и «письма кому» здесь не всегда важны. Он обычно отвергает имплицитного адресата своих стихов. Вот поэтому упомянутый в первой части «возлюбленный» на самом деле никогда не сможет получить письмо (как мы выше упомянули). Таким образом, цикл «Письма династии

Минь» невольно становится разговором поэта с собой и о себе, взглядом на себя со стороны (извне), который на самом деле является актом самопознания, автокоммуникации и выражением личных чувств. Ведь, по Бродскому, всякая лирика — это «ответ души на существование» [Волков 1998: 256].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аист Т. Иосиф Бродский — переводчик с китайского // Побережье (Philadelphia). 2000. № 9. С.130–143.
2. Артемова С.Ю. Жанровые стратегии в поэзии И.А. Бродского // Иосиф Бродский как эпоха: коллективная Монография / Сост. О.В. Богдановой, И.В. Романовой, СПб., 2023. С.21–35.
3. Бондаренко В.Г. Бродский: русский поэт. М., 2016.
4. Бродский И.А. Сочинения Иосифа Бродского: В 7 т. / Общ. ред. Я.А. Гордина. СПб., 2001. Т. 1–4.
5. Бродский И.А. Стихотворения и поэмы: В 2 т. Т.2 / Вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. Л.В. Лосева. СПб., 2011.
6. Великие сказки мира / Пересказ Н. Колпаковой, М. Михайлова и др. М., 2018.
7. Волков С.М. Диалоги с Иосифом Бродским. М., 1998.
8. Лао-цзы. Дао Дэ Цзин / Пер. Д. Кониси, Л. Толстого. М., 2019.
9. Ларичев Ю.А. (сост). И цзин. Китайская Книга Перемен. Черновцы, 2018.
10. Лосев Л.В. Иосиф Бродский: опыт литературной биографии. М., 2008.
11. Мандельштам О.Э. Собрание сочинений: В 4 т. Т.1. М., 1999.
12. Оразбекова В.В. Аллюзия как средство выражения интертекстуальности в стихотворении И. Бродского «Письма династии Минь» // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. Выпуск № 3(3). Тула, 2020. С.86–93.
13. Полухина В.П. (сост). Иосиф Бродский. Большая книга интервью. М., 2000.
14. Ранчин А.М. Иосиф Бродский и русская поэзия XVIII—XX веков. М., 2001.
15. Ранчин А.М. «На пиру Мнемозины»: Интертексты Бродского. М., 2001.
16. Ратке И.Р. «Письма династии Минь» И. Бродского: диптих об упадке и разрушении // Пристальное прочтение Бродского: Сб. статей / Под ред. В.И. Козлова, Ростов н/Д., 2010. С. 44–55.
17. Цао Сюэ-цин. Сон в красном тереме: В 2 т. Т. 1 / Пер. с китайского В.А. Панаюка. М., 1958.

REFERENCES

1. Aist T. *Iosif Brodskii — perevodchik s kitaiskogo* [Joseph Brodsky — a Translator from Chinese]. *Poberezh'e* (Philadelphia), 2000. № 9, pp. 130–143. (In Russ.)
2. Artemova S.Iu. *Zhanrovye strategii v poezii I.A. Brodskogo* [Genre Strategies in the Poetry of I.A. Brodsky], *Iosif Brodskii kak epokha: kollektivnaia Monografiia* [Joseph Brodsky as an Epoch: A Collective Monograph], ed. by O.V. Bogdanova, I.V. Romanova, St. Petersburg, *Izdatel'stvo Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, 2023, pp. 21–35. (In Russ.)
3. Bondarenko V.G. *Brodskii: russkii poet* [Brodsky: Russian Poet]. Moscow, *Molodaia gvardiia Publ.*, 2016. 448 p. (In Russ.)
4. Brodskii I.A. *Sochineniia Iosifa Brodskogo* [Works of Joseph Brodsky]: In 7 vols., ed. by Ia.A. Gordina. St Petersburg, *Pushkinskii fond Publ.*, 2001. Vol. 1–4. (In Russ.)

5. Brodskii I.A. *Stikhotvorenniia i poemny* [Poems and Epics]: In 2 vols. Vol. 2, ed.by L.V. Losev. St Petersburg, *Izd-vo Pushkinskogo Doma; Izd-vo "Vita Nova"*, 2011. 573 p. (In Russ.)
6. Lao-tszy. *Dao De Tszin* ["Tao Te Ching"], per. D. Konisi, L. Tolstogo. Moscow, *Izdatel'stvo ACT.*, 2019. 160 p. (In Russ.)
7. Larichev Iu.A.,ed. *I tszin. Kitaiskaia Kniga Peremen* [I Ching. The Chinese Book of Changes]. Chernivtsi, «Misto», 2018. 70 p. (In Russ.)
8. Losev L.V. *Iosif Brodskii: opyt literaturnoi biografii* [Joseph Brodsky: the Experience of Literary Biography]. Moscow, *Molodaia gvardiia Publ.*, 2008. 446 p. (In Russ.)
9. Mandel'shtam O.E. *Sobranie sochinenii* ["Collected Works"]: In 2 vols. Vol. 1. Moscow, *Art-Biznes-Tsentr*, 1999. 368 p. (In Russ.)
10. Orazbekova V.V. *Alliuziia kak sredstvo vyrazheniia intertekstual'nosti v stikhotvorennii I. Brodskogo «Pis'ma dinastii Min'»* [Allusion as a means of expressing intertextuality in I. Brodsky's poem "Letters of the Ming Dynasty"], in: *Tul'skii nauchnyi vestnik. Seriia Istoriia. Iazykoznanie* [Tula Scientific Bulletin. Series History. Linguistics]. Tula, TGPU im. L.N. Tolstogo, 2020. № 3 (3), pp. 86–93. (In Russ.)
11. Polukhina V.P., ed. *Iosif Brodskii. Bol'shaia kniga interv'iu* ["Joseph Brodsky. The Big Book of Interviews"]. Moscow, *Zakharov Publ.*, 2000. 704 p. (In Russ.)
12. Ranchin A.M. *Na piru Mnemoziny: Interteksty Brodskogo* [On Mnemosyne's Feast: Brodsky's Intertexts]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie Publ.*, 2001. 464 p. (In Russ.)
13. Ranchin A.M. *Iosif Brodskii i russkaia poeziia XVIII—XX vekov* [Joseph Brodsky and Russian Poetry of the 18th–20th Centuries]. Moscow, *MAKS Press*, 2001. 207 p. (In Russ.)
14. Ratke I.R. «Pis'ma dinastii Min'» I. Brodskogo: *diptikh ob upadke i razrushenii* ["Letters from the Ming Dynasty" by I. Brodsky: a diptych on decadence and destruction], *Pristal'noe prochtenie Brodskogo* [A close reading of Brodsky], ed. by V.I. Kozlov, Rostov-on-Don, *NMTs «Logos»*, 2010, pp. 44–55. (In Russ.)
15. Tsao Siue-tsin'. *Son v krasnom tereme* [The Dream of the Red Chamber]: In 2 vols. Vol. 1, per. s kitaiskogo V.A. Panasiuka. Moscow, *Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury.*, 1958. 880 p. (In Russ.)
16. *Velikie skazki mira* [Great Tales of the World], ed. by N. Kolpakova, M. Mikhailov I dr. Moscow, *Izdatel'stvo ACT.*, 2018. 141 p. (In Russ.)
17. Volkov S.M. *Dialogi s Iosifom Brodskim* [Dialogues with Joseph Brodsky], Moscow, *Eksmo Publ.*, 1998. 328 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 19.04.2025

Принята к публикации 27.05.2025

Отредактирована 11.09.2025

Received 19.04.2025

Accepted 27.05.2025

Revised 11.09.2025

ОБ АВТОРЕ

Ян Сюди — кандидат филологических наук, доцент Института гуманитарных наук, права и иностранных языков Тайюаньского технологического университета; yangxiaodi1984@163.com

ABOUT THE AUTHOR

Yang Xiaodi — Dr. in Philology, Associate Professor, College of Humanities, Law and Foreign Languages; yangxiaodi1984@163.com

«ЛЕГКИЕ МИРЫ» И «НЕВИДИМАЯ ДЕВА» Т. ТОЛСТОЙ: ПОВТОРЫ ИЛИ ПРОРЫВЫ?

Д.В. Кротова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; da-kro@yandex.ru

Аннотация: В статье доказывается, что проза Т. Толстой 2010-х гг., а именно книги «Легкие миры» и «Невидимая дева», представляет собой особый этап художественного развития писательницы. Помимо того, что в ее творчестве появляются сугубо автобиографические тексты, в которых Толстая высказывается от первого лица, «Легкие миры» и «Невидимая дева» маркируют поворот в ее мышлении, связанный с развитием новых идейных линий. Так, перво-степенное значение обретает *сфера прошлого*, которая наделяется иным содержательным статусом, нежели в малой прозе 1980–1990-х гг., и преломляется в категориях вечного, онтологически значимого. При этом вечность и бессмертие раскрываются сквозь призму прошлого во всем его многообразии, включая *бытовые проявления*, в чем нами усматривается параллель с мышлением писателей неомодернистского направления. В сознании автобиографической героини поздней прозы Толстой *прошлое сосуществует с настоящим*, оставаясь столь же актуальным, как и сегодняшний день. Если в рассказах 1980–1990-х гг. прошлое было сферой воспоминаний, то в прозе 2010-х гг. оно словно включается в нынешнюю жизнь. Значимой художественной гранью книг «Легкие миры» и «Невидимая дева» становится представление о том, что *мир прошлого, мир творчества и потусторонний мир едины в своих основах* и неразрывно связаны друг с другом. Метафора «легких миров», на наш взгляд, вмещает широкий спектр ассоциаций и смыслов: это и сфера фантазии, и область прошлого, и то, что лежит за чертой земного бытия. В поздней прозе Толстая исключительно внимательна к *природному континuumу*, в котором она прозревает особую одухотворенную жизнь. «Легкие миры» и «Невидимая дева» расширяют содержательный диапазон размышлений Толстой, включают в него новые онтологические аспекты.

Ключевые слова: русская литература; современная литература; Т. Толстая; «Легкие миры»; «Невидимая дева»; литературные традиции в прозе Т. Толстой; творческая эволюция писателя; тема прошлого в литературе; природа и город

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-05-14

Для цитирования: Кротова Д.В. «Легкие миры» и «Невидимая дева» Т. Толстой: повторы или прорывы? // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 5. С. 175–183.

LIGHT WORLDS AND THE INVISIBLE MAIDEN BY T. TOLSTAYA: REPETITIONS OR BREAKTHROUGHS?

Daria V. Krotova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; da-kro@yandex.ru

Abstract: The purpose of the article is to prove that T. Tolstaya's prose of the 2010s, namely the books *Light Worlds* and *The Invisible Maiden*, represents a special stage in the writer's development. In addition to the fact that purely autobiographical texts appear in Tolstaya's work of this period, *Light Worlds* and *The Invisible Maiden* mark a turn in her thinking associated with the new substantive lines. The task of our research is to reveal them, relying on such methods as hermeneutical, biographical, historical and cultural. As a result of the analysis, we come to the following conclusions. Of paramount importance in Tolstaya's late work is the sphere of the past, which acquires a different status than in prose of the 1980–90s and refracts the categories of eternal, ontologically significant. At the same time, eternity and immortality are associated precisely with the everyday plan of the past. A significant substantive facet of *Light Worlds* and *The Invisible Maiden* is the idea that the world of the past, the world of creativity and the other world are united in their foundations. In her late prose, Tolstaya is exceptionally attentive to the natural continuum. So, *Light Worlds* and *The Invisible Maiden* expand Tolstaya's range of ontological aspects.

Keywords: Russian literature; modern literature; T. Tolstaya; *Light Worlds*; *The Invisible Maiden*; literary traditions in Tolstaya's prose; creative evolution of the writer; theme of the past in literature; nature and the city

For citation: Krotova D.V. (2025) *Light Worlds* and *The Invisible Maiden* by T. Tolstaya: Repetitions or Breakthroughs? *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 175–183.

Проза Т. Толстой 2010-х гг. — примечательное явление современно-го литературного процесса. Сам круг идей, а также онтологические и психологические аспекты творчества писательницы этих лет заслуживают пристального внимания и подробного научного рассмотрения.

Какое место занимает этап 2010-х гг. в общей эволюции творчества Толстой? Как меняются содержательный план и стилиевой облик ее произведений? Подвергается ли трансформации образный ряд текстов, и если да, то каково направление этих преобразований? В статье предпринимается попытка дать ответы на поставленные вопросы.

Книги Толстой 2010-х гг. вызывают разноречивые отклики. Некоторые исследователи, например И. Сурат [Сурат 2014], М. Брызгалова [Брызгалова 2019; Графова (Брызгалова) 2022], Ф. Катаев [Катаев 2023], говорят о существенных новых чертах в творчестве писательницы названного периода. Внимание литературоведов привлекают проблемно-тематические аспекты [Брызгалова 2019], особенности геопоэтики и лингвопоэтики [Брызгалова 2018; Бабенко

2016], система личных номинаций и символика заглавий книг [Кувшинникова 2019; Бычкова, Салмина 2018; Брызгалова 2017]. В то же время, если обратиться к читательским отзывам о текстах Толстой этих лет¹, то можно встретить, наряду с признанием безусловной ценности произведений писательницы, и мнения другого рода: о том, что это повторы прежнего, нового материала мало и он не так интересен, как рассказы предшествующих периодов.

С каких позиций правильно было бы воспринимать творчество Толстой 2010-х гг. и, в частности, книги «Легкие миры» и «Невидимая дева»²? Тексты этих лет представляют собой перемены старого или следующую фазу в художественном развитии автора? С нашей точки зрения, «Легкие миры» и «Невидимая дева» действительно являются новым этапом творческой эволюции Толстой. Помимо того, что в 2010-е гг. появляются сугубо автобиографические произведения, которые претворяют непосредственный персональный опыт писательницы (она высказывается от первого лица), «Легкие миры» и «Невидимая дева» маркируют поворот в ее мышлении, связанный с развитием новых мотивов, новых идейных линий. Так, Толстая обращается здесь к осмыслению *сферы прошлого*: своего частного, персонального прошлого — и прошлого вообще. Эта тема возникала уже в творчестве Толстой предшествующих периодов, например в рассказах «На золотом крыльце сидели...», «Любишь — не любишь», в эссе «Женский день», но она не была центральной в художественном сознании писательницы в 1980–1990-е гг. В 2010-е гг. эта тема обретает первостепенное значение и, кроме того, трактуется иначе, прошлое обретает иной статус, нежели в малой прозе более ранних лет, что и будет доказано ниже.

На этапе зрелости и осмысления пройденного пути у художника нередко возникает особенно острая потребность погружения в мир своего прошлого. Например, у А. Ахматовой в поздние годы встречаем такие размышления: «Прошлое обступает меня и требует чего-то. Чего? Милые тени отдаленного прошлого почти говорят со мной» [Ахматова 1998–2005, т. 5: 163]. «Попытки писать воспоминания вызывают неожиданно глубокие пласты прошлого, память обостряется почти болезненно: голоса, звуки, запахи, люди <...> и т. п., без конца» [Ахматова 1998–2005, т. 6: 292]. Приведенные высказывания, как представляется, могли бы точно охарактеризовать и внутренний

¹ См., например: https://otzovik.com/review_6261562.html (дата обращения: 20.10.2024).

² В сборник «Невидимая дева» включен целый ряд рассказов Толстой предшествующего периода, но в центре нашего внимания будут находиться новые тексты — повести «Невидимая дева» и «Учителя». При рассмотрении книги «Легкие миры» мы обращаемся в первую очередь к входящему в ее состав одноименному циклу.

настрой Толстой в 2010-е гг. Ее обращение к сфере прошлого — это отнюдь не специально выбранная тактика или намеренный поиск каких-то областей, которые могли бы привлечь внимание читателей к ее творчеству. Обращение к прошлому, к глубинам собственной памяти — это органическая внутренняя потребность писательницы, как и у Ахматовой в поздние годы. Примечательно, что Толстая даже акцентирует в своей прозе 2010-х гг. те же аспекты, о которых упоминала Ахматова: в памяти всплывают голоса, звуки, запахи... Все эти детали оказываются исключительно важны, они составляют теперь первостепенно значимый план. В рассказах предшествующего периода Толстая концентрировалась главным образом на настоящем, а в своих эссе и очерках писательница сосредоточена даже на злободневном, остроактуальном. Мир настоящего подвижен, наполнен стремительными переменами и суетой. Настоящее — это злоба дня, а нередко и вообще злоба как таковая — принимающая разные формы, выплескивающаяся повседневно и повсеместно. В цикле же «Легкие миры» (входящем в одноименную книгу) и повестях «Невидимая дева», «Учителя» Толстая словно меняет свою художественную оптику, обращаясь не столько к настоящему, сегодняшнему, сколько к прошлому, которое получает оттенок вечного, всегдашнего, онтологически значимого. Прошлое, в отличие от настоящего, таит в себе зерна истинного, глубинного постижения мира. Через воспоминания о прошлом, особенно о детском прошлом, можно соприкоснуться с истиной.

В творчестве Толстой предшествующего этапа обращение к миру прошлого было отнюдь не столь масштабным и, кроме того, оно порой сопровождалось обертонами иронии и гротеска, как, например, в рассказе «Милая Шура» (1985) и, конечно, в романе «Кысь» (1986–2000). В «Легких мирах» и «Невидимой деве» тема прошлого — объект целостного и многогранного художественного рассмотрения, совсем не гротескового. Обращение к теме прошлого затрагивает важнейшие для писательницы бытийные проблемы.

Прежде всего привлекает внимание мысль Толстой о том, что *прошлое сосуществует с настоящим*. Прошлое не уходит, не исчезает, оно так же актуально, как и сегодняшний день, и «присутствует» в жизни человека постоянно.

Аналогичный вектор художественного осмысления прошлого встречаем у Е. Водолазкина. Особенно ярко эта тенденция проявляется в его творчестве того же периода, что и анализируемые тексты Толстой, — в романах 2010-х гг. «Лавр», «Авиатор», «Брисбен», в малой прозе этих лет (и останется значимой в более поздних произведениях — романах «Оправдание Острова», «Чагин»). Писатель развивает мысль о том, что временная дистанция между событиями

очень условна и, может быть, ее вообще не существует: «события <...> висят в вечности, как игрушки на рождественской елке» [Водолазкин 2016b].

В прозе Толстой 2010-х гг. события прошлого словно включены в каждодневность нынешней жизни. Автобиографическая героиня повести «Учителя» еще в пятилетнем возрасте увидела в квартире преподавательницы английского языка на Большом проспекте необычную прекрасную розовую лампу. «Ничего красивее в своей жизни я не видела», — вспоминает Толстая. Это впечатление останется с ней и по сей день: «...с тех пор мрачное ущелье Большого проспекта, невидимо для всех, днем и ночью озарено розовой звездой, и пока я жива, она не погаснет» [Толстая 2019: 449]. Так же навсегда осталось с писательницей и тягостное впечатление от комнаты в квартире учительницы немецкого языка: «...когда я иду от Карповки в сторону Островов, по нечетной стороне, я чувствую с правого бока холодное черное пятно: где-то тут — лестница со двора — была комната слез и отчаяния» [Толстая 2019: 448].

Речь идет не только о том, что в памяти остаются некие вещи, объекты или ситуации — в первую очередь важны те эмоции, переживания, которые с этими объектами и ситуациями связаны. Эти переживания составляют *сегодняшний* эмоциональный мир автобиографической героини, *сегодняшний* эмоциональный фон ее жизни, они принадлежат не только минувшим реалиям, но и нынешнему дню и актуальны для автобиографической героини непосредственно сейчас. Прошлое в ранних рассказах Толстой было сферой воспоминаний, а повествование о прошлом представляло собой погружение в давно ушедший мир. В прозе же 2010-х гг. прошлое обретает статус настоящего.

Итак, прошлое составляет содержание сегодняшней жизни, «перемешивается» с настоящим, и в то же время именно прошлое как будто бы распахивает ворота к *бессмертию и вечности*. Это еще одна важнейшая идея поздней прозы Толстой. Через сферу прошлого можно ощутить причастность высшим смыслам, прочувствовать подлинное наполнение бытия.

Существенно, что вечность и бессмертие нередко оказываются сопряжены именно с *бытовым* планом прошлого. Толстая вспоминает не какие-то масштабные события или поворотные моменты своей судьбы, она делает акцент на другом — мелочи, частности, быт. Принадлежностью вечности и бессмертия становятся рисунок на картонке, воспоминания о том, как вместе с мамой топили печку на даче, как няня выращивала в банке на подоконнике чайный гриб, а в баночке из-под майонеза — зеленый лук. В вечность человек «забирает» эти подробности быта, детали повседневности, ведь, по Толстой, именно они и несут в себе подлинность жизнеощущения.

Подобные идеи соотнесенности онтологического и бытового находили отражение и в литературе предшествующих периодов (у Б. Зайцева, И. Шмелева, И. Бунина, Б. Пастернака и др.), но особенно перекликаются размышления Толстой на эту тему с творчеством современных писателей неомодернистского направления. Например, Е. Водолазкин сходным образом связывает бытовые детали человеческой жизни и план вечности. Размышляя в одном из интервью о своем романе «Авиатор», Водолазкин сказал: «С собой человек уносит не масштабы и великие деяния, а шум вскипевшего самовара, Новый год с елкой, ожидание подарков на день рождения...» [Водолазкин 2016а]. Именно эти частности и таят в себе, как полагает писатель, чувство полноты жизни, и именно они останутся с человеком в пространстве вечности.

В изображении Толстой (как и в неомодернистских текстах) в мире прошлого *равнозначны мелкое и крупное, масштабное и бытовое*. Собственно, «мелкого» в мире воспоминаний нет. Там важно все. Помнятся дорогие сердцу люди — и помнятся детали их жизни, их облика... Например, память сохраняет образ доброй, неизменно интеллигентной тети Лели — и так же бережно хранятся в «памяти сердца» те мелочи, которые связаны с ее жизнью: чашка, из которой она пила, кресло, в котором она отдыхала... Важны для памяти даже такие, казалось бы, с объективной точки зрения малозначимые вещи, как, например, клички собак соседа по даче: «А вы не знаете, а вы не знаете, как звали его такс, а я знаю! А я знаю! Пройдет еще пятьдесят лет — а хоть бы и сто, а хоть бы и двести — а я все буду слышать его высокий, благородный какой-то голос:

— Мышка, Манишка, Мурашка, Манжет!..

Вот так их звали, и всегда в этом именно порядке» [Толстая 2019: 49].

Та или иная бытовая мелочь становится равноправной частью мира воспоминаний автобиографической героини, наделяется бытийным статусом.

В прозе Толстой 2010-х гг. появляется еще одна значимая грань в осмыслении прошлого: представление о том, что *мир прошлого, мир творчества и потусторонний мир едины в своих основах* и являют собой одно и то же запредельное «пространство». Метафора, давшая название книге Толстой 2014 г. — «Легкие миры», — включает широкий спектр ассоциаций. На наш взгляд, легкие миры — это и сфера фантазии, и область прошлого, и то, что лежит за чертой земного бытия. Все это неразрывно сплетено. В «Легких мирах» автобиографическая героиня вспоминает о том, что ее отец боялся смерти, потому что посмертное бытие — это неизвестность, но писательница пыталась убедить его, что она знает о «том» мире и бояться не нужно: «смерти нет», «есть завеса, и за этой завесой — другой свет, сложный и прекрасный, а потом еще один, а потом еще; там дороги, там реки,

там крылья, там шумящие на ветру деревья; там весна и белые цветы; я была там, я знаю, я обещаю» [Толстая 2015: 58]. Художнику отчасти известно, *что* кроется там, ведь суть «легких миров» одна, будь то мир потусторонний, мир творчества или мир прошлого.

Обращает на себя внимание то, что в воспоминаниях, составляющих основу книги «Легкие миры» и повести «Невидимая дева», огромную роль играет *сфера природы*, и в этом тоже раскрывается новый вектор мышления Толстой 2010-х гг. Мир более ранних рассказов — почти исключительно городской мир. Собственно жизнь природы была показана в рассказах Толстой лишь в малой степени, а в романе «Кысь» читатель видел растительный и животный мир покалеченным, изуродованным масштабным катаклизмом. В поздней прозе Толстая исключительно внимательна к природному бытию. В книгах 2010-х гг. появляются картины чудесной, мудрой природы. Повесть «Невидимая дева» начинается непосредственным упоминанием природных реалий: автобиографическая героиня вспоминает «апрель или ранний май», «когда сходили последние черные корки снега» [Толстая 2019: 7]. Здесь описывается и озеро, где «росли желтые, пахнущие русалками кувшинки», и залив, над которым «долго горел желтый финский закат и черными резными зубцами стояли елки». «Днем елки отступали, куда-то девались, и берега были зелено-золотые, счастливые» [Толстая, 2019: 15–16]. Природа как таковая становится объектом осмысления: в ней писательница видит и тайну, и волшебство, и особую одухотворенную жизнь.

Итак, какая же литературоведческая оценка книг «Легкие миры» и «Невидимая дева» была бы справедливой? Говорить о перепевах прежних мотивов по отношению к этим книгам невозможно. В «Невидимую деву» включены и рассказы предшествующих периодов, но это не снижает значения новых автобиографических текстов, в которых Толстая раскрывает свои многомерные представления о прошлом, о художественном даре и его природе, о смерти и посмертном бытии. Все эти смысловые грани отнюдь не дублируют содержания рассказов 1980–1990-х гг., автобиографические повести демонстрируют очередную стадию творческого развития писательницы, расширяя содержательный диапазон ее размышлений и включая в него новые онтологические аспекты. «Легкие миры» и «Невидимая дева», на наш взгляд, стали несомненным прорывом в масштабе собственного творчества Толстой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахматова А.А. Собрание сочинений. Т. 1–8. М., 1998–2005.
2. Бабенко Н.Г. Лингвопоэтика «Легких миров» Татьяны Толстой // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2016. № 3. С. 68–74.

3. Брызгалова М.Д. Поэтика названий книг Т. Толстой (2000–2010 гг.) // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов–2017» / Ред. И.А. Алешковский, А.В. Андриянов, Е.А. Антипов. М., 2017. [Электронный ресурс]. URL: https://universiade.msu.ru/archive/Lomonosov_2017/data/section_32_10617.htm (дата обращения: 30.11.2024).
4. Брызгалова М.Д. Геопоэтика прозы Татьяны Толстой 2010-х годов // Уральский филологический вестник. Драфт: молодая наука. 2018. № 5. С. 102–108.
5. Брызгалова М.Д. Новая проза Татьяны Толстой // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2019. Т. 5. № 4 (20). С. 87–97.
6. Бычкова О.А., Салмина В.Ю. Смысл заглавия повести Т.Н. Толстой «Легкие миры» // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева. 2018. № 1 (97). С. 19–23.
7. Водолазкин Е. «Надо меньше говорить». Интервью. Беседовала К. Пульсон. 29 сентября 2016а. [Электронный ресурс]. URL: <https://godliteratury.ru/articles/2016/09/29/evgeniy-vodolazkin-nado-menshe-govo?> (дата обращения: 10.12.2024)
8. Водолазкин Е. «Я хотел показать, что прошлое, когда оно было настоящим, было таким же живым, как нынешнее время». Интервью. Беседовал И. Луданов. 17 декабря 2016б. [Электронный ресурс]. URL: https://evgenyvodolazkin.ru/410_evgeniy-vodolazkin-ya-xotel-pokazat-cto-proshloe-kogda-ono-bylo-nastoyashhim-bylo-takim-zhe-zhivym-kak-nyнешnee-vremya/ (дата обращения: 10.12.2024).
9. Графова (Брызгалова) М.Д. Новая проза Татьяны Толстой: особенности творческой стратегии. Дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2022.
10. Катаев Ф.А. Блог как авторская стратегия. Как сделан рассказ Т. Толстой «Про отца» // Гуманитарные исследования. История и филология. 2023. № 12. С. 48–57.
11. Кувшинникова О.А. Номинация лица как средство текстовой прагматики в цикле Т.Н. Толстой «Легкие миры» // Вестник Курганского государственного университета. 2019. № 1 (52). С. 162–164.
12. Сурат И. Иногда любовь. Новая проза Татьяны Толстой // Знамя. 2014. № 8. С. 188–201.
13. Толстая Т. Легкие миры. М., 2015.
14. Толстая Т. Невидимая дева. М., 2019.

REFERENCES

1. Akhmatova A.A. *Sobranie sochinenii* [Collected works]. Vol. 1–8. Moscow, *Ellis Lak Publ.*, 1998–2005. (In Russ.)
2. Babenko N.G. Lingvopoetika “Lyogkikh mirov” Tat’yany Tolstoy [Lingvopoetics of “Light Worlds” by Tatiana Tolstaya]. *Vestnik Baltiiskogo federal’nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Filologiya, pedagogika, psikhologiya* [IKBFU’s Vestnik. Series: Philology, Pedagogy, Psychology], 2016, no. 3, pp. 68–74. (In Russ.)
3. Bryzgalova M.D. Poetika nazvanii knig T. Tolstoy (2000–2010 gg.) [The poetics of T. Tolstaya’s book titles (2000–2010)]. *Materiialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma “Lomonosov–2017”* [Materials of the International youth scientific forum “Lomonosov–2017”]. Ed. by I.A. Aleshkovskii, A.V. Andriyanov, E.A. Antipov. Moscow, *Yurait Publ.*, 2017. (In Russ.) URL: https://universiade.msu.ru/archive/Lomonosov_2017/data/section_32_10617.htm (accessed: 30.11.2024).
4. Bryzgalova M.D. Geopoetika prozy Tat’yany Tolstoy 2010-kh godov [Geopoetics of Tatiana Tolstaya’s prose of the 2010s]. *Ural’skii filologicheskii vestnik. Draft: molo-*

daya nauka [Ural Philological Herald. Draft: Young Science], 2018, no. 5, pp. 102–108. (In Russ.)

5. Bryzgalova M.D. Novaya proza Tat'yany Tolstoi [New prose by Tatiana Tolstaya]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates* [Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates], 2019, Vol. 5, no. 4 (20), pp. 87–97. (In Russ.)
6. Bychkova O.A., Salmina V.Yu. Smysl zaglaviya povesti T.N. Tolstoi “Lyogkie miry” [The meaning of the title of T. Tolstaya’s story “Light Worlds”]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni I.Ya. Yakovleva* [I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin], 2018, no. 1 (97), pp. 19–23. (In Russ.)
7. Vodolazkin E. “Nado men’she govorit” [“Need to talk less”]. Interviewed by K. Pulsion. 29.09.2016a. (In Russ.) URL: <https://godliterary.ru/articles/2016/09/29/evgeniy-vodolazkin-nado-menshe-govo?> (accessed: 10.12.2024)
8. Vodolazkin E. “Ya khotel pokazat’, chto proshloe, kogda ono bylo nastoyashchim, bylo takim zhe zhivym, kak nyneshnee vremya” [“I wanted to show that the past, when it was present, was as alive as the present time”]. Interviewed by I. Ludanov. 17.12.2016b. (In Russ.) URL: https://evgenyvodolazkin.ru/410_evgeniy-vodolazkin-ya-xotel-pokazat-chto-proshloe-kogda-ono-bylo-nastoyashchim-bylo-takim-zhe-zhivym-kak-nyneshnee-vremya/ (accessed: 10.12.2024).
9. Grafova (Bryzgalova) M.D. *Novaya proza Tat'yany Tolstoi: osobennosti tvorcheskoi strategii* [Tatiana Tolstaya’s new prose: features of creative strategy]. Diss. ... cand. of philol. scien. Ekaterinburg, 2022, 165 p. (In Russ.)
10. Kataev F.A. Blog kak avtorskaya strategiya. Kak sdelan rasskaz T. Tolstoi “Pro ottsa” [Blog as an author’s strategy. How T. Tolstaya’s story “About Father” was made]. *Gumanitarnye issledovaniya. Istoriya i filologiya* [Humanitarian studies. History and philology], 2023, no. 12, pp. 48–57. (In Russ.)
11. Kulshinnikova O.A. Nominatsiya litsa kak sredstvo tekstovoi pragmatiki v tsikle T.N. Tolstoi “Lyogkie miry” [Nomination of a person as a means of textual pragmatics in a cycle of T.N. Tolstaya “Light Worlds”]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kurgan State University], 2019, no. 1 (52), pp. 162–164. (In Russ.)
12. Surat I. Inogda lyubov’. Novaya proza Tat'yany Tolstoi [Sometimes love. Tatiana Tolstaya’s new prose]. *Znanya* [“The Banner”], 2014, no. 8, pp. 188–201. (In Russ.)
13. Tolstaya T. *Lyogkie miry* [“Light Worlds”]. Moscow, AST Publ., *Redaktsiya Eleny Shubinoi*, 2015. 477 p. (In Russ.)
14. Tolstaya T. *Nevidimaya deva* [“The Invisible Maiden”]. Moscow, AST Publ., *Redaktsiya Eleny Shubinoi*, 2019. 471 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 19.01.2025

Принята к публикации 17.02.2025

Отредактирована 10.09.2025

Received 19.01.2025

Accepted 17.02.2025

Revised 10.09.2025

ОБ АВТОРЕ

Дарья Владимировна Кротова — доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; da-kro@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Daria V. Krotova — Prof. Dr., Associate Professor, Department of the History of Modern Russian Literature and the Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; da-kro@yandex.ru

ЭКОЛОГИЯ ПРАГМАТИКИ: ПОЭЗИЯ ВСЕВОЛОДА НЕКРАСОВА В ДИАЛОГЕ С ТРАДИЦИЕЙ АВАНГАРДА

М.Е. Сапрыкин

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; mikhail2909@gmail.com*

Аннотация: Методологической основой статьи является литературная прагматика, рассматривающая художественный текст как жест, неотделимый от осуществляемого им действия. Эта методология представляется наиболее адекватной для анализа поэзии Всеволода Некрасова, так как сам Некрасов неоднократно подчеркивал понимание искусства как события. Находясь в диалоге с авангардной традицией, осмыслявшей прагматическое измерение художественных текстов, Некрасов вырабатывает собственную модель прагматики. Социокультурный контекст оттепели актуализировал два начала, парадоксально совместившихся в творчестве Некрасова, — лиризм и пародийность. С одной стороны, поэт ставит своей целью отыскать пространство для свободного и лиричного высказывания. С другой стороны, пародия актуализировала аналитическое начало, поскольку высмеивание нормативных текстов опосредовало понимание языка как социальной практики и тем самым обнаруживало идеологические компоненты высказывания, ставя под вопрос претензии языка на «естественность». Участие в деятельности Лианозовской группы, существовавшей за рамками официальных институтов советского искусства, определило отказ Некрасова от взгляда на художника как на демиурга, который своими произведениями предвосхищает новые формы быта. Напротив, тексты Некрасова, если их понимать как художественные жесты, демократичны по своей природе: их прагматическая функция заключается как в нейтрализации влияния дискурса власти на язык, так и в потенциальном демонтаже социальных иерархий, обслуживающих искусство и/или жизнь. Тем самым Некрасову удается «экологизировать» прагматику авангарда и избежать авторитарного уклона, характерного для него.

Ключевые слова: В.Н. Некрасов; литературная прагматика; неконформистская поэзия; Лианозовская группа; авангард

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-05-16

Для цитирования: Сапрыкин М.Е. Экология прагматики: поэзия Всеволода Некрасова в диалоге с традицией авангарда // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 5. С. 184–193.

THE ECOLOGY OF PRAGMATICS: VSEVOLOD NEKRASOV'S POETRY IN DIALOGUE WITH RUSSIAN AVANT-GARDE

Mikhail Ye. Saprykin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; mikhail2909@gmail.com

Abstract: The methodological basis of this article is literary pragmatics, which considers a literary text as a gesture within author's artistic action. This methodology seems to be the most adequate for the analysis of Vsevolod Nekrasov's poetry, since traditional methods of analysis are of little use to the nonconformist work of the author, and since Nekrasov himself repeatedly emphasized the understanding of art as an event. Being in dialogue with the modernist (and more narrowly avant-garde) tradition, which actively comprehended the pragmatic dimension of texts, Nekrasov develops his own model of pragmatics. The socio-cultural context of the Thaw actualized two principles that paradoxically combined in Nekrasov's work — lyricism and parody. On the one hand, the poet aims to find a space for free and lyrical utterance. On the other hand, parody actualized the analytical principle, since the comic ridicule of normative texts mediated the understanding of language as a social practice, and thereby revealed ideological implicatures in it, calling into question the claims of language to be "natural". At the same time, acquaintance with the members of the Lianozovo group, which existed outside not only official, but also any other social institutions, determined Nekrasov's refusal to look at the artist as a demiurge who anticipates new forms of life with his works. On the contrary, Nekrasov's texts, if understood as artistic gestures, are democratic in nature, since their pragmatic function is both to liberate certain areas of language from the discourse of power, and to potentially dismantle the social hierarchies that serve art and/or life. Thus, Nekrasov manages to purge the pragmatics of the avant-garde and avoid the authoritarian bias, which is typical for this tradition.

Keywords: Vsevolod Nekrasov; literary pragmatics; nonconformist poetry; Lianosovo group; avant-garde

For citation: Saprykin M.Ye. (2025) The Ecology of the Pragmatics: Vsevolod Nekrasov's Poetry in Dialogue with Russian Avant-garde. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 184–193.

Если прагматический поворот в лингвистике ознаменовал смещение внимания исследователей с абстрактных языковых структур на конкретные речевые ситуации, то вслед за лингвистами литературоведы предприняли попытку рассмотреть текст не столько как знаковое средство¹, обозначающее какой-либо денотат — субстанционально понятую гениальность (романтическая критика) или же социально-экономические отношения (марксистское литературо-

¹ Термины используются в том изначальном смысле, который придавал им Ч. Моррис.

ведение), — но как речевой акт, осуществление которого совершает какое-либо действие (другими словами, как перформатив). В статье Т. Ван Дейка «Прагматика литературной коммуникации» (1981) были поставлены вопросы, позволявшие выработать новый методологический подход. Два из них («Какова структура контекста, с точки зрения которой определяется уместность [речевого акта — М.С.]?»; «Как “литературные акты” и их контекст связаны со структурой литературного текста?») [Ван Дейк 2020] демонстрируют разнонаправленность литературной прагматики, интересующейся как имманентными структурами текста, так и их связью с социально-историческими условиями, опосредующими существование текста как речевого акта. Описанная методологическая парадигма продуктивно развивалась в школе Або в Финляндии, где в 1991 г. по результатам междисциплинарного симпозиума был выпущен сборник «Литературная прагматика», переизданный в 2015 г. [Sell 2015].

Литературная прагматика рассматривает текст как высказывание, существующее в мире коммуникации и по ее законам, что обуславливает ряд преимуществ этого методологического подхода. Во-первых, прагматика стремится быть открытой к лингвистике и литературоведению и акцентирует внимание на тех узловых точках, в которых пересекаются внутритекстовые структуры и общекультурные семиотические контексты. Во-вторых, прагматика, по замечанию Селла [Sell 2015: XXIII], с одной стороны, разделяет идущее от Деррида общее деконструктивистское представление о нестабильности и произвольности знака (а значит, относительности и социальности литературы как концепта), а с другой стороны, оказывается открыта к герменевтической интерпретации. Литературная прагматика озабочена выработкой эпистемологической позиции, заключающейся как в согласии с постструктуралистскими представлениями о нестабильности знака, так и в последующем выводе, что нестабильность знаков не мешает их успешному использованию в речевой деятельности, которая, в свою очередь, обуславливает возможность определения интенций конкретных речевых актов.

Представляется, что эта методология может быть продуктивной при исследовании творчества Всеволода Некрасова (1934–2009). Попытка подойти к анализу поэзии Некрасова при помощи традиционных методов, например через реконструкцию облика художественного мира, вероятнее всего приведет к весьма скромным результатам и не сможет объяснить специфику его творчества, ведь если рассматривать лирику как передачу субъективной картины мира, то попытка хотя бы приблизительно определить черты художественного мира Некрасова, например, в стихотворении «И тогда я понял / что да» [Некрасов 2012: 327] оказывается затруднительной

(если вообще возможной). Между тем, взгляд на тексты Некрасова через призму прагматики, то есть как на тексты, при помощи которых совершается какой-либо художественный жест, может оказаться продуктивным. Прагматическое измерение своего творчества в частности и литературы в целом неоднократно подчеркивал и сам Некрасов (не употребляя при этом слова «прагматика»).

Наиболее отчетливо теоретическое осмысление прагматичности прозвучало в позднем эссе Некрасова «Постмодерн и третья реальность» [Некрасов 2001]. В нем Некрасов исходит из представления о существовании «трех реальностей»: реальности окружающей действительности, реальности художественного мира внутри текста и той реальности, где происходит ситуация встречи между автором и читателем, которая, с точки зрения Некрасова, и есть «самая настоящая, основополагающая, подлинная, самая реальная [разбивка автора. — С.М.] реальность в искусстве». Некрасов сравнивает, как прагматика реализовывалась в реалистической, модернистской и постмодернистской литературной традиции, приходя к порой спорным выводам. Например, с точки зрения Некрасова, реалистическая литература XIX века была озабочена лишь правдоподобностью «второй реальности» и при этом игнорировала «третью реальность» и была в целом равнодушна к читателю. Модернистская же литература, по мнению поэта, вновь актуализировала прагматическое измерение текста и тем самым исправляла «кризис реализма». И хотя эти рассуждения автора легко поддаются критике, ценным оказывается само указание Некрасова на актуальность прагматики как для модернистской традиции, так и для его собственного творчества.

Прагматика модернизма уже становилась объектом отдельных исследований [Шахадат 2017]. Как показывает Шахадат, общим желанием для модернизма было устранение дистанции между искусством и жизнью, однако модели реализации этого снятия были различными. Исследователь выделяет три такие модели: театральную, теургическую и аутентичную. Театральная парадигма строится на преображении жизни, при котором все еще сохраняется различие между авторским «я» и исполняемой им художественной ролью. Идущая дальше теургическая парадигма строится уже на слиянии «я» художника и выполняемой им эстетической функции: художественное «я» трактуется в качестве выразителя божественной воли, чье жизненное поведение согласовывается с творческой практикой. Театральную и теургическую парадигмы в целом можно объединить под общим именем житнетворчества, в то время как аутентичная парадигма была характерна для художников авангардного типа, стремившихся к практике житнестроения. Художник-

авангардист уже не просто воспроизводит реальность, но имеет целью преобразовать мир при помощи художественных жестов. И хотя жизнестроение авангарда отталкивалось от житнетворчества символизма, можно заметить общую для всей прагматики модернизма особенность: главная роль в любом случае отводится художнику, который понимается как демиург, творец, доминирующая фигура в оппозиции «автор — читатель», что оставалось неизменным на протяжении всей смены литературных течений и стилей модернизма и авангарда.

Некрасов, судя по всему, со студенческих лет был знаком не только с художественными текстами, но и с некоторыми теоретическими работами авангардной традиции². Учась на филологическом факультете Московского городского пединститута им. В. Потемкина, Некрасов писал под руководством М.В. Панова курсовую работу «Фонетика поэзии Баратынского», которая начинается с цитаты из работы О. Брика «Звуковые повторы». Можно предположить, что еще одним источником сведений как о практике, так и о теории авангарда мог быть поэт и художник Евгений Кропивницкий (1893–1979), общение с которым Некрасов поддерживал с осени 1959 г., когда молодой поэт впервые приехал в Лианозово. Однако несмотря на знакомство с авангардной традицией, в ранних стихотворениях Некрасова не обнаруживается характерная для авангарда прагматика жизнестроения. На место художника-демиурга в поэзии Некрасова заступает иная фигура, чье земное, обычное происхождение четко артикулируется: «Я не первый не последний / Не какой-нибудь а средний» [Некрасов 2012: 6]. Не была свойственна подобная позиция художника, доминирующего над послушным читателем, и некоторым другим близким Некрасову поэтам, прежде всего Я. Сатуновскому: «Я маленький человек. / Пишу маленькие стихи» [Сатуновский 2012: 543]. Как и авангардисты, Некрасов рассматривает текст как воздействие на реальность, однако пафос жизнестроения авангарда оказывается чужд автору, который выстраивает иные, эгалитарные отношения между автором и читателем. Причина этого различия кроется в том, что прагматика поэзии Некрасова формировалась уже в ином контексте, при котором очередная пощечина общественному вкусу выглядела по меньшей мере неуместной, но что более важно — этически небезупречной [Гройс 2013]. Новая прагматическая парадигма начала формироваться в творческой практике поэта уже на раннем этапе, то есть на

² Вероятно, именно тогда произошло и усвоение теоретического дискурса 1920-х гг., повлиявшего и на собственное прозаическое творчество Некрасова. Нам уже приходилось писать об использовании Некрасовым слова «факт» в своих прозаических текстах и об особой концепции, связанной с ним [Сапрыкин 2022].

рубеже 1950–1960-х гг., под влиянием особенных социокультурных условий, которые и следует описать.

В своих воспоминаниях начала 1990-х гг. Некрасов, перечисляя круг чтения школьных и университетских лет, говорит об интересе к двум типам литературных фигур: с одной стороны, к авторам, в чьем творчестве была ярко выражена лирическая составляющая, а с другой стороны — к авторам-пародистам [Живем словом 2022: 12–13]. Внимание Некрасова к лирическому, судя по всему, обусловлено общим настроением оттепельных лет. С.И. Чупринин в хронике оттепели упоминает публикацию в «Литературной газете» от 1 мая 1953 года стихотворений Н. Грибачева, С. Смирнова, М. Маркарян, Л. Ошанина, В. Тушновой и Е. Евтушенко, объединенных темой любви [Чупринин 2020: 33]. Требовавшееся еще три месяца назад державно-олическое звучание в официальной публикации уступает место чувствительно-эмоциональному голосу, свободному от идеологического давления. Так с первых месяцев оттепели лирическое высказывание стало одной из форм протеста против партийного диктата, требовавшего от авторов лишь общественно значимой тематики и патетической интонации прославления вождя. Некрасов не принадлежал к перечисленным выше фигурам в социальном плане; не был он с ними близок и поэтически. Однако можно отметить, что для его творчества характерна эта общая оттепельная установка на лирическое высказывание, сохранившаяся до самых поздних произведений³. Лирические мотивы прослеживаются в текстах, вошедших в авторский свод, составленный в начале 1980-х гг., например в стихотворениях «Однокурсникам при выпуске» [Некрасов 2012: 8–9], «И я про космическое» [Там же: 38], «Дома в комнате моей...» [Там же: 47]. Еще больше текстов лирического характера, которые не были включены в позднейший свод, но которые позволяют полнее представить творчество Некрасова на рубеже 1950–1960-х гг., можно найти в уже посмертном издании «Авторский самиздат», составители которого воспроизвели подготовленные автором машинописные сборники. Можно назвать, например, стихотворения «Было много вечеров...» [Некрасов 2013: 38], «Утром солнце, солнца свет...» [Там же: 39], «Утром у нас / Чай с солнцем...» [Там же: 81]. Параллельно с лирическим началом Некрасова привлекало и пародийное слово: «Пошляка Зощенко» я помнил еще с довоенных радиопередач в хенкинском, кажется, исполнении. Сергеев пишет, что «не принадлежал к цивилизации Ильфа и Петрова». Я «принадлежал» с потрохами <...> И ушибла книжечка

³ Установка на лиричность и искренность станет одним из отличий Некрасова от общего круга концептуалистов, ставивших саму возможность лирического высказывания под сомнение.

Архангельского 28, кажется, года» [Живем словом 2022: 12]. Учасье в педагогическом институте в 1955–1960-е гг., Некрасов принимал активное участие в студенческом ЛИТО, в котором также много занимались пародиями [Там же: 75–76]. Можно предположить, что пародия в оттепельные годы также наделялась особым значением. Пародия, в терминологии М.М. Бахтина, является двухголосым разнонаправленным словом, сочетающим в себе как следы пародируемого источника, так и элементы пародирующего воздействия. По этой причине пародия оказывается особенно внимательной к структуре текста, анализ которой закономерно приводит к осознанию языка как социальной практики, существующей по определенным законам и содержащей в себе те или иные пресуппозиции, заданные, например, властью. Это пародийное начало реализовалось в той линии творчества Некрасова, которая строится на использовании советских формул, например в стихотворениях «Стихи (Рост...)» [Некрасов 2012: 27], «Подражание» [Там же] или в ставшем хрестоматийном «Свобода есть...» [Там же: 45]. Однако здесь перед читателем не банальная пародия на идеологические или газетные канцелярские тексты: остро ощущая идеологические коннотации языка, Некрасов стремится не просто комически их обыграть, но писать независимо от них, прорываясь к по-настоящему свободной речи.

Так, стихотворение «Свобода есть...» строится на шестикратном повторе начала из известной формулы Спинозы «Свобода есть познанная необходимость», которая в советской действительности приобрела характер пропагандистского лозунга. Повторяя «Свобода есть...», лирический субъект этого стихотворения как будто находится в поиске нового определения свободы. Парадокс заключается в том, что определение свободы неизбежно прочерчивает границы понятия. Выходом оказывается завершающее утверждение «Свобода есть свобода», которое не позволяет превратить понятие свободы в очередной метанарратив. Тем самым Некрасову удается выскользнуть из логической ловушки и утвердить столь важное для него понятие. Как видно из этого примера, сама структура стихотворения играет важную роль в реализации прагматического действия, заложенного в текст, и примечательно, что перед читателем разворачивается не очередное утверждение, но сама практика поиска свободы.

Перформативная модальность как этого стихотворения, так и многих других текстов Некрасова определяется еще одним важным социокультурным контекстом — бытованием Лианозовской группы. Быт Лианозова как одного из очагов неконформистской культуры второй половины XX века подразумевал, как известно, потенциаль-

ную доступность для любого желающего. Важной чертой этой формы консолидации была возможность для зрителя или слушателя вступить в непосредственный контакт с художником или поэтом и принять участие в обсуждении увиденных картин или услышанных стихов: «“Лианозовцы” не столько сконструировали среду, сколько способствовали повышению роли реципиента: Рабин и другие художники этого круга — Николай Вечтомов, Лидия Мастеркова, Владимир Немухин — создали режим публичной коммуникации, при котором зритель(-ница) стал(-а) полноправным агентом культурного производства» [Писманик 2022: 150]. Эгалитарная установка этого художественно-поэтического сообщества произвела на Некрасова глубокое впечатление, Лианозово навсегда останется для Некрасова идеальным примером живого и демократического взаимодействия автора и реципиента, не обусловленного ни социальными институтами, ни рыночными отношениями⁴. По тем же правилам, по которым функционировало Лианозово, в представлении Некрасова должны были складываться отношения между автором и читателем и за рамками этого сообщества. Поэт для Некрасова — не титан стиля, но один из обычных людей, постоянной пробой различных слов и/или звуковых сочетаний ищущий пространство свободы в языке. Уже позже, на рубеже 1970–1980-х гг., Некрасов так определял цель своих перформативных жестов: «<...> чтобы не было блата, чтоб искусство было нашим, общим, живым, постоянно творческим делом» [Журавлева, Некрасов 1996: 284]. Читатель в этой системе отношений выступает не как послушный соглашатель, но как критик и участник творческого диалога. Поэт не разрушает, а связывает; не авторитарно навязывает новые формы быта, но приглашает читателя к взаимодействию и стремлению поддержать или не поддержать новое выработанное слово. Таким образом, Некрасов сохраняет характерное еще для авангарда стремление совершать действия при помощи слов, но модель прагматики оказывается иной: вместо утверждения нового порядка вещей прагматика Некрасова подразумевает организацию свободного диалога, в основе которого лежат равноправные отношения между автором и читателем. Можно утверждать, что, находясь в творческом диалоге с предшествующей традицией, Некрасов

⁴ Впрочем, нельзя не отметить, что Некрасов в своих воспоминаниях несколько идеализирует Лианозово. Так, если для Некрасова качество того или иного текста существовало поверх барьеров, разделяющих различные социальные поля (он мог положительно отзываться об опубликовавшихся поэтах и членах СП, например Кушнере), то комплиментарные отзывы о каком-либо поэте за рамками неофициальной среды были при этом недопустимы для Г.В. Сапгира и И.С. Холина.

экологизирует прагматику авангарда, противопоставляя авторитарному по своей природе жизнестроению уже поставангардное (со) бытие и совместный поиск.

Эта прагматическая модель обуславливала и формальные особенности некрасовского творчества. Например, из установки на необходимость выработать новый язык родился замысел текста (позднее названного «Правила исключения»), задуманного изначально как тезаурус автора. Работа над ним началась в начале 1960-х и продолжалась в 1990-х, однако так и не была завершена.

Определяла новая прагматика и новый взгляд на соотношение идеологического и лирического в речи, в чем Некрасов схож с московскими концептуалистами, которые были озабочены тем же вопросом. При этом Некрасов отличается от них, вырабатывая свой подход к слову, далекий от концептуалистской деконструкции в духе, например, Д.А. Пригова, однако это уже тема другого исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван Дейк Т. Прагматика литературной коммуникации // Транслит [Электронный ресурс]. URL: <http://www.trans-lit.info/bez-rubriki-en/t-van-dejk-pragmatika-literaturnoj-kommunikatsii> (дата обращения: 17.11.2024).
2. Гройс Б.Е. *Gesamtkunstwerk* Сталин. М., 2013.
3. «Живем словом»: Всеволод Некрасов в письмах и воспоминаниях. М., 2022.
4. Журавлева А.И., Некрасов В.Н. Пакет. М., 1996.
5. Некрасов В.Н. «Постмодерн» и третья реальность. 2001. // Друзья и знакомые Кролика [Электронный ресурс]. URL: <https://frkr.ru/FRIENDS/NEKRASOV/3Real.html> (дата обращения: 17.11.2024).
6. Некрасов В.Н. Авторский самиздат (1961–1976). М., 2013.
7. Некрасов В.Н. Стихи 1956–1983. Вологда, 2012.
8. Писманик А. «Лианозовский круг» и изобретение новых режимов публичности в СССР 1950–1960-х годов // Новое литературное обозрение. 2022. № 173. С. 140–151.
9. Сапрыкин М.Е. Концепт «фактичности» в прозаических текстах Вс.Н. Некрасова // Восемь великих / Под ред. Ю.Б. Орлицкого. М., 2022. С. 324–331.
10. Статуновский Я. Стихи и проза к стихам. М., 2012.
11. Чупринин С.И. Оттепель: События. Март 1953 — август 1968. М., 2020.
12. Шахадат Ш. Искусство жизни: Жизнь как предмет эстетического отношения в русской культуре XVI–XX веков. М., 2017.
13. Sell R.D. *Literary Pragmatics*. New York, 2015.

REFERENCES

1. Van Dejk T. *Pragmatika literaturnoj komunikacii* [Pragmatics of Literary Communication]. URL: <http://www.trans-lit.info/bez-rubriki-en/t-van-dejk-pragmatika-literaturnoj-kommunikatsii> (accesssed 17.11.2024). (In Russ.)
2. Grojs B.E. *Gesamtkunstwerk Stalin* [The Total Art of Stalinism]. Moscow, *Ad Marginem Press Publ.*, 2013. 168 p. (In Russ.)

3. «*Zhivem slovom*»: Vsevolod Nekrasov v pis'mah i vospominaniyah ["We Live by the Word": Vsevolod Nekrasov in Letters and Memoirs]. Moscow, HSE Univ. Publ., 2022. 639 p. (In Russ.)
4. Zhuravleva A.I., Nekrasov V.N. *Paket* [The Package]. Moscow, Meridian Publ., 1996. 629 p. (In Russ.)
5. Nekrasov V.N. 2001. «Postmodern» i tret'ja real'nost' ["Postmodern" and the Third Reality]. URL: <https://frkr.ru/FRIENDS/NEKRASOV/3Real.html> (accessed: 17.11.2024). (In Russ.)
6. Nekrasov V.N. *Avtorskij samizdat (1961–1976)* [Author's Samizdat]. Moscow, Sovpadeniye Publ., 2013. 540 p. (In Russ.)
7. Nekrasov V.N. *Stihi 1956–1983* [Poems 1956–1983]. Vologda, Biblioteka Moskovskogo Konceptualizma Germana Titova Publ., 2012. 591 p. (In Russ.)
8. Pismanik A. «Lianozovskij krug» i izobretenie novyh rezhimov publichnosti v SSSR 1950–1960-h godov ["Lianozovo circle" and the Invention of New Regimes of Publicity in USSR in the 1950s and 1960s]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2022, no. 173, pp. 140–151. (In Russ.)
9. Saprykin M.E. Koncept «faktichnosti» v prozaicheskikh tekstah Vs.N. Nekrasova [The Concept of "Factuality" in Vs.N. Nekrasov's Prose Texts]. *Vosem' velikih* [Eight the Great]. Moscow, Russian Humanity State Univ. Publ., 2022, pp. 324–331. (In Russ.)
10. Satunovskij Ja. *Stihi i proza k stiham* [Poems and Prose for Poems]. Moscow, Virtual'naya Galereya Publ., 2012, 816 p. (In Russ.)
11. Chuprinin S.I. *Ottepel': Sobytiya. Mart 1953 — avgust 1968* [The Ottepel': Events. March 1953 — August 1968]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie* Publ., 2020. 1192 p. (In Russ.)
12. Shahadat Sh. *Iskusstvo zhizni: Zhizn' kak predmet jesteticheskogo otnosheniya v russkoj kul'ture XVI–XX vekov* [The Art of Life: Life as an Object of Aesthetic Attitude in Russian Culture of the XVI–XX Centuries]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie* Publ., 2017. 593 p. (In Russ.)
13. Sell R.D. *Literary Pragmatics*. N. Y., Routledge Press, 2015. 264 p.

Поступила в редакцию 20.03.2025

Принята к публикации 13.04.2025

Отредактирована 11.09.2025

Received 20.03.2025

Accepted 13.04.2025

Revised 11.09.2025

ОБ АВТОРЕ

Михаил Евгеньевич Сапрыкин — аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; mikhail2909@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Mikhail Ye. Saprykin — Postgraduate Student, Department of History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; mikhail2909@gmail.com

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО В РОМАНАХ ГУЗЕЛИ ЯХИНОЙ «ЭШЕЛОН НА САМАРКАНД» И АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА «ЧЕВЕНГУР»

Цзоу Вэньяо

Ланьчжоуский университет, Ланьчжоу, КНР; zouwy@lzu.edu.cn

Аннотация: В статье сравнивается роль категории «пространство» в романах Г. Яхиной «Эшелон на Самарканд» (2021) и А. Платонова «Чевенгур» (1927–1929). В романе Яхиной выделяется священное пространство (по Элиаде). Доказывается условность заявленной хронологии романа «Эшелон на Самарканд». В реальности события происходили не осенью 1923 г., как это заявлено в тексте романа, а двумя годами ранее, когда детей для спасения действительно вывозили из голодающего Поволжья в более хлебные районы, включая Среднюю Азию. Также доказывается, что различные пространства в романе являются конкретными, ограниченными плоскостями, созданными человеком и наполненными людьми. Напротив, у Платонова все пространства бесконечные, абстрактные, не имеющие границ, практически безлюдные. Высказывается гипотеза, что благодаря знакомству с текстом «Чевенгура» Яхина пришла к идее наделить пространства романа «Эшелон на Самарканд» прямо противоположными свойствами.

Ключевые слова: Гузель Яхина; «Эшелон на Самарканд»; Андрей Платонов; «Чевенгур»; пространство романа; время романа; священное пространство; конкретное пространство; абстрактное пространство; бесконечное пространство; ограниченное пространство; голод в Поволжье 1921–1922 гг.

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-05-17

Для цитирования: Цзоу Вэньяо. Художественное пространство в романах Гузели Яхиной «Эшелон на Самарканд» и Андрея Платонова «Чевенгур» // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 5. С. 194–205.

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF THE ROLE OF SPACE IN GUZEL YAKHINA'S NOVEL ECHELON TO SAMARKAND AND IN ANDREY PLATONOV'S NOVEL CHEVENGUR

Zou Wenyao

Lanzhou University, Lanzhou, China; zouwy@lzu.edu.cn

Abstract: The article compares the role of the category of space in G. Yakhina's novel *Echelon to Samarkand* (2021) and A. Platonov's novel *Chevengur* (1927–1929).

In Yakhina's novel, the sacred space is highlighted (according to Eliade). It is proved that the stated chronology of the novel *Echelon to Samarkand* is conditional. In reality, the events could not take place in the autumn of 1923, as stated in the text of the novel, but they occurred two years earlier, when children were really taken out of the starving Volga region to more grain-rich areas, including Central Asia, to be rescued. It is also proved that the various spaces in Yakhina's novel are concrete, limited by the planes created by man and filled with people. On the contrary, in Platonov's novel, all spaces are endless, abstract, without boundaries, related to nature and practically deserted. It is hypothesized that, thanks to acquaintance with the text of *Chevengur*, Yakhina came up with the idea to endow the spaces of the novel *Echelon to Samarkand* with directly opposite qualities.

Keywords: Guzel Yakhina; *Echelon to Samarkand*; Andrey Platonov; *Chevengur*; the space of the novel; the time of the novel; sacred space; concrete space; abstract space; infinite space; limited space; famine in the Volga region of 1921–1922

For citation: Zou Wen Yao (2025). Comparative Characteristics of the Role of Space in Guzel Yakhina's Novel *Echelon to Samarkand* and in Andrey Platonov's Novel *Chevengur*. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 194–205.

В последние годы появился ряд исследований, посвященных проблеме пространства в романах Г. Яхиной (кинематографичности в «Зулейха открывает глаза», сказочности в «Дети мои»), однако систематического описания роли пространства в произведениях Яхиной пока нет. Н.Ю. Букарева указала на сюжетобразующую роль мотива пути в романе «Эшелон на Самарканд» (2021) [Букарева 2022]. Э.Ф. Нагуманова также исследует хронотоп пути в этом романе и приходит к выводу, что Яхина «формирует особую синкретическую модель бытия, соответствующую канонам магического реализма, объединяя бытовые, экзистенциальные и мифологические события» [Нагуманова 2022: 209]. Е.Ю. Протасова пишет: «Создавая картину речи чужого времени и иной среды, отдельности коллектива людей, плывущего по рельсам на юг, автор сопровождает это движение особой словесной массой, адекватной смешению обстоятельств и судеб прототипов» [Протасова 2022: 428]. В Китае о поэтике «Эшелона на Самарканд» как «романа-путешествия» писал Лю Мяовень [刘淼文 2022].

Мы попытаемся сравнить роль «пространства» в «Эшелоне на Самарканд» (2021) и «Чевенгуре» Платонова и ответить на вопрос, повлияла ли концепция пространства Платонова на концепцию пространства Яхиной. Мы также рассмотрим отражение в романе Яхиной теории «священного пространства» М. Элиаде.

Особенности использования категории «пространство» в «Эшелоне на Самарканд»

В «Эшелоне на Самарканд» автор датирует происходящее: действие начинается 9 октября и заканчивается 15 ноября 1923 г. То же самое касается географического аспекта: поезд, в котором едут дети, следует из Казани в Самарканд, а названия мест, через которые он проезжает, даны в подзаголовке каждой главы.

Но, в отличие от географии, датировка действия в романе осенью 1923 г. полностью фантастична. Эшелоны, вывозившие детей из голодающего Поволжья, курсировали в 1921 г. и в первой половине 1922 г. Уже с конца 1922 г. детей, наоборот, возвращали на родину [Циденков 2021]. Возможно, Яхиной понадобился хронологический сдвиг для того, чтобы действие романа происходило уже после образования СССР, который был создан в самом конце 1922 г. Реальное же время событий, подобных изображенным в романе, — осень 1921 года, когда голод был в самом разгаре.

1923 г. был годом НЭПа, однако никаких примет этого в романе нет, действие скорее происходит в период тяжелого перехода от военного коммунизма. Не употребляется название ГПУ (Главное политическое управление), в которое ВЧК (Всероссийская чрезвычайная комиссия) была переименована в 1922 г.

Доминирует точка зрения Деева. Без его участия даны только описание смерти атамана Яблочника и воспоминания Белой и других персонажей.

В романе присутствует священное пространство. М. Элиаде утверждал: «Для религиозного человека пространство неоднородно: в нем много разрывов, разломов; одни части пространства качественно отличаются от других. <...> для религиозного человека эта неоднородность пространства проявляется в опыте противопоставления священного пространства, которое только и является реальным <...> и бесформенной протяженности, окружающей это священное пространство» [Элиаде 1994: 22].

Священному пространству, по Элиаде, соответствует священное время: «Время для религиозного человека не однородно и не беспрерывно. Есть периоды Священного Времени. Это время праздников <...> есть Мирское Время, обычная временная протяженность, в которой разворачиваются действия, лишённые религиозной значимости. <...> с помощью ритуалов религиозный человек может без всякой опасности “переходить” от обычного течения времени к Времени Священному» [Элиаде 1994: 48].

В «Эшелоне на Самарканд» поезд с детьми выступает в качестве священного пространства; с ним соотносится неоднократно упоми-

наемое в романе «время пути» — священное время¹. Казаки атамана Яблочника приходят в поезд на богослужение, не боясь холеры, и «от этого могучего пения язычки свечей в казацких кулаках то и дело вздрагивают, раскачивая лежащие на стенах тени. День за окнами стоит пасмурный, и потому свечные отсветы в вагоне — ярче: бегут по угрюмым лицам, по остаткам золотых росписей, превращая воздух в густое дрожащее марево. У некоторых под татарскими халатами взблескивают георгиевские кресты на пестрых лентах» (355).

Поезд уподоблен спасительному Ноеву ковчегу (375). Выжить и спасти детей Дееву помогают те, кого он считал своими врагами. Атаман Яблочник и его казаки оставили детям свою добычу — соленую рыбу, ящики с иностранным мылом, изящный столик на одной ножке и бутылку дорогого коньяка. Кстати сказать, фамилия атамана — Яблочник — непосредственно связана с темой еды («яблочником» называют старинную картофельную запеканку). Басмачи же не только кормят детей, но и помогают прокладывать рельсы. На руках этих людей была кровь, и они пытаются спасти свои души, спасая детей. Яхина связывает дорогу с духовным возрождением главного героя: «А еще ясно, что ради детей Буре-бек и пощадил Деева — чтобы было кому везти их дальше. <...> В Туркестанской пустыне не Деев спас детей — дети спасли Деева» (461). Цель миссии, Самарканд, — конечное святое место. Герои романа спасаются, помогая детям, отмаливая тем самым свои грехи.

В священном пространстве дети верят, что они счастливы. Дети, говорящие на разных языках, заимствуют выражения друг у друга. Они разрабатывают ритуалы с использованием жестов и слов, создают традиции и правила (здесь можно вспомнить автобиографическую повесть Г. Белых и Л. Пантелеева «Республика ШКИД» (1927), где бывшие беспризорники устанавливают свои порядки и изобретают жаргон).

Божья благодать для персонажей романа — это Аральское море: «...Синева текла по земле — ближе к железной дороге, ближе и еще ближе — словно рельсы притягивало к воде. Скоро эшелон резал мир пополам: с одной стороны оставалась твердь, с другой наступала вода. Безмолвно смотрели дети на вечные воды Арала. Минуты эти были плотны и сладки — такие не забываются, как бы ни был мал или слаб человек. А море говорило с людьми...» (390–391). Путешествие в Самарканд — это путь очищения, по которому проходят главные герои романа, открывающие в себе сострадание к окружа-

¹ Яхина Г.И. Эшелон на Самарканд. М., 2021. См. с. 81, 88, 266, 468, 496. Ниже роман цитируется по этому изданию, страницы указываются в круглых скобках после цитаты.

ющим и способность дарить любовь, о которых забыли во время гражданской войны.

Существительное «пространство» в романе встречается 27 раз. Для сравнения: в «Мастере и Маргарите», который по объему даже немного больше, чем «Эшелон на Самарканд», и в котором пространственная структура тоже играет важную роль, существительное «пространство» упоминается только 5 раз. В некоторых случаях пространство обретает свойство тела: «Напрягая зрение и ощупывая пространство перед собой, Деев ринулся за Белой — сквозь толпу мальчишек» (10), входя в бывшее Дворянское собрание, превращенное в детский эвакуприемник. Здесь есть ирония: в здании, где прежде собирались представители привилегированного класса, теперь обитают дети-беспризорники.

Для разграничения пространств служат окна и двери: «Широкие двери <...> вели во внутренние пространства» (10). Внутреннее пространство оказывается бывшим бальным залом, который стал напоминать вокзальный зал ожидания: «Великое это пространство было забито ребятей до такой степени, что напоминало зал ожидания на вокзале» (12). Тут же Деев попадает в новое пространство — зал, где прежде была «парадная столовая», которую «сейчас <...> населяли девочки» (17). У Яхиной новым (отдельным от других) пространством является любое пространство, ограниченное четырьмя стенами и потолком (плоскостями). «Придавленные невероятным пространством» (потолком с фресками, изображающими фрукты, и стенами с фресками, изображающими жареную дичь, устрицы, окорока, хлеб и вино), «девочки лежали смиренно» (17).

Выделяются также «пространства третьего этажа» Дворянского собрания (20), необитаемые, а потому лишённые ярких красок.

В поезде, который должен везти детей, есть «сумрачное пространство» полевой кухни, полной «ящиков, мешков и кастрюль». Сумрачной она выглядит потому, что до отъезда из Казани в ней еще нет готовой еды, так как Деев до отправления поезда запретил ее готовить — «иначе на запах пол-Казани соберется, выехать не дадут» (65). В дальнейшем пространство кухни остается тесным и неуютным: повар Мемеле «крутился волчком по тесному кухонному пространству, едва не падая с ног от рвения» (128).

В поезде особо выделяется пространство лазарета, «пространство бывшей церкви», которое «было щедро отделано деревянными завитушками в золотой краске, и льющийся из арочных окон свет играл на позолоте...» (103).

Когда поезд останавливает отряд Яблочника, пространство лазарета вновь превращается в пространство церкви: «Пространство бывшей церкви, густо застроенное нарами в три этажа, едва ли могло

вместить эдакую толпу — но вместило <...> Все тянули шеи вперед — к бывшему алтарю <...> Подле икон брэнчал причиндалами поп и белела пронзительно бурка на чьих-то широких плечах» (352).

Таким образом, в поезде присутствуют два важных, жизненно необходимых пространства: кухня, где готовят еду и тем самым поддерживают жизнь, и лазарет (он же — бывшая церковь), где спасают от смерти. А уже ближе к Самарканду кухня на одной из станций превращается в убежище для приставших к поезду беспризорников: «дверь с визгом отъехала в сторону, открывая внутреннее пространство. <...> имелись там не печки-котлы и не мешки с припасами. Тощие ноги и распухшие животы в подтеках грязи, едва прикрытые лохмотьями, — вот что имелось: вагончик был под завязку набит незнакомыми детьми» (318).

Есть также «топочное пространство» паровоза, заполненное пламенем и ассоциирующееся с адом (224).

Еще одно пространство — курятник, куда запирают непослушного мальчишку-найденыша: «мальчишка бился взаперти как сумасшедший — квочки истошно кудахтали и, едва живые от испуга, метались по тесному пространству, роняя перья. Пришлось выпустить арестованного». Курятник — это единственное пространство в поезде, кроме полевой кухни, которое можно запереть (234), ассоциирующееся с тюрьмой.

Купе командира Деева и комиссара Белой расположены по соседству. Их разделяет раздвижная дверь-гармошка. Когда она открыта, два купе сливаются в единое пространство, как это происходит во время свидания Деева и Белой. И Деев не стал вставать, чтобы «прикрыть гармошку, вновь разбивая пространство надвое» (142). А после того, как Белая «забросила в купе к Дееву оброненные башмаки», «с треском съехались гармошечные створки, разделяя пространство надвое» (237).

Во время первого обхода после отправления поезда Деев и Белая видят неосвещенное пространство вагонов, которое подсвечивается белыми рубахами детей и светлеет от их лиц (87).

Появляются особые пространства на станциях-остановках. На первой остановке в Свияжске Деев входит в бывший купеческий особняк и за двустворчатой дверью видит «большое пространство», где «много электрического света, много порохового дыма. Из этого света и дыма смотрели на замершего Деева две черные дыры — два револьверных ствола». Здесь «кипы канцелярских папок, тетрадей и отдельных листов покрывали пространство толстым слоем, который оживал и трепетал при малейшем движении воздуха» (110). В особняке помещается отделение ЧК, а надпись на стене здания: «Смерть врагам народа — корниловцам, каппелевцам...» (109) на-

поминает, что здесь в августе 1918-го Троцкий формировал первые боеспособные части Красной Армии, чтобы выбить из Казани отряд Народной армии Комуча под командованием Каппеля. Чекисты в этом пространстве выступают одновременно как бюрократы и каратели.

Зачатьевский монастырь, где жила и работала Белая, охарактеризован как «пространство любви» (145), поскольку здесь находили приют и заботу беспризорники.

А когда Деев и фельдшер Буг попадают на сборный пункт скота и зерна, «пространство внутри укрепления напоминало гигантскую муравьиную колонию» из-за множества людей, таскающих мешки (174). «Темное пространство хлева», где Деев должен забрать новорожденного теленка, прорезают рассветные лучи, и возникает ассоциация с рождественскими яслями (192, 203).

Во время эпидемии холеры пространство рядом с поездом становится смертельно опасным: «пространство у состава было скоро загажено и потому опасно» (340).

Местом, где пространство тормозит ход времени, в романе становится пустыня. Деев «с детства чувствовал расстояния — определял точно, словно линейкой измерял, — и всегда знал, сколько верст пройдено или осталось до конца маршрута. Но в пустыне внутренний прибор засбоил: глаза тщетно шарили по сторонам, ища и не находя ориентиры, черепашня скорость сбивала с толку. Эшелон вроде бы и полз вперед, но одновременно и вяз в пространстве, не умея его преодолеть» (395).

Когда Деев в бреду гонится за Смертью, которая в действительности оказывается комиссаром Белой, впервые возникает мнимое пространство, связанное с лунным светом: «Они шагают вдвоем — через вагоны, через площадки, через вагоны, через площадки — и скоро оказываются в какой-то очень знакомой комнате. Большое зеркало ползет вбок, отгораживая пространство и наполняя его лунным светом» (380). Хотя это пространство мнимое, оно обладает вещественными приметами реального.

В конце пути Деев лежит в холерном бреду, и пространство, как и в начале пути, становится осязаемым: «Скоро Деев уже смог ощупать пространство вокруг: лежал на охапке сухой травы, укрытый кошмой из войлока, на каменном полу какого-то подвала» (438).

И, как и в начале романа, возникает пространство дома, куда привезли детей, двухэтажного здания бывшего медресе: «<...> когда Деев только раскрыл створку ворот и голые дети потекли во двор нескончаемым потоком, Давыдова сумела вымолвить лишь одно — изумленное “Господи!”». Сначала стояла внизу, растерянно улыбаясь входящим, затем поднялась на лестницу, чтобы лучше обозреть

картину и уступить пространство детям, а после и вовсе забралась на второй этаж» (477).

Существительное «пространство» в «Эшелоне на Самарканд» всегда обозначает некое конкретное место, в котором действуют персонажи романа. Единственный же раз употребленный пространственный глагол «распространяться», напротив, относится к абстрактному понятию любви: «Большая любовь Белой не ограничивалась одним конкретным чадом, а распространялась на сотни и тысячи советских малышей, кого суровое время оставило без крова и родительского попечения» (145).

Особенности использования категории «пространство» в романе Платонова «Чевенгур»

В «Чевенгуре», практически равном по объему «Эшелону на Самарканд», существительное «пространство» употребляется чаще, чем в романе Яхиной, — 37 раз. Но различие в том, что именно определяет слово «пространство», между двумя романами принципиальное. У Яхиной пространства всегда замкнуты, ограничены созданными человеком плоскостями, конечны и конкретны. У Платонова пространства незамкнутые, бесконечные, абстрактные и к тому же часто наделенные антропоморфными свойствами.

В «Чевенгуре» есть антропоморфное «прочно успокоившееся пространство смертельной жары»². Есть бесконечное пространство, причем связано оно в первую очередь с восприятием окружающего мира людьми: «Передний паровозный скат, называемый катушкой, заставил Захара Павловича озаботиться о бесконечности пространства <...> Потом Захар Павлович стал на глаз считать версты до синей меняющейся звезды: он расставил руки масштабом и умственно прикладывал этот масштаб к пространству. <...> он придумал растянуть мир, когда все дороги до тупика дойдут, — ведь пространство тоже возможно нагреть и отпустить длиннее, как полосовое железо» (32–33). Иногда бесконечность пространства прямо не обозначена, но не говорится и о каких-то его пределах. Более того, у Платонова пространство переходит во время: «Ворота депо были открыты в вечернее пространство лета — в смуглое будущее, в жизнь, которая может повториться на ветру <...>» (34). Тот же Захар Павлович «свою будущую жизнь <...> раньше представлял синим глубоким пространством — таким далеким, что почти не существующим. Захар Павлович знал вперед, что чем дальше он будет жить, тем это пространство неперезжитой жизни будет уменьшать-

² Платонов А.П. Сочинения. Т. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 27. Ниже роман цитируется по этому изданию, страницы указываются в круглых скобках после цитаты.

ся, а позади — удлиниться мертвая растоптанная дорога» (36). Здесь, наоборот, время превращается в пространство. Точно так же «пройденное пространство земли» соответствует «прожитой, осиленной жизни» (239). Упоминается и «покинутое пространство», через которое уже прошел катящийся с горы котел с полоумной «буржуйкой» (228). Пространство может лежать «в пустоте, в тишине, испустившее дух, как скошенная нива» (267), бывает у Платонова «мертвая долгота пространства» (276); Пашинцев «любил наблюдать пустоту полевого пространства и течение воздуха над ним» (328). Пространства могут казаться принадлежащими потустороннему миру: «Свет луны робко озарил степь, и пространства предстали взору такими, словно они лежали на том свете, где жизнь задумчива, бледна и бесчувственна, где от мерцающей тишины тень человека шелестит по траве» (273). Возможно, потустороннему миру также соответствует «тень пространства»: «Цыганки прошли мимо него и скрылись в тени пространства» (313).

В сельском клубе через окна сыну Захара Павловича Саше Дванову «было видно опасное пространство полей». Опасное потому, что «прямо из степи можно достать пулей склоненную над книжкой голову молодого коммуниста» (55). И в этом случае «опасное» пространство не имеет четких границ. А «на вокзале Дванов почувствовал тревогу заросшего, забвенного пространства» (56), тоже природного и не имеющего обозначенных границ и к тому же наделенного антропоморфными чертами.

Антропоморфизм в изображении мира мы видим и тогда, когда перед героем «открылось успокоительное пространство. Лесов, бугров и зданий чевенгурец не любил, ему нравился ровный, покатый против неба живот земли, вдыхающий в себя ветер и жмущийся под тяжестью пешехода» (158). Антропоморфными являются пространства и тогда, когда «бурьян обложил весь Чевенгур тесной защитой от притаившихся пространств», в которых, однако, герой «чувствовал залегшее бесчеловечие» (206). Слово «бесчеловечие» здесь можно понять и как синоним слова «жестокость», и как указание на безлюдность пространств. Тут же «братские терпеливые травы, похожие на несчастных людей» (206). Над Двановым и Копенкиным «опустошенный дневным ветром воздух больше не шевелился. От свежести и безмолвия поникшего пространства Дванов ослаб <...>» (107). Пространство тут очеловечено антропоморфным эпитетом.

Когда Платонов сообщает читателям, что Копенкина до революции не волновали «лесá, люди и гонимые ветром пространства» (110), то «пространства» здесь можно понять (пусть такое понимание и будет упрощенным) как воздух. В одном случае Платонов говорит о пространстве неба: «Свет утра расцветал в пространстве и разь-

едал вянушие ветхие тучи» (216). Упоминается и «неизвестное облачное пространство», которое осветил огонь выстрела (227), и «глухота отчужденного пространства», через которое идет на врага Чепурный (225).

Дванов беседует с блаженным мужиком, называющим себя богом, который «бросил пахоту и питался непосредственно почвой. Он говорил, что раз хлеб из почвы, то в почве есть самостоятельная сытость — надо лишь приучить к ней желудок... сумрачно глянул в деревенское пространство, где он был одиноким человеком» (73). Замена хлеба землей не художественный вымысел, а трагическая реальность массового голода, в том числе голода в Поволжье 1921–1922 годов, которому посвящен роман Яхиной.

Во время путешествия Дванова «вдалеке неустанно гудел какой-то срочный поезд — его стискивали тяжелые пространства, и он, вопя, бежал по глухой щели выемки» (89). В данном случае имеются в виду некие абстрактные пространства, а не воздух.

Дванов объясняет председателю проект памятника революции: «Лежащая восьмерка означает вечность времени, а стоячая двухконечная стрела — бесконечность пространства» (116). Можно сказать, что вечность времени и бесконечность пространства — это одна из основных идей «Чевенгура».

Пашинцев, «сирота земного шара», указывая на свой череп, говорит Дванову: «Да тут, брат, всем пространствам место найдется» (123). В данном случае имеется в виду бесконечное число пространств, имеющих абстрактный характер.

Платонов признает, что «жителям надоели большие идеи и бесконечные пространства» (145). Тем не менее, все пространства в «Чевенгуре» бесконечные. Конь Пролетарская Сила спешит «уйти в открытое пространство» (162). Пространства лишены предметного наполнения и какой-либо структуры: «там, где ночью было страшно, лежали освещенными и бедными простые пространства» (165).

Пространство может приобретать метафорический характер: «И то, что Дванов ощущал сейчас как свое сердце, было постоянно содрогающейся плотиной от напора вздымающегося озера чувств. <...> Но над плотиной всегда горел дежурный огонь того сторожа, который не принимает участия в человеке, а лишь подремывает в нем за дешевое жалованье. Этот огонь позволял иногда Дванову видеть оба пространства — вспухающее теплое озеро чувств и длинную быстроту мысли за плотиной, охлаждающейся от своей скорости» (128).

Как мы убедились, у Платонова пространство может быть антропоморфным, но человек в его пространствах отсутствует, и вообще в них отсутствуют какие-то конкретные предметы. Все пространства

в «Чевенгуре» абстрактны и безграничны, и поэтому в романе ни разу не используется глагол «распространять» и его производные, указывающие на неопределенное, безграничное пространство, поскольку в этой роли выступает само слово «пространство». У Яхиной пространства не антропоморфные, но в них непременно присутствуют люди, и сами пространства оказываются вполне конкретными. В «Эшелоне на Самарканд» пространства густо населены персонажами, тогда как в «Чевенгуре» они почти безлюдны. Здесь проявилось принципиальное отличие поэтики двух произведений. Роман Платонова написан в жанре утопии (или антиутопии), тогда как роман Яхиной скорее близок к магическому реализму. Пустота пространства у Платонова создает мрачное настроение и ощущение краха утопического проекта. Наоборот, насыщенность пространства людьми у Яхиной внушает оптимизм, несмотря на описываемую трагическую реальность, и вполне соответствует чудесному финалу — спасению детей. В «Эшелоне на Самарканд» выделяется «священное пространство» поезда. В «Чевенгуре» «священное пространство» не выделяется, поскольку все пространства оказываются в пространстве утопии.

Учитывая, что свойства пространств в «Чевенгуре» и «Эшелоне на Самарканд» прямо противоположны друг другу, можно предположить, что Яхина сознательно отталкивалась от «Чевенгура», стремясь сделать пространства в «Эшелоне на Самарканд» максимально не похожими на платоновские пространства. То, что на образы главных героев романа Яхиной повлияли герои Платонова, уже отмечалось [Фиалков 2023: 298–299].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Букарева Н.Ю. Человек и история в романе Гузель Яхиной «Эшелон на Самарканд» // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 1 (40). С. 57–61.
2. Нагуманова Э.Ф. Хронотоп пути в романе Гузель Яхиной «Эшелон на Самарканд» // Слово. Словесность. Словесник. России. Вып. VIII. Рязань, 2022. С. 207–210.
3. Протасова Е.Ю. Размышления о речи в романе «Эшелон на Самарканд» Г. Яхиной // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2022. № 2. С. 420–430.
4. Фиалков А. Ностальгия или отторжение? Юбилей СССР в русской литературе постсоветского пространства // СССР-100: реконструкция истории и юбилей. М., 2023. С. 281–300.
5. Циденков Г. (d-clarence) Антиплагиат Гузель Яхиной // Живой Журнал, 2021, 10 марта, <https://d-clarence.livejournal.com/413085.html> (дата доступа 22.08.2025)
6. Элиаде М. Священное и мирское / Пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. М., 1994.
7. 刘淼文. 旅行小说《撒马尔罕专列》的叙事诗学[J]. 外国文学动态研究, 2022(01): 13-20.

REFERENCES

1. Bukareva N.Yu. Chelovek i istorija v romane Guzel Jakhinoj “Eshelon na Samarkand” [Man and history in Guzel Yakhina’s novel “Echelon to Samarkand”]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Bulletin of NovSu], 2022 (1 (40)), pp. 57–61. (In Russ.)
2. Eliade M. Svjaschennoe i mirskoe [Sacred and secular] / Trans. from French, preface and a comment by N.K. Garbovsky. Moscow, Publishing House of Moscow State University, 1994. 144 p. (In Russ.)
3. Fialkov A. Nostagija ili ottorzhenie? [Nostalgia or rejection?] Jubilej SSSR v ruskoj literature postsovetskogo prostranstva [The Jubilee of the USSR in the Russian literature of the post-Soviet space]. *SSSR-100: rekonstrukcija istorii i jubileja* [USSR-100: reconstruction of history and anniversary]. Moscow, AIRO-XXI Publ., 2023, pp. 281–300. (In Russ.)
4. Nagumanova E.F. Khronotop puti v romane Guzel Jakhinoj “Eshelon na Samarkand” [Chronotope of the way in Guzel Yakhina’s novel “Echelon to Samarkand”]. *Slovo. Slovesnik. Slovesnost’* [Word. Literature. Philologist.]. Issue VIII. Ryazan, 2022, pp. 207–210. (In Russ.)
5. Protasova E.Yu. Razmyshlenija o rechi v romane “Eshelon na Samarkand” G. Jakhinoj [Reflections on speech in the novel “Echelon to Samarkand” by G. Yakhina]. *Ural’skij Filologičeskij Vestnik. Serija: Jazyk. Sistema. Lichnost’: lingvistika kreativna* [Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: Linguistics of Creativity], 2022, no. 2, pp. 420–430. (In Russ.)
6. Tsidenkov G. (d-clarence) Antiplagiat Guzel Jakhinoj [Anti-plagiarism by Guzel Yakhina]. In: *LiveJournal*, 2021, March 10, <https://d-clarence.livejournal.com/413085.html> (access date 22.08.2025) (In Russ.)
7. 刘淼文. 旅行小说《撒马尔罕专列》的叙事诗学[J]. 外国文学动态研究, 2022 (01), pp. 13–20.

Поступила в редакцию 18.06.2024

Принята к публикации 15.07.2025

Отредактирована 04.09.2025

Received 18.06.2024

Accepted 15.07.2025

Revised 04.09.2025

ОБ АВТОРЕ

Цзоу Вэньяо — преподаватель факультета русского языка, Ланьчжоуский университет; zouwy@lzu.edu.cn

ABOUT THE AUTHOR

Zou Wenyao — Professor of Russian Language, Lanzhou University; zouwy@lzu.edu.cn

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: *Зубков К.Ю. Просвещать и карать. Функции цензуры в Российской империи середины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 520 с.*

М.С. Макеев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; mmakeev@icloud.com

Аннотация: В рецензии рассматривается монография К.Ю. Зубкова «Просвещать и карать. Функции цензуры в Российской империи середины XIX века». Отмечается новаторский характер исследования, стремление автора представить российскую цензуру второй половины XIX в. как институт, чьи цели и задачи не ограничивались только «надзором» за литературой, вычеркиванием из текстов «сомнительных» мест или запретом произведений в целом. Цензура, как показал К.Ю. Зубков, могла выполнять целый ряд функций, в которые входили покровительство литераторам, организация коммуникации между правительством и литераторами, создание своеобразной площадки для обсуждения острых общественных проблем. Столь же разным могло быть отношение к цензуре самих литераторов: оно колебалось от абсолютно враждебного до признающего целесообразность и даже своеобразную полезность этого органа для самой литературы.

Ключевые слова: цензура; драматическая цензура; русская литература XIX века; И.А. Гончаров; А.Н. Островский

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-05-18

Для цитирования: Макеев М.С. Рецензия на книгу: *Зубков К.Ю. Просвещать и карать. Функции цензуры в Российской империи середины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 520 с. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 5. С. 206–214.*

BOOK REVIEW: *Zubkov K.Yu. To Enlighten and to Punish. Functions of Censorship in the Russian Empire in the Mid-19th Century. Moscow: New Literary Review, 2023. 520 p.*

Mikhail S. Makeev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; mmakeev@icloud.com

Abstract: The review examines the monograph by K. Yu. Zubkov *To Enlighten and Punish. The Functions of Censorship in the Russian Empire in the Mid-19th*

Century. The innovative nature of the reviewed study is noted, as is the author's desire to present Russian censorship in the second half of the 19th century as an institution whose goals and objectives were not limited to "supervision" of literature, deleting "questionable" passages from texts, or banning works in general. Censorship, as K. Yu. Zubkov showed, could perform a whole range of functions, which included patronage of writers, organization of a channel of communication between the government and writers, creation of a unique platform for discussion of important social problems. The attitude of writers themselves to censorship could be just as different: it fluctuated from absolutely hostile to recognizing the expediency and even unique usefulness of this body for literature itself.

Keywords: censorship; dramatic censorship; Russian literature of the 19th century; I.A. Goncharov; A.N. Ostrovsky

For citation: Makeev M.S. (2025) Book review: *Zubkov K.Yu. To Enlighten and Punish. Functions of Censorship in the Russian Empire in the Mid-19th Century*. Moscow: New Literary Review, 2023. 520 p. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 206–214.

Актуальность предпринятого в рецензируемой монографии исследования не вызывает сомнения: несмотря на долгую историю изучения, уровень современных представлений о целях, задачах и «алгоритмах» действия цензуры остается неудовлетворительным. Как считает автор, историки литературы по-прежнему руководствуются слишком общими, а часто прямо неверными представлениями о цензорах как о бюрократах, ничего не понимающих в литературе и враждебных прогрессу и просвещению, а о цензуре — как об институте, чьи задачи заключаются исключительно в том, чтобы выискивать и вырезать из текстов предосудительные фрагменты, а также запрещать к печати произведения, авторы которых преследовали неблагонамеренные цели. В содержательном введении Зубков предлагает новаторский взгляд на цензоров как на людей часто умных, понимающих толк в литературе и опирающихся в своей работе не только на цензурный устав, но и на представления о морали, общественном благе, эстетические требования, а на цензуру в целом как институцию, чьи задачи далеко выходили за пределы функции «надзирать и наказывать».

Главных героев книги два: И.А. Гончаров и А.Н. Островский. Такое соединение очень разных литераторов (хотя и пересекшихся как раз на поле цензуры) позволяет взглянуть на цензуру с двух сторон: со стороны цензора (Гончарова) и со стороны литератора (Островского). При этом соединение в Гончарове сразу двух «ипостасей» позволяет увидеть их тесную связь и взаимное влияние. Гончаров представляет цензуру чисто литературную, творчество Островского было предметом попечения цензуры драматической.

Гончарову посвящена первая часть книги — «Гончаров: писатель как цензор и цензор как писатель». Она состоит из четырех глав (относительно последовательно представляющих карьеру Гончарова-цензора) и двух «экскурсов» (разбор двух эпизодов, в которых Гончаров либо совсем не играл роли, либо играл очень незначительную). Каждая глава представляет разбор самостоятельного эпизода в цензурской карьере Гончарова.

В первой главе («Между государством и цензурой: Гончаров в цензурном комитете») рассматриваются мотивации рискованного для его репутации решения автора «Обыкновенной истории» принять должность цензора. Помимо материальных соображений, по Зубкову, основным стимулом для Гончарова стал приход к власти группы либеральных бюрократов, стремившихся поменять отношения между правительством и литературой, найти новые способы взаимодействия. Цензура, без которой эти новые администраторы все-таки не мыслили функционирование литературы, виделась им посредницей между литераторами и правительством, своеобразным каналом коммуникации между ранее антагонистическими лагерями. Гончаровское видение миссии цензуры, как показал Зубков, вполне совпадало с правительственным; было у него немало в этом единомышленников и среди литераторов.

Глава вторая («Запоздавшие изменения: Гончаров и проекты цензурных реформ 1850-х годов») также показывает роль, которую стремился играть Гончаров в ситуации правительственных поисков новых способов взаимодействия с литературой. В центре внимания здесь проект Модеста Корфа, который показан Зубковым как существенно более либеральный, чем принято до сих пор его представлять (каким он, в частности, представлен в классической книге М.К. Лемке «Очерки по истории русской литературы и журналистики XIX столетия» (1904)). Основан этот проект был на модели своеобразного покровительства литераторам, которое готово было оказывать правительство.

Ситуацию хрупкого (возможно, заведомо обреченного) «консенсуса» иллюстрирует первый «экскурс». Здесь рассматривается не раз обсуждавшаяся история с перепечаткой Чернышевским в своей рецензии в «Современнике» нескольких стихотворений (в том числе особенно «рискованного» «Поэта и Гражданина») из сборника 1856 года «Стихотворения Некрасова». Эта «выходка» молодого сотрудника вызвала «цензурную бурю» и привела к пятилетнему запрету на переиздание книги. Зубков обращает внимание на то, что в этой истории негодование литераторов, близких к «Современнику», обрушилось не на правительство и цензуру, а на И.И. Панаева (которого все считали автором рецензии, напечатанной анонимно)

и самого Некрасова, нарушивших, по их мнению, складывающийся «консенсус» между правительством и литературой.

Третья глава («Цензор на распутье: Гончаров в ведомстве Валуева») возвращает читателя к более традиционному пониманию цензуры — ее «полицейской» (как выражается Зубков) функции. К ней цензура обращается в 1860-е годы, реагируя на все обострявшееся противостояние общества и правительства, когда найти консенсус между литературой и цензурой оказывается практически невозможно, так же как помыслить этот орган как «покровительствующий» литераторам. Проблемы, возникающие в это время даже перед благонамеренными писателями и либеральными цензорами, рассматриваются на примере цензурной судьбы драматических произведений, посвященных польским событиям 1863 года: пьесы Я.П. Полонского «Разлад» и драмы А.Д. Столыпина «София». Запрет или разрешение в обоих случаях оказываются обусловлены не общей лояльностью и благонамеренностью автора, но степенью соответствия «видам правительства» в отношении Северо-Западного края. Недостаточно было поддерживать интеграцию Царства Польского в Российскую империю — нужно было одобрять те способы, которые правительство в данный момент считало для достижения этой цели наилучшими.

В это время, как показывает Зубков, Гончаров чувствует себя крайне «неуютно», совмещая в себе писателя и гонителя литературы. Трудность положения, в котором он оказался, отразилась в его поведении в коллизии, приведшей к закрытию в 1866 г. журнала «Русское слово». Предложение цензора-писателя подвергнуть журнал судебному преследованию (вместо вынесения предупреждения) говорит, по мнению Зубкова, не о превращении Гончарова в гонителя оппозиционной прессы, а о его сопротивлении трансформации цензуры в исключительно карательный орган, о попытке сохранить в публичном поле возможность для обсуждения оппозиционных взглядов.

Глава четвертая первой части («Роман цензора: “Обрыв” Гончарова и критика нигилизма») кажется нам наименее уместной в книге. Несмотря на то, что она содержит оригинальные и проницательные наблюдения над поэтикой «Обрыва», мысль, что в своем последнем романе Гончаров осуществляет свой именно цензорский идеал (идеал открытой общественной дискуссии), представляется сомнительной. Для того, чтобы понимать роман как жанр, отражающий современность, поднимающий актуальные общественные проблемы и представляющий разные (в том числе оппозиционные) точки зрения на них, не нужно быть цензором.

Второй «экскурс» посвящен выглядящему странным поступку А.Ф. Писемского, потребовавшего при переиздании «Взбаламученного моря», уже допущенного ранее в печать, повторной цензуры. В интерпретации Зубкова за этим стояло стремление вывести произведение из журнального контекста и перейти под личное покровительство министра внутренних дел Валуева. Такой поступок, как полагает автор, был следствием провала проекта конструктивного взаимодействия между властью и литературой. Нам кажется, однако, что дело проще: Писемский, скорее всего, боялся, что новая «карательная» система не примет во внимание прежнее разрешение. Многие журналисты и литераторы быстро ощутили, что новая «свобода» оказалась более обременительной, чем прежний «гнет».

Название посвященной Островскому второй части книги («Островский: публика глазами цензоров и драматургов») точно обозначает «фокус», в котором рассматриваются отношения драматурга с цензурой. Начинается она с кратких, но принципиально важных и, на наш взгляд, верных соображений, касающихся специфики театрально-драматической цензуры, выделенной в России в особое ведомство и, как считалось, действовавшей суровее, чем цензура литературная. Эту строгость Зубков характеризует как особенную структуру цензорского внимания, обусловленную спецификой, присущей театральному существованию драмы. Как утверждает автор, цензура должна была учитывать то, что текст, звучащий со сцены, вызывает более «непосредственную» реакцию, чем текст печатный. Риторически убедительная речь злодея может подействовать соблазнительно в момент ее произнесения, и авторское его осуждение, становящееся понятным только в результате осмысления пьесы в целом, может оказаться бессильным «перебить» воздействие этого монолога. Поэтому на первый план для театрально-драматургической цензуры выходила публика, ее состав и характер, цензор ставил своей задачей предугадать не только те выводы, которые она сможет извлечь из спектакля как целого, но и ее потенциальные реакции на отдельные сцены. При этом, как показывает Зубков, цензура была склонна рассматривать театральную публику как менее, чем читатели журналов, эстетически искушенную и менее морально устойчивую, поэтому была особенно склонна к «защите» театрального зрителя от потенциально опасного воздействия.

Все это значимо для цензурной истории пьес Островского, несколько эпизодов которой рассматриваются в четырех главах и двух «экскурсах». Первая глава, названная отчасти вызывающе, «Как цензоры помогли Островскому стать великим писателем: литературная эволюция и драматическая цензура», вызывает больше всего сомнений. Ее центральный сюжет — цензурное запрещение

(и позднейшее разрешение) постановки первой большой пьесы Островского — «Свои люди — сочтемся». Причина запрета, по Зубкову, заключается в том, что драматург разошелся со своими цензорами не столько в представлениях о морали, сколько в представлении о способности публики эту мораль извлечь из текста, воспроизводимого на сцене. Завершая в доцензурной редакции (ныне, разумеется, основной) комедию вопросом, обращенным к зрителю, Островский как бы выносил показанную историю на суд публики, видя в людях, собравшихся в зале, компетентный суд, единственно уполномоченный быть носителем моральных принципов и выносить с их точки зрения суждения о конкретных поступках. Между тем цензура не была готова воспринять публику таким же образом. Поэтому только после того, как в финале в переработанной пьесе появился полицейский, арестовывающий Рисположенского и произносящий ясный и однозначный моральный вывод из всей истории, пьеса была допущена к представлению: только начальство, по мнению цензоров, имело право на вынесение приговоров (в том числе моральных), только оно обладало «практическим разумом» и «способностью к суждению».

Если центральная идея главы представляется нам практически бесспорной, то дополняющее ее соображение выглядит столь же необязательным, сколь сомнительным. Зубков полагает, что этот случай, разумеется, крайне досадный для Островского, сослужил ему в результате полезную службу. Дело в том, что «благодаря» театральному запрету комедии она существовала в сознании публики только как литературное произведение и сам Островский воспринимался (видимо, до его театрального дебюта — «Не в свои сани не садись») не как театральный автор, а как автор журнальный. По Зубкову, разница между этими «авторами» принципиальная: будучи создателем только пьес, предназначенных для театра и воспринимаемых прежде всего как театральное зрелище, в середине XIX века в России было невозможно создать себе значимое литературное имя. Цензура, таким образом, направила деятельность Островского на то поле, где он смог в короткое время превратиться в авторитетного «литератора». Эту авторитетность в том числе в глазах цензуры ему удастся впоследствии перенести на его театральную «ипостась», этот авторитет литератора заставит считаться с ним и театральную цензуру.

Но убедительных доказательств того, что театр в середине XIX века в России представлял собой менее престижный медиум по сравнению с журналом, на наш взгляд, в книге Зубкова не представлено. Наоборот, об огромном значении театра в культурной и общественной жизни России не раз писали, например, А.И. Жу-

равлева. Хорошо известно, какими значительными событиями становились постановки классических пьес (см. например, статьи Белинского о Молчанове в роли Гамлета). Поэтому полагать, что Островский не превратился бы в знаменитого литератора, если бы начинал только как сценический писатель, а не как «журнальный» автор, нет оснований. Решаемся утверждать, что своей репутацией Островский был обязан таланту и мастерству.

Глава вторая «островской» части («Цензоры на страже нравственности»), посвященная анализу истории разрешения к постановке «Грозы», выглядит очень органично в рецензируемой книге. Споры о допущении или недопущении драмы на сцену иллюстрируют одно из центральных положений монографии об особой «диалектике» частей и целого, занимавшей театральную цензуру. Центральным в цензорских дискуссиях, как показывает Зубков, был вопрос о том, исходить ли из самого факта показа «аморального» поведения героини или из того, что автор в своей пьесе «в целом» осуждает порок. Ключевым фактором для решения было представление о состоянии публики: способна ли она «читать» произведение как целое или по-прежнему только реагирует на то, что происходит перед ее глазами.

Проблематика третьей главы («Национальная мифология и историческая драма: запрет и разрешение драматической хроники «Козьма Захарыч Минин, Сухорук»») перекликается с проблематикой «гончаровской» части книги. И здесь приводивший в недоумение исследователей запрет постановки первой редакции пьесы, выглядящей совершенно благонамеренной (после ее публикации в журнале Островский в благодарность получил в подарок перстень от самого императора), объясняется несоответствием ее содержания текущей правительственной «повестке». По весьма правдоподобной гипотезе Зубкова, драма, построенная на внешне безобидной идее самодержавия как единственно возможной формы правления в России, основанной и на воле народа, и на божественной санкции, вводила опасный в то время мотив регионализма — ополчение во главе с Мининым и Пожарским представлено было у Островского как многоэтническое и мультилокальное. Межрегиональные и межэтнические противоречия казались в это время правительству более опасными для единства империи, чем антагонизмы сословные.

Завершающая часть четвертая глава («Иван Грозный на русской сцене: репрезентация монархической власти и драматическая цензура») возвращает читателя к специфике театральной цензуры. Трудная и внешне противоречивая история двух пьес об Иване Грозном — «Василисы Мелентьевой» Островского и «Смерти Иоанна Грозного» А.К. Толстого, — как доказывает Зубков, была обусловлена требованием «показывать» царственную особу (какой бы

она ни была) на сцене так, чтобы не уронить престижа царской власти. И будучи известным безумным тираном и деспотом, самодержец должен был сохранять на сцене «величие», абсолютную дистанцию от любого зрителя. Соответственно, жанром, пригодным для представления даже дурного монарха, с точки зрения драматической цензуры, могла быть трагедия, а неудобными — драма или мелодрама. Поэтому «Смерть Иоанна Грозного» была признана пригодной для постановки, а «Василиса Мелентьева» — сомнительной.

Экскурс третий (экскурсы в книге имеют сквозную нумерацию) органично связан со сквозными мотивами всей «островской» части и вполне, на наш взгляд, мог бы быть сделан ее главой. Говоря о запрете, которому подверглись пьесы о чиновниках-взяточниках, «Доходное место» Островского и «Дело» Сухово-Кобылина, Зубков показывает роль, которую в решении театрального цензора могло играть представление об авторитете автора цензурируемой пьесы, его месте в литературной иерархии. Как показано в работе, запрет пьесы Островского вызван тем, что цензура видела в нем большого художника и потому потрудились уловить авторский замысел в целом, что позволило ей рассмотреть широкое сатирическое обобщение, заложенное в комедии. Замысел же Сухово-Кобылина как «рядового», исключительно театрального писателя цензура понять не удосужилась и в его очевидном сейчас обличении судебной системы увидела только сведение счетов с конкретными чиновниками.

Экскурс четвертый отходит несколько в сторону от цензуры, однако остается в круге тем, обсуждаемых в книге. В нем автор анализирует трудную судьбу «Женитьбы Бальзамина», запрещенной для постановки Театрально-литературным комитетом, организацией, призванной, по замыслу правительства, стать посредником между театральными писателями и цензурой. Победа Островского, достигнутая после повторного обсуждения пьесы комитетом, свидетельствовала, по мнению Зубкова, о ненужности такого посредника в ситуации, когда само сообщество литераторов осознало себя как авторитетного участника обсуждений вопросов эстетики и морали.

Книга Зубкова, на наш взгляд, помимо того, что содержит ряд точных реконструкций цензурных эпизодов, важна и постановкой и частичным решением более масштабной задачи — пересмотра устоявшихся, устаревших представлений о цензуре, ее механизме и ее функциях. Цензура предстает в книге как сложный, многофункциональный институт, чья «полицейская» функция была только одной из тех, что в разное время возлагались на него правительством. Цензура уполномочивалась быть то посредником между властью и правительством, то институтом покровительства лите-

ратуре, то судьей в вопросах эстетики, а иногда даже пыталась представить себя площадкой для обсуждения острых общественных проблем. Соответственно и отношение к цензуре ее «объектов» — литераторов — было не во все времена и не во всех случаях однозначно отрицательным. Без учета этой убедительно продемонстрированной Зубковым реальной сложности, присущей существованию цензуры в России, дальнейшее ее изучение представляется невозможным.

Поступила в редакцию 25.04.2025

Принята к публикации 27.05.2025

Отредактирована 02.09.2025

Received 25.04.2025

Accepted 27.05.2025

Revised 02.09.2025

ОБ АВТОРЕ

Михаил Сергеевич Макеев — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук; mmakeev@icloud.com

ABOUT THE AUTHOR

Mikhail S. Makeev — Doctor of Philology, Full Professor, Chair of the Department of History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences; mmakeev@icloud.com

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: Casanova d'une plume indocile.
Essais de philosophie, de morale et de littérature / Edition établie
sous la direction de Jean-Christophe Igalens et Erik Leborgne.
Paris: Bouquins éditions, 2024. 1221 p.**

Н.Т. Пахсарьян

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
ИНИОН РАН, Москва, Россия; npakhsarian@gmail.com*

Аннотация: В рецензии рассматривается опубликованный во Франции том эссеистической прозы Дж. Казановы, забытой или оставшейся в рукописи, а также вступительная статья к этому тому ученых — Ж.-К. Игалена и Э. Леборня. Составители тома поставили перед собой задачу раскрыть разнообразие грани Казановы-писателя. Для этого они разделили публикуемые материалы на три группы, представляющие их автора как историка, философа-моралиста и театрального критика. Подобный порядок нарушает хронологическую последовательность, но порождает возможность увидеть противоречивую эволюцию автора и различные интерпретации опубликованных документов. Читатели могут убедиться в упрощенности привычного мифа об авантюристе-соблазнителе, почувствовать в Казанове парадоксальную личность, активно включающуюся в историко-политическую и философскую полемику своего времени, оценить особенности манеры писателя, стремящегося не к тяжеловесным метафизическим конструкциям, а к свободному стилю беседы. При том, что Казанова демонстрирует знание текстов своих современников, часто использует цитаты из них, он всякий раз умело выстраивает собственное понимание событий и людей. Хотя из «Истории моей жизни» известно о встрече Казановы с Вольтером, но только из рукописных эссе можно узнать о том, что он был внимательным читателем и критиком произведений знаменитого философа, порой споря с ним, а порой расточая ему похвалы. Особый интерес в изданном томе представляют те, ранее не опубликованные, сочинения, которые касаются анализа событий Французской революции 1789–1794 годов.

Ключевые слова: Казанова; писатель; эссе; философская рефлексия; эстетические оценки; моральные суждения; размышления об истории

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-05-19

Для цитирования: Пахсарьян Н.Т. Рецензия на книгу: Casanova d'une plume indocile. Essais de philosophie, de morale et de littérature / Edition établie sous la direction de Jean-Christophe Igalens et Erik Leborgne. Paris: Bouquins éditions, 2024. 1221 p. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 5. С. 215–220.

**BOOK REVIEW: Casanova d'une plume indocile.
Essais de philosophie, de morale et de littérature /
Edition établie sous la direction de Jean-Christophe Igalens
et Erik Leborgne. Paris: Bouquins éditions, 2024. 1221 p.**

Natalia T. Pakhsarian

Lomonosov Moscow State University; Institute of Scientific Information of Social Sciences of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; npakhsarian@gmail.com

Abstract: The review examines a volume of essayistic prose published in France by J. Casanova, forgotten or left in the manuscript, as well as the introductory article to this volume by J.K. Igalens and E. Leborgne. The compilers of the volume set themselves the task of revealing the diverse facets of Casanova as a writer. To do this, they divided the published materials into three groups, representing their author as a historian, a moral philosopher, and a theater critic. Such an order violates the chronological sequence, but it gives rise to the opportunity to see the contradictory evolution of the author and the different interpretations of the published documents. Readers can see the simplistic nature of the familiar myth of the adventurer-seducer, feel in Casanova a paradoxical personality actively involved in the historical, political and philosophical polemics of his time, and appreciate the peculiarities of the writer's manner, striving not for ponderous metaphysical constructions, but for a free style of conversation. Despite the fact that Casanova demonstrates knowing the texts of his contemporaries, uses quotations from them, he always skillfully builds his own understanding of events and people. Although it is known from *The Story of My Life* about Casanova's meeting with Voltaire, it is only from handwritten essays that one can learn that he was an attentive reader and critic of the works of the famous philosopher, sometimes arguing with him, and sometimes lavishing praise on him. Of particular interest in the published volume are those previously unpublished works that relate to Casanova's analysis of the events of the French Revolution of 1789–1794.

Keywords: Casanova; writer; essay; philosophical reflection; aesthetic assessments; moral judgments; reflections on history

For citation: Pakhsarian N.T. (2025) Book review: Casanova d'une plume indocile. Essais de philosophie, de morale et de littérature / Edition établie sous la direction de Jean-Christophe Igalens et Erik Leborgne. Paris: Bouquins éditions, 2024. 1221 p. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 215–220.

В последние десятилетия XX и в начале XXI в. филологи стали проявлять интерес не только к легендарной фигуре Джакомо Казановы (1725–1798) — знаменитого авантюриста и соблазнителя, — но и к его творчеству. Хотя мемуары «История моей жизни» издавна пользовались читательским успехом, но полный и научно комментированный текст этого сочинения даже во Франции появился лишь в 2013–2015 гг. в серии «Библиотека Пяеды». Большинство других

сочинений Казановы были известны очень узкому кругу специалистов и не часто становились объектом историко-литературного анализа. Потребность в таком анализе стала особенно ощущаться в 2010–2020-е гг., когда специалисты по истории, философии, литературе Просвещения пересмотрели многие концепции по отношению к этой эпохе и почувствовали, что необходимо заполнить существующие лакуны. Не случайно состоявшаяся в 2013 г. конференция в Сорбонне носила название «Казанова. Новые подходы к изучению».

Том под названием «Казанова непокорным пером» вышел во Франции в издательстве «Букен» в августе 2024 г. в преддверии 300-летнего юбилея писателя. В томе собраны либо не переиздававшиеся, либо вовсе не изданные сочинения Казановы, написанные по-французски и по-итальянски, последние — в переводе на французский язык и большей частью во фрагментах. Все сочинения тщательно сверены с рукописями и снабжены комментариями. В подготовке этого тома участвовала большая группа ученых: Ж.-К. Абрамовиси, Р. Брен, Л. Контагрель, С. Деньель. С. Франсес, С. Маршан, Ф. Россес. С. Роте. Обширное предисловие объемом около 40 страниц написано двумя известными знатоками творчества Казановы: доктором филологии, преподавателем Сорбонны Жан-Кристофом Игаленом и Эриком Леборнем, доктором филологии и профессором Новой Сорбонны.

Предисловие под названием «Блистать нарушением правил» представляет до сих пор мало известную сторону Венецианца — его достаточно разнообразное литературное творчество помимо известной книги воспоминаний. Это проза, которая была не известна современникам, забыта или принята читателями без большого интереса. Авторы подчеркивают: «Казанова осознал, что может встретиться с непониманием, и, возможно, часто страдал от неуспеха своих сочинений...» [с. XII]. Ж.-К. Игален и Э. Леборнь отмечают стремление писателя быть «обозревателем современности», представлять себя свободным мыслителем, активно подвергать критике политические и общественные установления, откликаться на эстетические споры. При этом манера письма Казановы «походит на рапсодический стиль, в котором смешиваются личные суждения, критические дискуссии, заимствования у других авторов и автобиографические наброски» [с. XX].

В том не были включены те произведения Казановы, которые не связаны с публицистикой и эссеистикой: здесь нет романа «Икосамерон», пьес «Фессалийки, или Арлекин на шабаше» и «Моллюкеида, или О двойниках-соперниках», а также переводов на итальянский «Илиады» Гомера и романов двух французских писательниц — ма-

дам Риккони и мадам де Тансен. Композиционно опубликованные материалы разделены на три группы, каждая из которых знакомит читателей с разными сторонами литературной деятельности Казанова: «Казанова и история», «Казанова — философ и моралист», «Грани литературного творчества: полемические заметки, театр, критика». Издатели сознательно нарушают хронологический принцип, соединяя ранние и поздние эссе, однако это позволяет продемонстрировать, насколько усердно трудился Казанова в разных направлениях. Каждый раздел предваряется замечаниями издателей, описывающими историю создания или публикации текстов, в конце тома помещены комментарии. Публикаторы замечают, что писатель не претендует на то, чтобы исчерпывающе изучить вопросы, которых он касается, он свободно рассыпает свои суждения, избегая окончательных выводов и категоричности. Его тексты представляют собой лабораторию автобиографического письма и одновременно — попытку участия в философских, политических и литературных дебатах того времени. Казанова часто берется за перо, чтобы показать недостатки предыдущего варианта текста (а он иногда переписывает свои эссе по два-три раза), стремится, чтобы последнее его слово по отношению к обсуждаемым сюжетам было выражено ясно. При этом иногда писатель увлекается рассуждениями «в сторону», далеко уходя от основной темы, заявленной в заглавии, в чем признается сам: «Во время письма я часто погружаюсь в трудные материи и по недосмотру предаюсь фантазии, уводящей меня далеко».

В раздел «Казанова и история» вошли два произведения, переведенные с итальянского языка: «Опровержение “Истории Венецианского государства” Амело де Уссе» и «История смуты в Польше», а также «Письмо Леонарду Светлаге», в котором писатель анализировал неологизмы, созданные революционной эпохой. В свое время первые два сочинения были опубликованы без имени автора и не вызвали большого интереса, однако издатели полагают, что забвение, постигшее эти тексты, незаслуженно. Помимо опубликованных, в этот раздел входят девять сочинений, оставшихся в рукописи, наиболее значительные из которых относятся к осмыслению событий и участников французской Революции — «Рассуждения наблюдателя о свержении французской монархии Революцией 1789 г.», «Размышления о причинах Революции», «Диалог между филантропом Робеспьером и каторжником-мизантропом Бон-Вуалем», «Смерть Робеспьера» и несколько заметок без названия. При том, что многие особенности современной политической жизни, прежде всего — в Венеции, Казанова воспринимает критически, он резко негативно относится и к Робеспьеру, и к самому событию Революции

во Франции: для него насилие, убийства, войны — абсолютное зло, а примером подлинного гражданина является Людовик XVI.

В раздел «Казанова-философ и моралист» включены некогда опубликованные тексты — «Лана Каприна» (эссе о медицинских проблемах), «Стыд — Румянец — Целомудрие», «Критическое эссе о нравах, науках и искусствах» и 17 оставшихся в рукописи безымянных эссе на различные темы. Стремясь выстроить последовательность своих размышлений, Казанова помещает в «Критическом эссе» сначала политико-социальные тексты о свободе и рабстве, о правителях, затем — заметки о разных отраслях знаний — о логике, естественной истории, химии, математике, теологии, механике, после них идут записи религиозно-этического характера и, наконец, мысли об искусстве. В этом разделе писатель демонстрирует парадоксальное смешение интереса к просветительской философии, знание ее и даже совпадение в некоторых суждениях (так, он заимствует отдельные мысли из «Исторического словаря» П. Бейля и «Философского словаря» Вольтера) и в то же время — порой весьма резкое неприятие, в частности — позиции Ж.-Ж. Руссо.

Неоднозначно и отношение Казановы к Вольтеру: об этом ясно свидетельствуют открывающие третий раздел книги «Размышления над “Похвальными письмами разных авторов господину Вольтеру”». Он и испытывает восхищение главой французских просветителей, и в то же время многого в нем не принимает, скептически оценивает некоторые восторженные оценки Вольтера.

Критические заметки о литературе, помещенные в третьем разделе, так же разнообразны, как и историко-политические и философско-этические суждения Казановы. Родившись в семье актеров и будучи всегда близок театральной среде, Казанова разворачивает оригинальные суждения о драматических жанрах, отстаивает достоинства комедии и пародии. Сам занимаясь переводами (в томе помещены несколько его переводов из Горация), он воспроизводит примечания А. Поупа к английскому переводу «Илиады» и дает собственные комментарии, вступает в диалог с переводчиками на итальянский и французский, сравнивает «дух» и возможности различных языков. Отстаивая свою позицию романиста, он разъясняет замысел утопического романа «Икосамерон», не слишком одобрительно оцененного рецензентом в газетной заметке 1789 г. В «Разговоре мыслителя с самим собой» рисует портрет своего «двойника» — Калиостро. Особенно интересны заметки Казановы о Бернардене де Сен-Пьере: авторы предисловия видят в его характеристиках своего рода антиобраз самого Казановы, его перевернутое зеркальное отражение [с. XXXIX]. Ученика Ж.-Ж. Руссо, Бернар-

дена де Сен-Пьера, автор заметок высмеивает с почти вольтеровской иронией.

Конечно, ни один из опубликованных в этом томе текстов не может сравниться по мастерству с шедевром Казановы — «Историей моей жизни». Однако, как верно заметили издатели, «изучать диалоги Венецианца с Вольтером или Руссо, принимать всерьез его философские проекты — не значит пренебрегать тем гимном наслаждению, который он пропел в своих мемуарах» [XI].

Рецензируемая книга — не только важный вклад в изучение творчества Казановы, представшего перед читателями разными гранями своего писательского таланта. Она предоставляет исследователям эпохи Просвещения богатейший новый материал по истории, культуре, искусству XVIII столетия. Ж.-К. Игален и Э. Леборнь планируют и дальнейшую работу с неопубликованными сочинениями знаменитого авантюриста: два обширных диалога «Философ и теолог» и «Сон» намечены к изданию в готовящемся дополнительном томе.

Поступила в редакцию: 17.06.2025

Принята к публикации: 07.07.2025

Отредактирована: 07.09.2025

Received: 17.06.2025

Accepted: 07.07.2025

Revised: 07.09.2025

ОБ АВТОРЕ

Наталья Тиграновна Пахсарьян — доктор филологических наук, профессор кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Отдела литературоведения ИНИОН РАН; npakhsarian@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Natalia T. Pakhsarian — DSc in Philology, Professor, Department of Foreign Literature, Lomonosov Moscow State University; Senior Researcher, Department of Literary Criticism, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; npakhsarian@gmail.com

ПАМЯТИ...

КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ ЛИФАНОВ

Д.Ю. Ващенко

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия; daranis@mail.ru

Аннотация: Текст посвящен памяти доктора филологических наук, профессора кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ Константина Васильевича Лифанова. Дается очерк научного и педагогического пути К.В. Лифанова, рассматривается разработанная им новаторская концепция словацкого литературного языка в общем контексте развития словаистики; охарактеризованы разработанные К. В. Лифановым учебные пособия.

Ключевые слова: МГУ имени М.В. Ломоносова; словацкий язык; история литературного языка; кодификация; узус; грамматика; диалектология; К.В. Лифанов

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-05-20

Для цитирования: Ващенко Д.Ю. Константин Васильевич Лифанов // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 5. С. 221–224.

KONSTANTIN LIFANOV

Daria Yu. Vashchenko

Institute of Slavic Studies RAS, Moscow, Russia; daranis@mail.ru

Abstract: The text is dedicated to the memory of Konstantin Vasilyevich Lifanov, Doctor of Philology, Professor of the Department of Slavic Philology at the Philological Faculty of Moscow State University. An outline of the academic and pedagogical path of K.V. Lifanov is given; the innovative conception of the Slovak literary language developed by him is considered in the general context of the development of Slovak studies; the textbooks created by K.V. Lifanov are described.

Keywords: Lomonosov Moscow State University; Slovak language; history of literary language; codification; usage; grammar; dialectology; K. Lifanov

For citation: Vashchenko D.Yu. (2025) Konstantin Lifanov. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 221–224.

Летом 2025 года ушел из жизни, немного не дожив до своего 70-летнего юбилея, Константин Васильевич Лифанов, доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Константин Васильевич родился в 1955 г. в городе Серпухов Московской области. В 1977 г. он окончил славянское отделение филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. В 1985 г. Константин Васильевич защитил на филологическом факультете МГУ кандидатскую диссертацию на тему «Категория рода и категория одушевленности в истории словацкого языка». Константин Васильевич неоднократно был на научных стажировках в Словакии, США, Будапеште, входил в состав диссертационных советов и редакций ведущих научных журналов.

В 2001 году Константин Васильевич защитил на филологическом факультете МГУ докторскую диссертацию «Генезис словацкого литературного языка», которая затем воплотилась в одноименную монографию, выдержавшую два издания, 2001 и 2008 гг. В ней была предложена новаторская, опирающаяся на колоссальный фактический материал концепция развития словацкого литературного языка. Ее фундаментальный тезис состоит в том, что роль литературного языка у словаков долгое время выполнял чешский, который постепенно словакизировался, и именно этот языковой идиом был положен в основу первой кодификации словацкого литературного языка, предложенной в 1787 г. А. Бернолаком. В диссертации была определена хронология словацкого литературного языка старого типа; предложены существенные коррективы в интерпретации последующего развития словацкого литературного языка. Эта работа стала знаковой для истории славянских литературных языков и особенно для теории словацкого литературного языка во всей ее неоднозначности, обусловленной спецификой «внутреннего» подхода, противоречия которого удалось разрешить в рамках новой концепции. Константин Васильевич в своих научных трудах анализировал памятники словацкого языка в аспекте теории кодификации, а также прослеживал довольно запутанную судьбу нормирования словацкого литературного языка в XX в. Он представлял цельную исследовательскую парадигму, которая обладает мощной прогностической силой и позволяет адекватно интерпретировать процессы, протекающие в современном словацком языке. В этом смысле особенно важным представляется смещение акцентов с преобладающего в современной словакистике прескриптивно-нормативного аспекта (как надо говорить/писать) на дескриптивный и на изучение того, как в реальном узусе отображается кодификация,

в контексте всех тонкостей этого процесса за последние полтора столетия.

Константин Васильевич несколько десятков лет активно руководил подготовкой словакистов на филологическом факультете МГУ, где вел целый блок совершенно разных дисциплин: проводил занятия по практическому словацкому языку, читал курсы лекций по теоретической грамматике словацкого языка, словацкой диалектологии, истории словацкого языка, истории словацкого литературного языка, ключевой для всего славянского отделения курс введения в славянскую филологию, а также руководил курсовыми и дипломными работами. Он подготовил несколько поколений словакистов, успешно реализовавших себя в науке и дипломатии, в преподавании и административной работе, в журналистике и переводе.

Константин Васильевич выпустил ряд важных учебно-методических книг. Так, в 1999 году вышла «Морфология словацкого языка», книга, по которой готовились к экзаменам еще словакисты 2003 г. выпуска и которая, в силу своей емкости, информативности и вместе с тем доступности, является неизменным и незаменимым пособием в преподавании словацкого языка, вне зависимости от целей и объема курса. Четыре раза, в 2012, 2015, 2016 и 2023 годах издавалась «Диалектология словацкого языка», чрезвычайно востребованная не только в кругу потенциальных словакистов, но в том числе в научной среде, поскольку она является универсальным справочником по словацким говорам, позволяющим глубже понять язык и верифицировать территориальную маркированность конкретного языкового феномена. В 2022 и 2023 гг. было издано двухтомное «Словоизменение в словацком языке», где решались сложные в своей парадоксальности задачи, связанные с преподаванием словацкой морфологии, когда, с одной стороны, последнее словацкое нормативное издание по грамматике датируется далеким 1966 годом, с другой — непрерывно появляются частные дополнения к кодификации, причем здесь необходимо найти некий «золотой стандарт», который будет освоен при изучении словацкой литературной нормы носителями иного славянского (русского) языка.

Как научный наставник Константин Васильевич всегда отличался гибкостью подхода и широтой кругозора: он брался руководить самыми разными темами и всегда направлял своих студентов и аспирантов к творческому поиску, при этом помогал мыслить последовательно и структурировать не только текст, получаемый на выходе, но и сам процесс научной работы, дисциплинировать мышление. Все знали и ценили доброту и честность Константина Васильевича, его открытость и жизнелюбие, стремление помочь в самых

непростых ситуациях, ободрить и направить, а его вдохновенное отношение к профессии вызывало восхищение, заряжало и заражало. Коллеги Константина Васильевича, его студенты, нынешние и бывшие, коллектив кафедры славянской филологии, сотрудники Института славяноведения РАН выражают соболезнования его родным и близким.

Поступила в редакцию 14.08.2025

Принята к публикации 26.08.2025

Отредактирована 10.09.2025

Received 14.08.2025

Accepted 26.08.2025

Revised 10.09.2025

ОБ АВТОРЕ

Дарья Юрьевна Ващенко — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела славянского языкознания Института славяноведения РАН, Москва, Россия; daranis@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Daria Yu. Vashchenko — PhD, Senior Researcher, Department of Slavic Linguistics, Institute of Slavic Studies RAS; daranis@mail.ru

АЛЕКСАНДРА ВРАНЕШ (1960–2025)

Л. Байич

Белградский университет, Белград, Сербия; ica.bajic@gmail.com

Аннотация: Прощание с доктором Александрой Вранеш, выдающимся профессором Белградского университета и Государственного университета в Нови-Пазаре, доктором библиотечного дела, филологом и известным славистом, является выражением глубокого уважения к ее научному подвижничеству и ценностям, воплощенным в ее личности и работе. В статье дается оценка научного наследия Александры Вранеш в области библиотечного дела, библиографии и сербской литературы, а также приводится обзор академического сотрудничества с научными и культурными учреждениями в Сербии и за рубежом.

Ключевые слова: Александра Вранеш; личность; творчество; академический вклад; библиотечное дело; библиография; сербская литература

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-05-21

Для цитирования: Байич Л. Александра Вранеш (1960–2025) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 5. С. 225–228.

ALEKSANDRA VRANEŠ (1960–2025)

Л. Bajić

University of Belgrade, Belgrade, Serbia; ica.bajic@gmail.com

Abstract: The farewell to Doctor of Philology Aleksandra Vraneš, an outstanding professor at the University of Belgrade and the State University in Novi Pazar, philologist and renowned Slavicist, is an expression of deep respect for her academic dedication and the values embodied in her personality and work. The article assesses Aleksandra Vraneš's scholarly legacy in the field of library science, bibliography and Serbian literature, and provides an overview of academic cooperation with scientific and cultural institutions in Serbia and abroad.

Keywords: Aleksandra Vraneš; personality; creativity; academic contributions; library science; bibliography; Serbian literature

For citation: Bajić L. (2025) Aleksandra Vraneš (1960–2025). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 225–228.

Научное сообщество с печалью и неверием восприняло известие о том, что 17 июня 2025 года в Белграде скончалась профессор, доктор Александра Вранеш. Будучи выдающимся филологом и славистом, профессором библиотечного дела и наставником студентов всех уровней обучения на филологическом факультете Белградского университета, а с 2024 года также и в Государственном университете в Нови-Пазаре, Александра Вранеш была надежной опорой и другом для своих коллег, которые навсегда сохраняют память о ней именно такой. Несмотря на то, что она оставила после себя обширный и научно обоснованный корпус работ, в своих исследованиях она не переставала искать новые темы и методы работы, стремясь предвосхитить, изучить и оценить особые результаты, которые достигаются реализацией таких проектов. Поэтому ее труд будет храниться в научной сокровищнице наряду с другими работами, важность и ценность которых внезапная кончина автора не ставит под сомнение.

Жизненный и академический путь Александры Вранеш в основном связан с Белградом, ее родным городом, где она с отличием окончила в 1983 году филологический факультет, отделение югославских литератур и сербскохорватского языка, в 1988 году получила степень кандидата наук, а в 1996 году — докторскую степень. После окончания университета с 1985 года она начала работать на филологическом факультете в должности ассистента-стажера и, успешно выстраивая свою научную карьеру в течение нескольких десятилетий, в 2004 году достигла высшего звания — профессора. В научно-исследовательском сообществе почти сорокалетний труд и деятельность Александры Вранеш оцениваются как крупный вклад в развитие библиотечного дела, библиографии и смежных отраслей науки, которыми она занималась. Это подтверждено, в частности, развитием сотрудничества с отечественными и международными научными и культурными учреждениями, такими как Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт славяноведения РАН, Государственный лингвистический университет им. А.Н. Добролюбова и Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, фонд «Русский мир», Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, Международное педагогическое общество в поддержку русского языка, Российский центр науки и культуры в Белграде, Гарвардский университет и Государственный университет Эмпория в США, Бакинский университет иностранных языков и др. Подтверждением ее исключительного вклада являются также многочисленные значимые награды: премии им. Владана Недича и Петра Колендича филологического факультета Белградского

университета, премия Матицы Сербской «Бранко», Хартия Вука, премия им. Джурѣ Даничиѣ, диплом и почетный знак «За активную работу» фонда «Русский мир» и др. Присужденные ей премии самим своим названием свидетельствуют о социальной роли и ценности отмеченных произведений и деятельности автора-лауреата.

Наиболее значимыми трудами Александры Вранеш являются научные монографии и исследования в области библиотекосведения и библиографии, научные статьи и эссе на темы, связанные с сербской литературой, культурологией и цифровыми гуманитарными науками, а также университетские учебники для студентов и профессиональные пособия для библиотекарей. В таких монографиях и исследованиях, как «Библиография» (Белград-Москва-Тюмень-Воронеж, 2017), «Библиография произведений Десанки Максимович: 1972–1998» (Белград, 2001), «Рукописное наследие Десанки Максимович: инвентаризация и описание» (Белград, 2001), «От рукописей к библиотекам» (Белград, 2008), «Библиотеки вузов» (Белград, 2004), она развивала основы изучаемой ею науки и усовершенствовала ее предметность и методологию. Подчеркивая необходимость сохранения культурного наследия и национальных традиций, она подготовила библиографии всех писателей, вошедших в национальный канон, а также сербских классиков. Таким образом, опираясь на надежный литературно-исторический материал, она открыла новые перспективы биографического и исторического контекста сербской литературы. Осознавая роль языка и культуры в национальном сообществе, она инициировала и реализовала приоритетные проекты цифрового наследия классиков сербской литературы Иво Андрича и Десанки Максимович и способствовала созданию цифровой библиотеки филологического факультета, где, помимо сербских исследований, изучается зарубежная филология и культура. Осознавая важность установления связей и сотрудничества с другими культурами и средами, пробуждая любовь к родному языку и культуре, она была душой международного сотрудничества, как, например, в случае библиотеки «Язык и литература» на русском языке, посвященной сербистике, русистике и славистике.

В анналах академического сообщества будет особо отмечена деятельность Александры Вранеш в органах управления и планирования образовательных процессов и практик. Она была деканом филологического факультета (2010–2016), председателем Совета группы научных направлений социальных и гуманитарных наук Белградского университета и вице-президентом Национального совета по высшему образованию. Проявила себя как руководитель и один из основателей кафедры библиотекосведения и информатики, руководитель Отдела рукописей Матицы Сербской, научный со-

трудник Института Иво Андрича и руководитель отдела развития и совершенствования Национальной библиотеки Сербии.

Разносторонняя научная и преподавательская деятельность, значительная общественная деятельность в академическом сообществе и сербской культуре, а также уникальность личности Александры Вранеш позволяют нам запомнить ее как выдающегося человека, который на долгое время определил путь развития научной теории и практики в областях, которыми она занималась. Хотя она уже нас покинула, ее присутствие ощущается в каждом воспоминании, свидетельстве и книге, в которых она к нам возвращается. И благодаря живым воспоминаниям о дорогой преподавательнице, коллеге и друге Александре Вранеш теперь произведения говорят голосом своего автора.

Поступила в редакцию 12.08.2025

Принята к публикации 26.08.2025

Отредактирована 12.09.2025

Received 12.08.2025

Accepted 26.08.2025

Revised 12.09.2025

ОБ АВТОРЕ

Лиляна Байич — доктор филологических наук, профессор кафедры сербской литературы и южнославянских литератур филологического факультета Белградского университета; председатель Комиссии по преподаванию славянских языков и литератур Международного съезда славистов; ica.bajic@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Ljiljana Bajić — Prof. Dr., Department of Serbian Literature and South Slavic Literatures at the Faculty of Philology, University of Belgrade; Chair of the Commission for the Teaching of Slavic Languages and Literatures of the International Congress of Slavists; ica.bajic@gmail.com

ПАМЯТИ А.А. ТАХО-ГОДИ (26.10.1922–08.09.2025)

А.И. Солопов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; scatebr@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена памяти А.А. Тахо-Годи (26.10.1922–08.09.2025), выдающегося ученого, филолога-классика, крупнейшего исследователя античной литературы и античной философии.

Ключевые слова: А.А. Тахо-Годи; кафедра классической филологии; античная литература

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2025-48-05-22

Для цитирования: Солопов А.И. Памяти А.А. Тахо-Годи (26.10.1922–08.09.2025) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2025. № 5. С. 229–232.

IN MEMORIAM A.A. TAKHO-GODI (26.10.1922–08.09.2025)

Alexei I. Solopov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; scatebr@mail.ru

Abstract: The paper is the obituary for Aza A. Takho-Godi, prominent Russian classicist renowned for her works in the fields of Classical literature and Greek philosophy.

Keywords: Aza A. Takho-Godi; Department of Classics; Classical literature

For citation: Solopov A.I. (2025) In Memoriam A.A. Takho-Godi (26.10.1922–08.09.2025). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 5, pp. 229–232.

8 сентября 2025 г. ушла из жизни заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки России, профессор кафедры классической филологии филологического факультета МГУ, член Всемирной писательской организации «Международный ПЕН-клуб» Аза Алибековна Тахо-Годи. Аза Алибековна скончалась за семь недель до своего 103-го дня рождения, прожив

долгую и плодотворную жизнь, оставившую глубокий след в отечественной культуре, науке и образовании.

С филологическим факультетом Московского университета Аза Алибековну связывают свыше 70 лет педагогической и научной деятельности. В 1949 г. она защитила в МГУ кандидатскую диссертацию «Поэтические тропы Гомера и их социальный смысл» под научным руководством А.Ф. Лосева, а в 1959 г. получила степень доктора филологических наук, защитив в ИМЛИ диссертацию «Античность и русские революционные демократы в связи с предшествующим литературно-эстетическим развитием». В 1958 г. она стала преподавателем кафедры классической филологии МГУ, которую возглавила в 1962 г. Аза Алибековна руководила кафедрой и отделением классической филологии МГУ до 1996 г. За это время она создала серьезную научную школу и воспитала целую плеяду учеников и последователей. В годы ее руководства кафедрой был введен ряд новых и принципиально важных для классической филологии дисциплин: «Греческая палеография» (Борис Львович Фонкич), «Введение в византиноведение» (проф. Александр Петрович Каждан); значительно расширен лингвистический цикл (специальные курсы Олега Сергеевича Широкова по индоевропеистике и истории греческого языка, курс «Балканистика» Леонида Александровича Гиндина); в 1962 г. введен «Новогреческий язык». Многие из выпускников кафедры классической филологии стали выдающимися специалистами именно в этих областях науки.

Ныне ученики Азы Алибековны рассыпаны по всему миру и заняты научной деятельностью в самых разных сферах гуманитарного знания. Это стало возможным благодаря ее блистательному таланту организатора, педагога и ученого. Общие и специальные курсы Азы Алибековны, практические занятия и семинары всегда пользовались неизменной любовью студентов и вызывали неподдельное увлечение и интерес.

Перу Азы Алибековны принадлежит более 800 публикаций, многие из которых переведены на иностранные языки, по разнообразным направлениям классической филологии — от греческой мифологии до проблем эллинистической литературы; кроме того, она была редактором многочисленных коллективных трудов. Научная эрудиция, умение соединить отечественные и зарубежные методы и исследовательские традиции нашли выражение в ее работах, посвященных проблемам терминологии, стилистики, теоретическим вопросам античных литературных жанров, истории культуры, мифологии, философии, и в ее комментариях к античным

авторам. Многие книги Азы Алибековны («Античная литература», «Греческая мифология», «Боги и герои Древней Греции») и ее статьи (в сборниках «Античные риторика», «Античные гимны» и др.) выдержали несколько изданий, стали классическими трудами и в течение многих лет используются в Московском университете как основные учебные пособия. Они снискали заслуженную популярность у самого широкого круга читателей.

Вышедшая в 2009 г. книга Азы Алибековны «Жизнь и судьба» стала важным событием культурной жизни: в ней сквозь призму трагической судьбы своей семьи (Алибек Тахо-Годи, выпускник и профессор Московского университета, был расстрелян в 1937 г.) Аза Алибековна проводит глубокий анализ развития отечественного просвещения и культуры, подтверждая его документальными свидетельствами о судьбах российской интеллигенции (в том числе профессоров Московского университета) в XX в.

С 1982 г. Аза Алибековна вела большую научно-организационную работу как председатель Античной комиссии Научного совета «История мировой культуры» РАН, под эгидой которого прошло более десяти международных конференций. С 1979 по 2017 гг. Аза Алибековна возглавляла диссертационный Совет по классической филологии, византийской и новогреческой филологии при МГУ, в котором за те годы было защищено около 100 докторских и кандидатских диссертаций, из которых около 40 — под руководством Азы Алибековны.

Вся жизнь Азы Алибековны являет собой образец преданного и самоотверженного служения науке, а главным делом ее жизни стало сохранение наследия выдающегося русского философа и филолога А.Ф. Лосева (1893–1988). Под руководством Азы Алибековны опубликованы десятки работ из архива А.Ф. Лосева, в том числе 9-томное собрание его сочинений. Аза Алибековна создала и возглавила культурно-просветительское общество «Лосевские беседы» и Библиотеку истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева», ставшие значительным для Москвы интеллектуальным центром, в котором регулярно проводятся научные конференции, семинары и циклы лекций.

Прощание с Азой Алибековной Тахо-Годи (в крещении Наталией) прошло в храме Покрова Богородицы в Красном Селе; после отпевания были прочтены послания с соболезнованиями Патриарха Московского и всея Руси Кирилла и Президента России В.В. Путина. А.А. Тахо-Годи была похоронена на Ваганьковском кладбище рядом с А.Ф. Лосевым.

С уходом А.А. Тахо-Годи в отечественной науке закончилась эпоха, связывающая поколения разных столетий, а филология понесла тяжелую и невозполнимую утрату.

Вечная память!

Поступила в редакцию 15.09.2025

Принята к публикации 16.09.2025

Отредактирована 20.09.2025

Received 15.09.2025

Accepted 16.09.2025

Revised 20.09.2025

ОБ АВТОРЕ

Алексей Иванович Солопов — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; scatebr@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexei Solopov — Prof. Dr., Head of the Department of Classics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; scatebr@mail.ru

ISSN 0130-0075

ISSN для электронной версии 2949-2688 от 02.05.2023

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 9. ФИЛОЛОГИЯ. 2025. № 5. 1–232.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации № 1555 от 14 февраля 1991 г.